

Научно-практический журнал

ISSN 2079-4665 (Print)

ISSN 2411-796X (Online)

Том 10
№ 1 2019
Март

A stylized world map in shades of blue serves as the background for the journal cover. The map is centered, showing the continents of North America, South America, Europe, Africa, Asia, and Australia. The title text is overlaid on the map.

Модернизация Инновации Развитие

Modernization. Innovation. Research

Модернизация Инновации Развитие

Том 10
№ 1

МАРТ
2019

Scientific and practice-oriented journal

Modernization Innovation Research

Vol. 10
Issue 1

MARCH
2019

Научно-практический журнал

УЧРЕДИТЕЛИ

ООО Издательский Дом «Наука»
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519
НП «Международный стратегический
инновационно-технологический альянс»
119285, Россия, г. Москва, ул. Пудовкина, 4

ИЗДАТЕЛЬ

ООО Издательский Дом «Наука»
109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а

НАУЧНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

Институт народнохозяйственного прогнозирования
Российской Академии Наук (ИНП РАН)
117418, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

109044, Россия, г. Москва, ул. Динамовская, д. 1а, оф. 519
Телефон: +7 (499) 271-6724

e-mail: info@idnayka.ru, article@idnayka.ru
<http://www.mir-nayka.com>

Scientific and practice-oriented journal

FOUNDERS

Publishing House "Science"
Office 519, Dinamovskaya str., 1a,
109044, Moscow, Russian Federation
NP "ISITA"

Pudovkina str. 4, 11 9285, Moscow,
Russian Federation

PUBLISHER

Publishing House "Science"
Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation

SCIENTIFIC SUPPORT

Institute of Economic Forecasting (IEF RAS)
47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow,
Russian Federation

EDITORS OFFICE ADDRESS

Office 519, Dinamovskaya str., 1a, 109044, Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 (499) 271-6724

«МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)»

Научно-практический рецензируемый журнал

Научно-практический журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» публикует научные материалы как теоретического, так и эмпирического характера по всем направлениям экономической науки. На страницах журнала рассматриваются проблемы социально-экономического развития России и ее регионов, варианты текущих, среднесрочных и долгосрочных прогнозов народного хозяйства и секторов экономики, вопросы структурно-инвестиционной, социальной, финансовой и внешнеэкономической политики, экономические стратегии, процессы глобализации, модернизация в отраслях народного хозяйства.

Научное сопровождение журнала: Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук (ИНП РАН).

Журнал издается при поддержке Института менеджмента и маркетинга Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИММ РАНХиГС).

Журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» рекомендован **ВАК Минобрнауки России** для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Журнал включен в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**. Полнотекстовые версии статей, публикуемых в журнале, доступны на сайте Научной электронной библиотеки **eLIBRARY.RU** (<http://elibrary.ru>).

В настоящее время журнал присутствует и индексируется в более чем в 15 российских и международных наукометрических базах данных и специализированных ресурсах.

Журнал является членом Комитета по этике научных публикаций,

Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ),

Международной ассоциации по связям издателей (Publishers International Linking Association, Inc. – PILA)

Журнал придерживается лицензии **«Creative Commons Attribution 4.0 License»**.

Все материалы журнала доступны бесплатно для пользователей.

Авторы имеют право распространять свои материалы без ограничений, но со ссылкой на журнал.

<http://www.mir-nayka.com>

МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)

Журнал издается с января 2010 года

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-38695 от 21 января 2010 г.

Выходит 1 раз в квартал

Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» 65042

Журнал рекомендован ВАК Минобрнауки России для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ООО Издательский Дом «Наука»

Генеральный директор: С. Ш. Евдокимова

Директор по развитию: Е. Л. Иванова

Шеф-редактор: А. А. Гусаренко

Юрист: В. Н. Иванов

Подписано в печать 28.03.2019

Попечитель журнала

Сенин А. С. – доктор экономических наук, профессор, декан Факультета маркетинга и международного сотрудничества Института управления и регионального развития Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Электронная версия журнала: <http://www.mir-nayka.com>, <http://www.elibrary.ru>

Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции.

Редакция приносит извинения за случайные грамматические ошибки.

© ООО Издательский дом «Наука»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

КОМКОВ Николай Иванович, заведующий лабораторией организационно-экономических проблем управления научно-техническим развитием, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

МИШИН Юрий Владимирович, профессор кафедры математических методов в экономике и управлении Государственного Университета Управления (ГУУ), доктор экономических наук, профессор, myv1@rambler.ru (Москва, Россия)

БОБРЫШЕВ Артур Дмитриевич, профессор учебного отдела аспирантуры, ФГУП «ЦНИИ «Центр», доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 55345366400, 3646410@mail.ru (Москва, Россия)

ИВАЩЕНКО Наталия Павловна, заместитель декана экономического факультета, заведующий кафедрой экономики инноваций, МГУ им. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

АКАЕВ Аскар Акаевич, Иностранный член РАН (Кыргызстан), главный научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем МГУ им. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Москва, Россия)

БАЙЗАКОВ Сайлау Байзакович, научный руководитель АО «Институт экономических исследований» при Министерстве экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56741276400, baizakov37@mail.ru (Астана, Республика Казахстан)

БУРКАЛЬЦЕВА Диана Дмитриевна, профессор кафедры «Финансы предприятий и страхования», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Симферополь, Россия)

ВЕСЕЛОВСКИЙ Михаил Яковлевич, заведующий кафедрой управления, ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет», доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56087785600, unitech@unitech-mo.ru (Королев, Россия)

ДИДЕНКО Николай Иванович, заместитель заведующего по научной работе кафедры мировой и региональной экономики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

ИЗМАЙЛОВА Марина Алексеевна, профессор Департамента Корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Москва, Россия)

КОСИНЬСКИ Эрык, доктор юриспруденции, Университет имени Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша), приглашенный профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Международная Высшая школа управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ПАЛАТКИН Иван Викторович, директор Пензенского казачьего института технологий (филиал) ФГБОУ ВПО «МГТУ имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета)», доктор экономических наук, ivpalatkin@bk.ru (Пенза, Россия)

САФИУЛЛИН Азат Рашитович, заведующий кафедрой проектного менеджмента и оценки бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Казань, Россия)

СЕКЕРИН Владимир Дмитриевич, заведующий кафедрой экономики высокотехнологичного производства, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 56088643300, bcintermarket@yandex.ru (Москва, Россия)

ФЕДОРОВА Ирина Юрьевна, профессор Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 55968559500, fedorovaiu1@gmail.com (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

ГУРОВА Ирина Михайловна, ведущий специалист учебного отдела, Факультет маркетинга и международного сотрудничества ИУРР РАНХиГС, кандидат экономических наук, i-m-g@yandex.ru (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

ИВАНТЕР Виктор Викторович, академик РАН, научный руководитель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 16425878700, vvivanter@ecfor.ru (Москва, Россия)

Зам. главного редактора

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич, академик РАН, директор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), доктор экономических наук, профессор, Scopus ID: 6603270384, b_porfiriev@mail.ru (Москва, Россия)

ЖУКОВ Евгений Алексеевич, почетный профессор, Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), доктор экономических наук, evgenii.zhukov@mail.ru (Москва, Россия)

Члены редакционного совета

АЛФЕРОВ Валерий Николаевич, доцент Департамента менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент, expertavn@bk.ru (Москва, Россия)

БИГУАА Батал Геннадьевич, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей, кандидат юридических наук (Москва, Россия)

БУРУКИНА Ольга Алексеевна, старший исследователь Университета Вааса, кандидат филологических наук, доцент, магистр юриспруденции, магистр менеджмента, obur@mail.ru (Вааса, Финляндия)

ВЫБОРНЫЙ Анатолий Борисович, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по безопасности и противодействию коррупции (Москва, Россия)

ГЮРДЖАН Ара Смбатович, профессор кафедры управления Ереванского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ag@president.am (Ереван, Армения)

ДМИТРИЕВСКИЙ Анатолий Николаевич, академик РАН, научный руководитель, Институт проблем нефти и газа РАН (ИПНГ РАН), доктор геолого-минералогических наук, профессор, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Москва, Россия)

КАТУЛЬСКИЙ Евгений Данилович, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Scopus ID: 57194697861, sh-darina@yandex.ru (Москва, Россия)

КНАУПЕ Ханс-Иоахим, доктор экономики, профессор, Академия Международной экономики (Берлин, Германия)

МИНДЕЛИ Леван Элизбарович, член-корр. РАН, научный руководитель, Институт проблем развития науки РАН, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, l.mindeli@issras.ru (Москва, Россия)

СМИРНОВА Ольга Олеговна, эксперт национальной части Делового Совета Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), доктор экономических наук, доцент, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Москва, Россия)

ШУБАЕВА Вероника Георгиевна, проректор по учебной и методической работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, shubaeva.v@unecon.ru (Санкт-Петербург, Россия)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Научно-практический журнал «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК, рекомендуемых для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Все статьи журнала «МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)» находятся в открытом доступе – на сайте издания (<http://www.mir-nayka.com>), в Научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>) и прочих наукометрических ресурсах. Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных или культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций и принципы работы редакторов и издателей, разработанные Международным Комитетом по публикационной этике (COPE)

Все статьи проверяются на плагиат. В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Рукописи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное двустороннее анонимное («двойное слепое») рецензирование (рецензент и автор не знают имен друг друга). При принятии решения о публикации единственным критерием является качество работы – оригинальность, важность и обоснованность результатов, ясность изложения. На основании анализа статьи принимается решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой), либо об отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензентов его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Статьи в журнале публикуются после получения положительных рецензий, как без оплаты, так и с возмещением затрат за редакционно-издательские услуги. Бесплатно (за счет средств журнала) размещаются материалы авторов, специально приглашенных научно-редакционным советом и/или редакционной коллегией (главным редактором), а также статьи аспирантов дневной формы обучения. Стоимость возмещения редакционно-издательских затрат составляет от десяти тысяч рублей, в зависимости от необходимого объема работы с конкретной статьей.

Общие правила публикации (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

Авторы гарантируют, что статья является оригинальным произведением, и они обладают исключительными авторскими правами на нее. Все Авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе.

При подаче статьи Авторы соглашаются с положениями предоставляемого редакцией Авторского договора.

Для публикации научной статьи Авторы должны надлежащим образом оформить и представить в электронном виде необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней. Рукописи должны быть оформлены строго в соответствии с «Правилами оформления рукописи научной статьи», представленными на сайте журнала, тщательно структурированы, выверены и отредактированы Авторами.

Структура статьи (подробнее см. <http://www.mir-nayka.com>):

1. Коды УДК и международного классификатора JEL.
2. ФИО авторов и аффилиация (на русском и английском языках).
3. Название статьи – не более 10-ти слов (на русском и английском языках).
4. Аннотация – не менее 200–250 слов; должны быть четко обозначены следующие составные части (на русском и английском языках):
 - 1) Цель (Purpose);
 - 2) Метод или методология проведения работы (Methods);
 - 3) Результаты работы (Results);
 - 4) Выводы (Conclusions and Relevance).
5. Ключевые слова – 5–10 слов (на русском и английском языках).
6. Благодарности / Признательность (на русском и английском языках).
7. Конфликт интересов (на русском и английском языках).
8. Основной текст статьи – излагается в определенной последовательности с соответствующими подзаголовками (на русском и английском языках):
 - 1) Введение (Introduction) – 1–2 стр.;
 - 2) Обзор литературы и исследований (Literature Review) – 1–2 стр.;
 - 3) Материалы и методы (Materials and Methods) – 1–2 стр.;
 - 4) Результаты исследования (Results) – основной раздел, сопровождается иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками);
 - 5) Выводы (Conclusions and Relevance).
9. Список литературы – для оригинальной научной статьи не менее 25–30 источников, для научного обзора не менее 50–80 источников (на русском и английском языках).
10. Вклад соавторов (на русском и английском языках).

Более подробная информация о журнале для авторов и читателей:

<http://www.mir-nayka.com>

ISSN 2079-4665 (Print)

ISSN 2411-796X (Online)

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Scientific and practical peer-reviewed journal

The journal "MIR [World] (Modernization. Innovation. Research)" publishes both theoretical and empirical Research in all spheres of Economic. The journal deals with the problems of socio-economic development of Russia and its regions, short-, medium- and long-term forecasts of economic development and its sectors, the issues of structural investment, social, financial and foreign policies, economic strategies, the processes of globalization and modernization in the sectors of National economy.

The scientific support of journal: the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS).

The journal is published with the financial support of the Institute of Management and Marketing of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

The journal is included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federacii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI: see http://elibrary.ru/project_risc.asp).

The journal is present and indexed in more than 15 Russian and International science-based databases and specialized resources.

All materials of the journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" are published by using the license **Creative Commons Attribution 4.0 License**, allowing loading and distributing works on the assumption of indicating the authorship. The works may not be changed in any way or used for commercial interests.

The authors of the materials published in the journal have every right to distribute them without restrictions, but with reference to the journal.

<http://www.mir-nayka.com>

MIR (Modernization. Innovation. Research)

Published since January 2010

Registration Certificate ПИ № ФС77-38695 of January 21, 2010
by the Ministry of Press, Broadcasting and Mass Communications of the Russian Federation

Goes out trimestral

Subscription index in catalogue of agencies "Rospechat" 65042

The journal is recommended by VAK (the Higher Attestation Commission) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish scientific works encompassing the basic matters of theses for advanced academic degrees

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Publishing House "Science"

Director General: Svetlana Sh. Evdokimova

Research Director: Ekaterina L. Ivanova

Executive Editor: Anna A. Goussarenko

Head Lawyer: Viktor N. Ivanov

Published March 28, 2019

Scientific electronic library: <http://www.elibrary.ru>Online: <http://www.mir-nayka.com>, <http://www.idnayka.ru>

This publication may not be reproduced in any form without permission.

All accidental grammar and/or spelling errors are our own.

Trustee of the Journal

Aleksandr S. SENIN – Dr. Sci. (Econ.), Prof.,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

KOMKOV Nikolai I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Scopus ID: 25655112100, komkov_ni@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

MISHIN Yurii V., Dr. Sci. (Econ.), Prof., State University of Management, myv1@rambler.ru (Moscow, Russian Federation)

BOBRYSHV Artur D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Central Research and Development Institute of the ship-building industry "Center", Scopus ID: 55345366400, 3646410@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

IVASHCHENKO Nataliya P., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 35111334600, nivashenko@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Editorial Board

AKAEV Askar A., Dr. Sci. (Eng.), Prof., Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan), Lomonosov Moscow State University, Scopus ID: 57125020600, askarakaev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

BAIZAKOV Sailau B., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Economic Research Institute (Astana, Republic of Kazakhstan), baizakov37@mail.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

BURKALTSEVA Diana D., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Scopus ID: 57191192862, di_a@mail.ru (Simferopol, Russian Federation)

VESELOVSKII Mikhail Ya., Dr. Sci. (Econ.), Prof., University of Technology, Scopus ID: 56087785600, unitech@unitech-mo.ru (Korolev, Russian Federation)

DIDENKO Nikolai I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Scopus ID: 56105001600, didenko.nikolay@mail.ru (Saint-Petersburg, Russian Federation)

IZMAILOVA Marina A., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 57189310428, m.a.izmailova@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

KOSIŃSKI Eryk, Prof. UAM dr hab., Chair of Public Economic Law, Faculty of Law and Administration of the Adam Mickiewicz University in Poznan, Poznan University of Technology, erykk@amu.edu.pl (Poznan, Poland)

PALATKIN Ivan V., Dr. Sci. (Econ.), K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University) (Penza branch), ivpalatkin@bk.ru (Penza, Russian Federation)

SAFIULLIN Azat R., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Kazan Federal University, Scopus ID: 55982236800, safiullin.ar@gmail.com, azat.safiullin@tatar.ru (Kazan, Russian Federation)

SEKERIN Vladimir D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences, Scopus ID: 56088643300, bcintermarket@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

FEDOROVA Irina Yu., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, Scopus ID: 55968559500, fedorovai1@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Executive Secretary

GUROVA Irina M., Cand. Sci. (Econ.), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, i-m-g@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

SCIENTIFIC EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief

IVANTER Viktor V., Academician, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Scopus ID: 16425878700, vvivanter@ecfor.ru (Moscow, Russian Federation)

Deputy Editors

PORFIRYEV Boris N., Academician, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute of Economic Forecasting (IEF RAS), Scopus ID: 6603270384, b_porfiriev@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

ZHUKOV Evgenii A., Dr. Sci. (Econ.), Moscow International Higher Business School MIRBIS, evgenii.zhukov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Members of Scientific Editorial Council

ALFEROV Valerii N., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, expertavn@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

BIGUAA Batal G., Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof., State Duma (Moscow, Russian Federation)

BURUKINA Ol'ga A., Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Higher School of Economics; Prof. Financial University under the Government of the Russian Federation, obur@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

VYBORNY Anatoly B., State Duma Deputy (Moscow, Russian Federation)

GYURDZHAN Ara S., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Yerevan State University, ag@president.am (Yerevan, Republic of Armenia)

DMITRIEVSKY Anatoly N., Academician, Dr. Sci. (G.-M.), Prof., Russian Academy of Sciences Oil and Gas Research Institute, Scopus ID: 6603259385, A.Dmitrievsky@ipng.ru (Moscow, Russian Federation)

KATUL'SKII Evgenii D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Federal State Institution All-Russian scientific-research institute for labour protection and economics under the Ministry for Public Health and Social Development, sh-darina@yandex.ru (Moscow, Russian Federation)

KNAUPE Hans-Joachim, Prof. Dr., Akademie für Internationale Wirtschaft (Berlin, Germany)

MINDELI Levan E., Correspondent Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, l.mindeli@issras.ru (Moscow, Russian Federation)

SMIRNOVA Olga O., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Business Council of the Shanghai Cooperation Organization, Scopus ID: 56719162500, 7823091@bk.ru (Moscow, Russian Federation)

SHUBAEVA Veronika G., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Saint-Petersburg State University of Economics, shubaeva.v@unecon.ru (Moscow, Russian Federation)

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

The journal "MIR (Modernization. Innovation. Research)" = "MIR (Modernizatsija. Innovatsii. Razvitie)" is a Russian scientific publication included in the list of peer-reviewed journals established by the Highest Certification Commission (HCC) of Russian Federation [Vysshaya attestatsionnaya komissiya (VAK) Rossijskoj Federatsii].

All articles of the journal are publicly available – on the websites of the journal and the Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru>). A free reproduction of material of the journal for personal use and a free using of material of the journal for information, research, educational or cultural purposes are permitted in accordance with Art. 1273–1274 of Ch. 70 of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. Other variants of using are only possible after the signing of appropriate agreements with the copyright holders (the management of the journal and the authors of the articles of the journal).

All articles are checked for plagiarism. If plagiarism is identified, the COPE guidelines on plagiarism will be followed.

Decisions on the publication of articles are made on the basis of the "double-blind peer-review". This means that during the process of reviewing, personal data of reviewers and authors shall be withheld. Each article is reviewed by two acknowledged specialists in the subject matter. The criteria of quality of manuscript are originality, significance of the results and its validity, clarity of text. If the author is a supporter of any socio-political movement or adherent of any religion and this fact is reflected in his / her article, it has no effect on the results of reviewing of the article. The Editorial Board informs an author about accept the article for publication. The Editorial Board sends to author comments from reviewers and editors. In accordance with the remarks author should edit the article. In case of rejection, the editorial Board sends the author a reasoned refusal.

Articles are published in the journal after an approval of them by reviewers as without pay and with reimbursement of publishing expenses of journal. The materials of authors invited by the Editorial Board (editor in chief) are published free (at the expense of journal). Manuscripts of postgraduate students are published free too. In other cases a reimbursement of publishing expenses is 10.000 RUB and more (at the expense of author or his/her sponsor).

General Publishing Rules (<http://www.mir-nayka.com>):

To publish a scientific article, the author(s) should submit a manuscript and other needed documents in exact accordance with the following requirements. The Editorial Board reserves the right to reject works that do not conform to the journal's publishing rules.

The authors shall guarantee that the submitted manuscript is the original work and all copyrights on it belong to him / her. The author transfers the rights on using the manuscript the publisher. All authors should disclose in their manuscript any financial or other substantive conflict of interest that might be construed to influence the results or interpretation of their manuscript. All sources of financial support for the project should be disclosed.

The author agrees to the terms of the enclosed Authors Agreement by submission of the article.

The Editorial Board does request authors of manuscripts submit them only after carefully editing. All authors' ideas should be clearly and consistently structured.

The structure of article (<http://www.mir-nayka.com>):

1. A code of UDC and a code of JEL classification system.
2. A full name of author, ORCID, ResearcherID, Scopus ID; academic degrees and titles; a place of work(s) / study with indication of the position(s) / course and specialization(s); an address and a telephone of organization.
3. A heading of the article.
4. An abstract (not less than 250 words): it should be correctly structured and include the following sections:
 - 1) Purpose;
 - 2) Methods of research;
 - 3) Results;
 - 4) Conclusions and Relevance.
5. Keywords (up to 10 words).
6. Acknowledgements.
7. Conflict of Interest.
8. A text of article: it must contain sections with such headings as:
 - 1) Introduction;
 - 2) Literature Review;
 - 3) Materials and Methods;
 - 4) Results;
 - 5) Conclusions and Relevance.
9. A list of references. We recommend using of not less than 25–30 sources in an original research article, and not less than 50–80 in scientific review.
10. Contribution of Authors.

Detailed information about the journal for authors and readers:

see <http://www.mir-nayka.com>.

ISSN 2079-4665 (Print)

ISSN 2411-796X (Online)

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Борисов В. Н., Почукаева О. В.

Отечественное машиностроение как фактор научно-технологического развития экономики РФ 12

Бурукина О. А.

Управление проектами в индустрии туризма: основы TMBOK 26

ИННОВАЦИИ

Мишин Ю. В., Костерев Н. Б., Сухарев В. Б., Мишин А. Ю.

Методы, процедуры и инструменты диверсификации предприятий и организаций ОПК России 38

Поспелова Т. В., Ярыгина А. Б.

Трансформация инновационных процессов и социокультурной специфики Южной Кореи
в рамках четвертой индустриальной революции 54

РАЗВИТИЕ

Завьялов Д. В., Сагинова О. В., Завьялова Н. Б.

Методика мониторинга воспринимаемого горожанами уровня развития
велотранспортной инфраструктуры в г. Москва 66

Вякина И. В.

Оценка качества деловой среды через восприятие бизнеса в рамках проводимой реформы
контрольно-надзорной деятельности государства 84

Задворная О. Л., Восканян Ю. Э., Шикина И. Б., Борисов К. Н.

Социально-экономические аспекты последствий медицинских ошибок в медицинских организациях 99

Иващенко Н. П., Булыгина Н. И.

Социальное предпринимательство в России: текущее состояние и особенности развития 114

CONTENTS

MODERNIZATION

Borisov V. N., Pochukaeva O. V.

Domestic engineering as a factor of scientific and technological development of the Russian economy 12

Burukina O. A.

Project Management in the Tourism Industry: the Basics of TMBOK 26

INNOVATION

Mishin Yu. V., Kosterev N. B., Sukharev V. B., Mishin A. Yu.

Methods, procedures and tools for diversification of enterprises and organizations of the Russian defense industry 38

Pospelova T. V., Yarygina A. B.

Transformation of Innovation Processes and Socio-Cultural Specificity of South Korea in the framework of the Fourth Industrial Revolution 54

RESEARCH

Zavyalov D. V., Saginova O. V., Zavyalova N. B.

Technique of monitoring of the level of development of cycle transport infrastructure perceived by citizens in Moscow 66

Vyakina I. V.

Evaluation of the business environment quality through the perception of business as part of the ongoing reform of the state supervisory oversight reform 84

Zadvornaya O. L., Voskanyan Yu. E., Shikina I. B., Borisov K. N.

Socio-economic aspects of medical errors and their consequences in medical organizations 99

Ivashchenko N. P., Bulygina N. I.

Social entrepreneurship in Russia: current state and development features 114

УДК 338.27
JEL: O25, O32

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.12-25

Отечественное машиностроение как фактор научно-технологического развития экономики РФ

Владимир Николаевич Борисов¹, Ольга Викторовна Почукаева²

¹⁻² Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии наук, Москва, Россия
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47

E-mail: vnbor@yandex.ru; ol255@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.03.2019; одобрена: 18.03.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: Исследование влияния инновационно-технологического развития отраслей машиностроения на эффективность воздействия машиностроительного фактора на рост и развитие экономики.

Методология проведения работы: При проведении исследования применялись методы и инструментарий, разработанные авторами на основе научной базы и математического аппарата, применяемого в экономических и статистических исследованиях.

Результаты работы: В статье решены следующие задачи: выполнен анализ эффективности функционирования отраслей машиностроения по показателям вклада в формирование валовой добавленной стоимости, импортозамещения и экспорта продукции; проведен анализ развития машиностроительного производства и его влияния на экономику регионов РФ. Получены количественные оценки эффективности по структурным и динамическим показателям функционирования отраслей машиностроения. Это позволило оценить эффективность воздействия машиностроительного фактора на рост и развитие экономики регионов РФ.

Выводы: Особое место машиностроения в структуре экономики предопределяет энергию его позитивного воздействия на развитие всего промышленного комплекса РФ. Рост доли ВДС, рост экспорта и импортозамещения свидетельствуют о позитивных сдвигах в машиностроении в сторону повышения конкурентоспособности. Модернизация машиностроения, как система мероприятий, направленных на расширение производственной базы на новом технологическом уровне с использованием заделов отечественной науки и привлечением прогрессивных технологий – необходимое условие вовлечения в процесс инновационно-технологического перевооружения сопряженных производств других отраслей обрабатывающей промышленности и всего реального сектора экономики. Установлено, что в регионах с более высоким уровнем диверсификации производства усиливается воздействие машиностроительного фактора, что способствует росту эффективности функционирования обрабатывающих отраслей. Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью получения количественных оценок эффективности функционирования регионов под влиянием совокупности факторов инновационно-технологического развития машиностроения.

Ключевые слова: научно-технологический фактор, отрасли машиностроения, машиностроительный фактор, валовая добавленная стоимость, экспорт продукции машиностроения, импортозамещение, инновационная эффективность

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Прогноз реализации Стратегии научно-технологического развития России».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Борисов В. Н., Почукаева О. В. Отечественное машиностроение как фактор научно-технологического развития экономики РФ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 12–25. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.12-25>

© Борисов В. Н., Почукаева О. В., 2019

Domestic engineering as a factor of scientific and technological development of the Russian economy

V. N. Borisov¹, O. V. Pochukaeva²

¹⁻² Institute of Economic Forecasting, Moscow, Russian Federation
47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418

E-mail: vnbor@yandex.ru; ol255@yandex.ru

Submitted 13.03.2019; revised 18.03.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: study of the impact of innovation and technological development of engineering industries on the effectiveness of the impact of engineering factors on the growth and development of the economy.

Methods: in conducting the study, the methods and tools developed by the authors based on the scientific base and the mathematical apparatus used in economic and statistical research were used.

Results: the following tasks were solved: analysis of the efficiency of the functioning of the engineering industries in terms of contribution to the formation of gross value added, import substitution and export of products; analysis of the development of engineering production and its impact on the economy of the regions of the Russian Federation. Quantitative estimates of the effectiveness of the structural and dynamic indicators of the functioning of engineering industries have been obtained. This made it possible to evaluate the effectiveness of the machine-building factor impact on the growth and development of the economy of the regions of the Russian Federation.

Conclusions and Relevance: a special place of engineering in the structure of the economy determines the energy of its positive impact on the development of the entire industrial complex of the Russian Federation. The increase in the share of GVA, the growth of exports and import substitution indicates a positive shift in engineering towards the growth of competitiveness. Modernization of as a system of measures aimed at expanding the production base at a new technological level using the groundwork of domestic science and attracting advanced technologies is a necessary condition for involving other manufacturing industries and the entire real economy in the process of innovation and technological re-equipment. It has been established that in regions with a higher level of production diversification, the influence of the mechanical-engineering factor is increasing, which contributes to an increase in the efficiency of the processing industries. The relevance of our research is due to the need to obtain quantitative estimates of the effectiveness of the functioning of the regions under the influence of a combination of factors of innovation and technological development of mechanical engineering.

Keywords: scientific and technological factor, industries of mechanical engineering, engineering factor, gross added value, export of mechanical engineering products, import substitution, innovation efficiency

Acknowledgments. The article was prepared as part of the project "Forecast for the Implementation of the Strategy for the Scientific and Technological Development of Russia".

Conflict of Interes. Authors declare no conflict of interest.

For citation: Borisov V. N., Pochukaeva O. V. Domestic engineering as a factor of scientific and technological development of the Russian economy. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):12–25.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.12-25>

Введение

Технологический потенциал отраслей машиностроения в значительной степени определяет вектор развития экономики. Модернизация экономики становится эффективной только, если достижения технологического прогресса, материализованные в машинах и оборудовании, включены в процесс технологического обновления отраслей реального сектора [1]. В «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (п. 15а) подчеркивается, что «исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования цифровой экономики и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих новыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов»¹.

Необходимость активизации развития машиностроения определяется тем, что произошло «сжатие инновационного цикла: существенно сократилось время между получением новых знаний и созданием технологий, продуктов и услуг, их выходом на рынок»².

В качестве основных задач Стратегии выдвигаются следующие:

- «обеспечить технологическое обновление традиционных для России отраслей экономики и увеличение доли продукции новых высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте на основе структурных изменений экономики России;
- обеспечить продвижение российских технологий и инновационных продуктов на новые рынки, рост доходов от экспорта высокотехнологичной продукции, услуг и прав на технологии и, как следствие, усиление влияния и конкурентоспособности России в мире»³.

Технологическое и экономическое значение машиностроения находится в тренде мирового промышленного развития [2]. Последовательное усиление влияния инновационно-технологического и инвестиционного факторов в машиностроении является базовым условием инновационного развития производственно-технологической базы сопряженных производств других отраслей обрабатывающей промышленности.

¹ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642), п. 15а. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

² Там же, п. 20.

³ Там же, пп. 36в, 36г.

Целью данного исследования являются прогнозно-аналитические оценки влияния инновационно-технологического развития отраслей машиностроения на эффективность воздействия машиностроительного фактора на рост и развитие экономики.

Обзор литературы и исследований. Значимость инноваций для эффективного функционирования экономики – проблема, разработке которой уделяется большое внимание отечественных и зарубежных ученых. Инновационные аспекты управления экономикой во второй половине XX века разрабатывались К. Фрименом [3, 4] и Й. Шумпетером [5]. Теоретические и практические аспекты инвестиционной деятельности в экономике изложены в работах Л. Гитмана и М. Джонка [6]. В странах с развитыми рынками рост отраслей промышленности, в том числе инновационного машиностроения, обеспечивается в условиях взаимодействия крупных машиностроительных корпораций и научных подразделений университетов и национальных лабораторий. При этом актуальность научно-технологического развития отраслей экономики, в том числе промышленности, остается в центре внимания крупнейших зарубежных исследователей. Определяющее значение науки и образования для роста и развития экономики, необходимость инвестирования полного инновационного цикла обоснованы в работах Р. Лукаса [7] и П. Ромера [8]. В большинстве технологически развитых стран государственная поддержка высокотехнологичных производств входит в число приоритетных направлений промышленной политики [9–11].

Принципы взаимодействия основных потоков продукции и ресурсов производства между отраслями реального сектора многоуровневой экономики разработаны Ю.В. Яременко [12]. Инновационно-технологическим факторам экономического роста и развития посвящены труды Н.И. Комкова [13], М.И. Каменецкого [14], Б.Н. Порфирьева [15], В.К. Фальцмана [16], а также работы В.Н. Борисова и О.В. Почукаевой⁴. Теоретические основы построения комплексных прогнозов инновационно-технологического развития экономики исследованы Н.И. Комковым [17]. Методы и инструментарий моделирования и прогнозирования

инвестиционного и фондового обеспечения функционирования промышленности разработаны А.И. Гладышевским [18].

Исследованию научно-технического потенциала отечественной экономики и инвестиционному обеспечению инновационного развития посвящены работы Л.Э. Миндели [19–21]. Инвестиционные стратегии развития производства наукоемкой продукции разработаны Л.Е. Варшавским [22]. Концепция ускоренного развития наукоемких, высокотехнологичных производств обоснована И.Э. Фроловым [23, 24].

Многолетние исследования влияния инновационно-технологического и инвестиционного факторов на развитие машиностроения и его подотраслей, а также сопряженных с машиностроением производств других отраслей обрабатывающей промышленности, отражены в работах авторов этой статьи⁵.

Материалы и методы. При проведении исследования научно-технологических факторов развития отечественного машиностроения применялись методы, разработанные авторами на основе математического аппарата, применяемого в экономических и статистических исследованиях. Особенность алгоритма исследования состоит в использовании авторских показателей и взаимосвязей между ними в прогнозно-аналитических построениях оценивания влияния машиностроения на развитие обрабатывающих отраслей промышленности.

Метод исследования влияния машиностроения на развитие реального сектора экономики регионов РФ основан на формировании и построении системы показателей, нормированных методом линейном масштабирования. На этой основе определяются сводные индексы развития обрабатывающей промышленности и экспортной эффективности машиностроения в регионах.

В работе использованы опубликованные статистические данные Федеральной таможенной службы России (для оценивания экспортного потенциала отраслей машиностроения), Росстата РФ, а также Индикаторы инновационной деятельности, раз-

⁴ Borisov V.N., Kuvalin D.B., Pochukaeva O.V. Improving the Factor Efficiency of Machinery in the Regions of the Russian Federation // Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29. № 4. P. 377–386; Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Investment and Innovative Technological Efficiency: Case Study of the Arctic Project // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. № 2. P. 169–179.

⁵ Борисов В.Н. Промышленность. Общая характеристика (С. 483–485). Машиностроительный комплекс (С. 492–493) / Большая Российская энциклопедия. Т. Россия. М.: Большая Российская энциклопедия. 2004. 1007 с.; Почукаева О.В. Инновационно-технологическое развитие машиностроения: монография / отв. ред. В.Н. Борисов. М.: МАКС Пресс. 2012. 472 с.; Борисов В.Н. и др. Прогнозирование инновационного машиностроения: монография / отв. ред. В.С. Панфилов. М.: МАКС Пресс. 2015. 180 с.; Борисов В.Н., Почукаева О.В. Инновационное машиностроение как фактор развивающегося импортозамещения // Проблемы прогнозирования. 2015. № 3. С. 31–42; Борисов В.Н., Почукаева О.В., Балагурова Е.А., Орлова Т.Г. Роль импортозамещения в развитии машиностроения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС-Пресс. 2015. С. 300–323

рабатываемые Институтом статистических исследований и экономики НИУ ВШЭ (для анализа развития машиностроения РФ). Статистическая база прогнозно-аналитических построений влияния машиностроения на развитие реального сектора экономики регионов включает Региональную статистику Росстата РФ, а также использованы данные Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации (выпуск 5), разрабатываемые Институтом статистических исследований и экономики НИУ ВШЭ. Особенность данной работы состоит в последовательном статистическом формировании связей «машиностроение – обрабатывающие отрасли» и «машиностроение – реальный сектор экономики регионов РФ». В работе не использовались экспертные оценки.

Результаты исследования

Проблемы и возможности отечественного машиностроения. Рассмотрим, как изменяются основные показатели развития машиностроения, и в какой мере их динамика способствует реализации Стратегии. «Проблемы освоения передовых технологий в промышленности являются ключевыми в инновационном процессе большинства индустри-

ально развитых стран мира. По оценкам экспертов, до 90% прироста ВВП в этих странах обеспечивается за счет создания новых и модернизации действующих технологий на основе инноваций, роста квалификации рабочей силы, повышения качества управления»⁶.

Валовая добавленная стоимость в машиностроении. Рост валовой добавленной стоимости, формируемой в отраслях машиностроения – признак увеличения уровня использования высоких технологий в производстве и эффективности его технологического развития. После разрушения отрасли в 1990-е годы машиностроение наращивает свое значение в российской экономике. Вклад машиностроения в формирование валовой добавленной стоимости (ВДС) увеличивается (табл. 1) и является наиболее крупным среди отраслей обрабатывающей промышленности (рис. 1)⁷.

Позитивная динамика вклада машиностроения в развитие российской экономики – результат опережающего развития высокотехнологичных отраслей, создающих наиболее высокую добавленную стоимость на базе активизации научно-технологического фактора. В 2012–2016 гг. вы-

сокие темпы роста производства именно в высокотехнологичных отраслях (табл. 2) обеспечили прирост вклада машиностроения в формирование ВДС. Снижение выпуска инвестиционного оборудования и электрооборудования – реакция на изменение емкости внутреннего рынка. Снижение инвестиционной активности в отраслях реального сектора привело к снижению спроса на инвестиционное оборудование и, как проявление мультипликативного эффекта, обусловило снижение спроса на электрооборудование, являющееся компонентами инвестиционного оборудования. Таким образом, снижение объемов производства в некоторых отраслях машиностроения – это влияние фактора инерционного развития промышленности РФ.

Несмотря на это, в отраслях машиностроения идет процесс инновационно-технологического перевооружения и пере-

Таблица 1
Структура формирования валовой добавленной стоимости в экономике РФ, %

Table 1
The structure of the formation of gross value added in the Russian economy, %

	Структура валовой добавленной стоимости в экономике РФ	
	2011 г.	2016 г.
ВДС – всего	100	100
из него:		
Реальный сектор экономики	68,9	66,3
из него:		
Добыча полезных ископаемых	9,5	9,4
Обрабатывающие производства	13,4	13,7
из них:		
машиностроение	3,0	3,7
металлургия	2,0	2,1
нефтепереработка	3,1	1,9
химическая промышленность	1,0	1,3

Рассчитано авторами по материалам: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.

Calculated by the authors based: "National Accounts of Russia in 2011–2016". Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.

⁶ Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Инвестиционно-инновационный потенциал российских регионов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 4. С. 667–681 (С. 672)

⁷ Прим. авторов: здесь и далее по тексту статьи контент таблиц и рисунков является результатом авторских расчетов.

Составлено авторами по материалам: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.

Рис. 1. Структура формирования ВДС в обрабатывающей промышленности РФ в 2016 г., %

Compiled by the authors based: "National Accounts of Russia in 2011–2016" Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.

Fig. 1. Structure of formation of GVA in the manufacturing industry of the Russian Federation in 2016, %

хода на выпуск продукции, по технологическим характеристикам соответствующей зарубеж-

ным аналогам, или инновационной продукции, не имеющей аналогов за рубежом (например, различные виды оборудования для Арктической зоны РФ)⁸. В 2017 г., в разрезе основных видов деятельности, в машиностроении зафиксирован рост объемов производства (табл. 2).

Обращает на себя внимание следующий факт – рост удельного вклада машиностроения в формирование суммарной ВДС экономики происходил на фоне снижения объемов производства в большинстве машиностроительных отраслей. Это означает, что на позитивную динамику роста указанного показателя оказал влияние фактор инновационно-технологического развития машиностроения, причем в первую очередь тех отраслей, где произошел рост удельного веса ВДС в выпуске продукции. По динамике этого показателя машиностроение существенно опережает обрабатывающую промышленность в целом (рис. 2). В обрабатывающей промышленности темпы роста доли ВДС в выпуске продукции были отрицательными

как в 2007–2011 гг. – 98,9%, так и в 2012–2016 гг. – 99,7%⁹. Рост доли ВДС обеспечивается следую-

Таблица 2

Выпуск продукции в отраслях машиностроения РФ, %

Table 2

Production output in the engineering industries of the Russian Federation, %

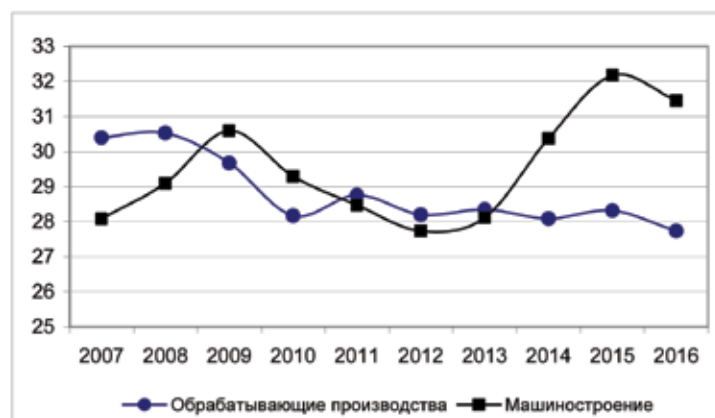
Отрасли машиностроения	Удельный вес в суммарном выпуске отраслей машиностроения		Темпы роста выпуска продукции		Индекс физического объема (к предшествующему году)
	2007 г.	2016 г.	2007–2011	2012–2016	
Инвестиционное машиностроение (производство машин и оборудования)	30	21	86,1	78,2	103,6
Электротехническая промышленность (производство электрических машин и электрооборудования)	13	9	89,5	79,5	109,4
Радиоэлектронная промышленность (приборостроение)	6	13	88,3	110,3	105,5
Автомобилестроение	28	19	132,1	73,3	116,8
Производство транспортных средств (космическое и авиастроение, судостроение, железнодорожное машиностроение)	18	38	99,0	133,4	103,5

Источник: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.; База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (дата обращения 31.01.2019)

Source: "National Accounts of Russia in 2011–2016" Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.; Database of the Federal State Statistics Service. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (accessed 01.31.2019)

⁸ Базовый каталог высокотехнологичной промышленной продукции и услуг для нужд Арктической зоны Российской Федерации. М.: Минпромторг России. 2017

⁹ Расчеты авторов по: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.

Составлено авторами по материалам: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.

Рис. 2. Удельный вес ВДС в выпуске продукции обрабатывающей промышленности и машиностроения, %

Compiled by the authors based: "National Accounts of Russia in 2011–2016". Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.

Fig. 2. The share of GVA in the output of the manufacturing industry and engineering, %

щими основными факторами: ресурсосбережением, локализацией производства компонентов и конкурентоспособностью, позволяющей увеличивать прибыль за счет роста цены. Влияние этих факторов проявляется только при условии технико-технологического перевооружения, обеспечения ценовой и

выпуска продукции по группе 35 «Транспортное машиностроение» (40–50%)¹⁰. Однако следует отметить, что высокий рост доли ВДС в этой группе отраслей был обеспечен, в том числе, высочайшим уровнем локализации производства компонентов в железнодорожном машиностроении.

технологической конкурентоспособности по компонентам производства и освоения выпуска инновационной продукции, обладающей высокими эксплуатационными характеристиками, конкурентоспособными с лучшими мировыми образцами. Важность этих факторов отмечается и в зарубежных источниках [25–27].

В табл. 3 приведены данные о структуре и динамике доли ВДС в выпуске продукции по отраслям машиностроения. Согласно данным этой таблицы, по всем отраслям (в разрезе укрупненных групп ОКВЭД 2019), за исключением автомобилестроения, наблюдался рост этого показателя. Причем наиболее высокие темпы роста обеспечены в высокотехнологичных отраслях – радиоэлектронной промышленности, авиационном и космическом машиностроении, которое обеспечивает основную долю

Таблица 3

Динамика удельного веса валовой добавленной стоимости в выпуске продукции в машиностроении РФ, %

Table 3

Dynamics of the share of gross value added in the output of products in the engineering industry of the Russian Federation, %

Отрасли машиностроения	Удельный вес ВДС в выпуске продукции		Среднегодовые темпы роста	
	2007 г.	2016 г.	2007-2011	2012-2016
Инвестиционное машиностроение (производство машин и оборудования)	34,3	34,7	100,9	100,7
Электротехническая промышленность (производство электрических машин и электрооборудования)	27,1	28,6	100,8	100,2
Радиоэлектронная промышленность (приборостроение)	39,1	43,5	101,1	104,2
Автомобилестроение	17,8	12,3	94,9	95,7
Производство транспортных средств (космическое и авиационное, судостроение, железнодорожное машиностроение)	27,7	36,6	102,5	102,8

Рассчитано авторами по материалам: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.

Calculated by the authors based: "National Accounts of Russia in 2011–2016". Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.

¹⁰ Расчеты авторов по: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.; «Промышленное производство в России». 2016. Статистический сборник. М.: Росстат. 2016. 347 с.

Высокая добавленная стоимость присуща инвестиционному машиностроению¹¹. Производство машин и оборудования для отраслей реального сектора – исторически и технологически сложившаяся необходимость, обусловленная структурой экономики и обеспеченная природными ресурсами и человеческим потенциалом. Инновационно-технологическое развитие инвестиционного машиностроения – необходимое условие эффективного функционирования российской экономики. Без отечественной инвестиционной техники, составляющей основу воспроизводства технико-технологической базы отраслей реального сектора, невозможно обеспечить комплексную конкурентоспособность российской промышленности и занять в мировой промышленной интеграции место, соответствующее ее научному, человеческому и природному потенциалу.

Импортозамещение по машиностроительной продукции. Инновационно-технологическое перевооружение отраслей машиностроения существенно повлияло на импортозамещение машинотехнической продукции, высокая зависимость от импорта которой формировалась в 1990–2000-х годах и препятствовала обеспечению технологической безопасности. В настоящее время наметились по-

ложительные сдвиги, прежде всего, в рамках развития ведущих, в том числе высокотехнологичных, отраслей (табл. 4).

При этом по-прежнему остается высокой доля импорта на внутреннем рынке инвестиционного машиностроения, что повышает риски для устойчивости воспроизводственного процесса в экономике. В то же время отметим, что в 2017 г. закупки отечественного оборудования отечественными предприятиями превысили объемы импортных аналогов. По данным регулярного мониторинга, проводимого ИНП РАН, «российская техника снова стала закупаться чаще, чем техника из дальнего зарубежья. В 2017 г. новую российскую технику закупало 67,86% респондентов, тогда как новую из дальнего зарубежья – лишь 54,29%» [28, с. 115]. Согласно проведенному мониторингу, «разрыв в качестве российской техники ее зарубежных аналогов снижается. В этой связи можно предположить, что совместная деятельность российских предприятий и государства по повышению качества машиностроительной продукции, наконец, начала давать положительные результаты» [28, с. 116]. Следовательно можно утверждать, что российское инвестиционное машиностроение встало на рельсы развивающегося импортозамещения.

Таблица 4

Импортозамещение продукции машиностроения на внутреннем рынке РФ в 2012–2016 гг., %

Table 4

Import substitution of engineering products in the domestic market of the Russian Federation in 2012–2016, %

Отрасли машиностроения	Отечественная продукция на внутреннем рынке		Темпы снижения удельного веса импортных компонентов в затратах на производство
	удельный вес	темпы роста	
Инвестиционное машиностроение (производство машин и оборудования)	47,5	109	158,7
Электротехническая промышленность (производство электрических машин и электрооборудования)	48,0	89	106,4
Радиоэлектронная промышленность (приборостроение)	43,0	102	3,1 р.
Автомобилестроение	51,3	98	144,9
Производство транспортных средств (космическое и авиастроение, судостроение, железнодорожное машиностроение)	62,7	1,27	114,0
из него:			
железнодорожное машиностроение	80,1	1,29	17,9 р.

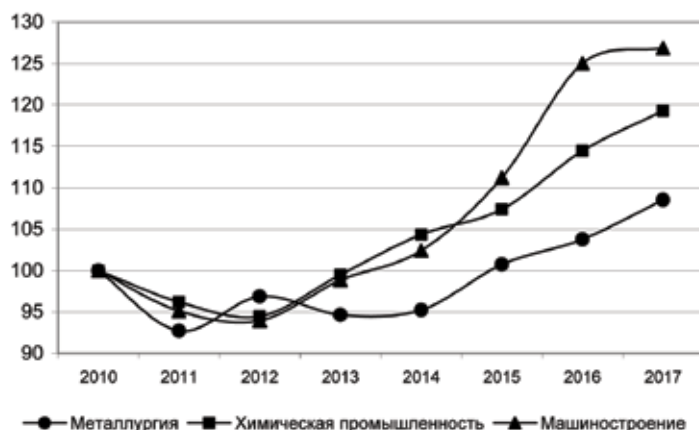
Источник: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.; «Таможенная статистика внешней торговли РФ». Годовой сборник М.: ФТС России. 2011–2017 гг.; База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (дата обращения 31.01.2019)

Source: "National Accounts of Russia in 2011–2016" Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.; "Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation". Annual collection. Moscow: FCS of Russia. 2011–2017; Database of the Federal State Statistics Service. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43047> (accessed 01.31.2019)

¹¹ Данное свойство инвестиционного машиностроения подробно исследовано и описано в работах: Яременко Ю.В. [12]; Борисов В.Н. Машиностроение в воспроизводственном процессе. М.: МАКС Пресс. 2000. 312 с. (см., например, С. 16)

Экспорт продукции машиностроения, наряду с долей этой продукции на внутреннем и внешнем рынках, является очевидным показателем его конкурентоспособности. В 2010–2017 гг. экспорт продукции машиностроения увеличивался наиболее высокими темпами по сравнению с другими

крупными экспортерами продукции обрабатывающих производств (рис. 3). Соответственно увеличилась доля машин, оборудования и транспортных средств в структуре российского экспорта. Если в 2010–2011 гг. доля продукции машиностроения составляла 5 5,5%, то в 2016–2017 гг. – 8 8,6%¹².

Составлено авторами по материалам: «Таможенная статистика внешней торговли РФ». Годовой сборник М.: ФТС России. 2011–2017 гг.

Рис. 3. Темпы роста экспорта продукции крупнейших обрабатывающих отраслей, %

Compiled by the authors based: "Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation". Annual collection. Moscow: FCS of Russia. 2011–2017

Fig. 3. The growth rate of exports of products of the largest manufacturing industries, %

Большее половины российского экспорта машиностроительной продукции обеспечивают инвестиционное машиностроение, авиационное и космическое машиностроение (табл. 5). В среднем, за период 2011–2017 гг. доля продукции инвестиционного машиностроения в российском экспорте машин, оборудования и транспортных средств составила 30,4%. В авиационном и космическом машиностроении этот показатель равен 21,6%, в автомобилестроении – 16%¹³. Инвестиционное машиностроение является одной из наиболее экспортоориентированных отраслей машиностроения, что характеризует тенденцию восстановления высокого уровня конкурентоспособности российского инвестиционного оборудования на мировом рынке.

Таблица 5

Экспорт продукции машиностроения в РФ в 2012–2017 гг., %

Table 5

Export of engineering products in the Russian Federation in 2012–2017, %

Отрасли машиностроения	Удельный вес отрасли в экспорте продукции машиностроения		Индекс роста экспортной выручки в 2017 г. (к предшествующему году)	Темп роста производительности труда по экспортной выручке в 2012–2016 гг.
	2016 г.	2017 г.		
Инвестиционное машиностроение (производство машин и оборудования)	28,0	30,4	125,0	113,9
Электротехническая промышленность (производство электрических машин и электрооборудования)	8,7	8,4	110,2	182,8
Радиоэлектронная промышленность (приборостроение)	14,1	13,6	115,1	94,7
Автомобилестроение	16,9	15,2	103,9	113,1
Производство транспортных средств (космическое и авиационное, судостроение, железнодорожное машиностроение)	32,3	32,4	117,0	99,0

Рассчитано авторами по материалам: «Таможенная статистика внешней торговли РФ». Годовой сборник. М.: ФТС России, 2011–2017 гг.; СПАРК (Система профессионального анализа рынков и компаний Интерфакс). URL: www.spark-interfax.ru (дата обращения: 31.01.2019)

Calculated by the authors based: "Customs Statistics of Foreign Trade of the Russian Federation". Annual collection. Moscow: FCS of Russia, 2011–2017; SPARK (System of professional analysis of markets and Interfax companies). URL: www.spark-interfax.ru (accessed: 01.31.2019)

¹² «Таможенная статистика внешней торговли РФ». Годовой сборник. М.: ФТС России. 2011–2017 гг. (табл. 5)

¹³ Расчеты авторов по: «Таможенная статистика внешней торговли РФ». Годовой сборник. М.: ФТС России. 2011–2017 гг.

Анализ развития машиностроения, проведенный по параметрам формирования ВДС, экспорта и импортозамещения, показывает рост эффективности воздействия научно-технологического фактора, в первую очередь на те отрасли, в которых инновационно-технологическое развитие в большей степени опирается на отечественную научно-технологическую базу, нежели на импорт технологий и создание сборочных производств преимущественно из импортных компонентов.

Исследование эффективности машиностроительного фактора в регионах РФ. Инновационно-технологическое развитие реального сектора экономики неразрывно связано с инновационными процессами в машиностроении и в значительной степени определяется интенсивностью и эффективностью инвестиционной деятельности, направленной на развитие научных подразделений и обновление производственного аппарата машиностроительных производств. В свою очередь, развитие машиностроительных предприятий в регионах оказывает существенное влияние на рост занятости населения, формирование валового регионального продукта, увеличение экспортной выручки.

Анализ эффектов в отраслях реального сектора проведен на примере регионов, обладающих развитым машиностроением. Выборка, сформированная по критериям объема машиностроительного производства и (или) высокой доли машиностроения в структуре производства обрабатывающих отраслей региона, включает 35 регионов. Влияние машиностроения на экономику регионов проведено по показателям темпов роста доли машиностроения в структуре выпуска продукции обрабатывающей промышленности региона и в структуре выпуска машиностроительной продукции РФ. Оценка эффективности по экспорту продукции машиностроения проведена по показателям темпов роста доли машиностроения в структуре экспортной выручки региона и по темпам роста доли машиностроения региона в российском экспорте машин, оборудования и транспортных средств¹⁴.

Метод исследования основан на формировании сводного индекса по каждому набору показателей, нормированных методом линейного масштабирования.

Полученные оценки расположены в диапазоне значений от 0 до 1 и представляют собой ранжированный ряд. При этом считаем, что эффективность влияния машиностроительного фактора достигнута, если сводный индекс региона расположен выше медианного ранжированного ряда.

По сводному индексу оценки влияния машиностроительного фактора на *развитие обрабатывающей промышленности* в верхней части ранжированного ряда расположено 23 региона из 35-ти включенных в выборку. В их числе 11 из 20-ти регионов, имеющих наиболее высокий Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) по методологии НИУ ВШЭ¹⁵. Например, это Санкт-Петербург, Нижегородская область, Республики Татарстан и Башкортостан – то есть регионы, обладающие высокой диверсификацией; в то время как Калужская область, имеющая высокий РРИИ (равный шести), не входит в число эффективных регионов по оценке темпов роста производства, как и другие регионы с преобладанием автомобилестроения.

По рассчитанному авторами сводному индексу оценки влияния машиностроительного фактора на *экспортную эффективность* региона в верхней части ранжированного ряда расположено восемь регионов. Из них 5 регионов, согласно методологии НИУ ВШЭ, входят в число обладающих наиболее высоким РРИИ – это Санкт-Петербург, Калужская, Московская, Новосибирская и Свердловская области. Кроме того, теперь по нашей методике в группу, обладающую высокой *экспортной эффективностью*, входят Калининградская, Ульяновская и Ярославская области (с высокой долей автомобилестроения).

Полученные результаты показывают высокую степень влияния эффективного функционирования машиностроения на экономику регионов. При этом выявлена степень воздействия диверсификации машиностроения в регионах на разные показатели эффективности (в частности, автомобилестроение). Например, при выборе приоритетного направления развития экономики региона¹⁶ следует учитывать различную степень воздействия отраслей машиностроения на эффективность его функционирования.

¹⁴ Оценка эффективности проведена авторами по: «Регионы России». Социально-экономические показатели. Статистический сборник. М.: Росстат. 2012–2017

¹⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 18

¹⁶ О подходах к выбору приоритетного направления развития экономики региона см.: Борисова И.С. Особенности управления устойчивым развитием экономики региона с преобладающим видом хозяйственной деятельности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 2. С. 312–326

Конструктивный прогноз. Для прогнозирования влияния машиностроительного фактора на экономику региона нами предлагаются следующие прогнозно-аналитические процедуры. Авторы следовали положениям, предложенным Н.И. Комковым в работе [29]. Собственно факторы, непосредственно влияющие на формирование эффектов, главным образом сконцентрированы в наиболее инновационно-емких процессах развития машиностроения, результирующими проявлениями которых являются:

- **Конкурентоспособность** продукции машиностроения, обеспечивающая импортозамещение, то есть увеличение выпуска продукции за счет роста внутреннего спроса на отечественную продукцию.
- **Экспорт** продукции машиностроения – показатель конкурентоспособности на внешнем рынке. Достижение технологической и ценовой конкурентоспособности обеспечивается непрерывностью инновационного цикла разработки и освоения отечественной техники, в том числе не имеющей зарубежных аналогов. Экспортно-ориентированное направление развития отечественного машиностроения – необходимое условие развития наукоемких отраслей, обеспечивающих инновационно-технологическое развитие смежных отраслей и производств.
- **Опережающее развитие** наукоемких производств, обладающих высокой долей добавленной стоимости в выпуске. Увеличение выпуска продукции с высоким уровнем локализации производства обеспечивает более высокие темпы роста добавленной стоимости.

Прогнозные варианты разработаны для крупнейших отраслей машиностроения, на долю которых приходится половина всей выпускаемой машино-технической продукции: инвестиционного машиностроения, авиастроения и автомобилестроения.

Алгоритм построения прогноза формирования эффектов от инвестиционной и инновационной эффективности в машиностроении включает следующие блоки прогнозных процедур:

1. Исследование надежности параметров для построения прогноза.
2. Оценка эластичности прироста ВДС обрабатывающей промышленности региона в зависимости от динамики доли машиностроения в структуре выпуска продукции обрабатывающей промышленности.
3. Определение среднегодовых темпов увеличения доли ВДС в выпуске продукции доминирующей отрасли машиностроения по модернизационному и инерционному вариантам.
4. Определение среднегодовых темпов роста объемов производства в отраслях машиностроения.
5. Оценка прироста ВДС в доминирующей отрасли машиностроения региона.

Эффективность воздействия инвестиционного и инновационного факторов в машиностроении на развитие обрабатывающей промышленности. Для построения прогнозных вариантов зависимости динамики ВДС в обрабатывающей промышленности регионов от инновационно-технологического развития отраслей машиностроения выбраны регионы, в которых имеет место высокая концентрация ключевых предприятий ведущих отраслей машиностроения. Отрасли для прогнозирования выбраны по критерию вклада в формирование суммарной ВДС машиностроения – эти отрасли производили более половины добавленной стоимости машиностроительных производств. Кроме того, эти отрасли существенно различаются по показателю доли добавленной стоимости в выпуске (табл. 6).

Таблица 6

Формирование валовой добавленной стоимости в отраслях машиностроения

Table 6

Formation of gross value added in engineering industries

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Удельный вес добавленной стоимости в выпуске продукции, %						
Инвестиционное машиностроение	35,9	32,6	32,6	34,7	34,2	33,7
Производство авиационной и космической техники	42,8	35,5	35,6	38,0	38,6	39,0
Автомобилестроение	13,7	15,4	15,4	13,8	12,9	12,3
Суммарный вклад в ВДС машиностроения, %	55	56	54	46	41	42

Рассчитано авторами по материалам: «Национальные счета России в 2011–2016 годах». Статистический сборник. М.: Росстат. 2017. 263 с.

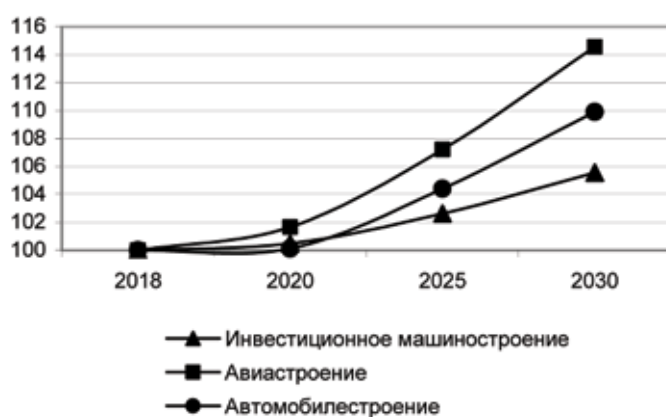
Calculated by the authors based: "National Accounts of Russia in 2011–2016". Statistical collection. Moscow: Rosstat. 2017. 263 p.

В инерционном варианте заложены параметры инновационно-технологического развития машиностроения, характерные для периода 2011–2016 гг., то есть высокий уровень затрат на технологические инновации в авиастроении и низкий уровень этого показателя в автомобилестроении и инвестиционном машиностроении. Исходя из этого:

1) в авиастроении продолжится рост доли валовой добавленной стоимости;

2) в автомобилестроении увеличение добавленной стоимости в выпуске будет зависеть от импортозамещения комплектующих, доля которых в настоящее время чрезвычайно высока;

3) в инвестиционном машиностроении, обладающем высокой долей добавленной стоимости, темпы ее роста не могут быть высокими при существующем уровне инновационной насыщенности инвестиций.

Разработано авторами.

Рис. 4. Модернизационный вариант прогноза динамики валовой добавленной стоимости в регионах с доминирующими отраслями машиностроения, %

Developed by the authors.

Fig. 4. Modernization version of the forecast of the dynamics of gross value added in regions with dominant engineering industries, %

Разработано авторами.

Рис. 5. Инерционный вариант прогноза динамики валовой добавленной стоимости в регионах с доминирующими отраслями машиностроения, %

Developed by the authors.

Fig. 5. Inertial version of the forecast of the dynamics of gross value added in regions with dominant branches of engineering, %

Поэтому при инерционном сценарии существенный рост валовой добавленной стоимости в выпуске обрабатывающей промышленности, обусловленный машиностроительным фактором, нереален (рис. 4, рис. 5). Зависимость отраслей машиностроения от импорта компонентов производства – фактор, оказывающий наиболее сильное негативное воздействие на динамику добавленной стоимости. В регионах с наиболее высоким импортом компонентов (Московская, Калининградская и Калужская области [30]) в 2011–2016 гг. динамика доли добавленной стоимости в выпуске была негативной.

В основу модернизационного варианта прогноза заложена позитивная динамика инновационно-технологического развития отраслей машиностроения. Модернизационный вариант прогноза показывает высокую зависимость динамики ВДС обрабатывающей промышленности от инновационно-технологического развития доминирующих отраслей машиностроения. Наибольшее влияние на динамику добавленной стоимости по-прежнему будет оказывать авиастроение. Основными факторами здесь будут развивающее импортозамещение и внедрение новых наукоемких технологий. В автомобилестроении доля ВДС повысится за счет роста локализации производства. В инвестиционном машиностроении предполагается усиление влияния следующих факторов: роста производительности труда, ресурсосбережения и импортозамещения по компонентам производства.

Выводы

Значимость инновационно-технологического и инвестиционного факторов в развитии машиностроения определяет высокий потенциал его положительного влияния на развитие всего промышленного комплекса РФ. Рост доли ВДС, экс-

порта, а также импортозамещение свидетельствуют о складывающихся трендах в машиностроении, которые характеризуют повышение его эффективности и конкурентоспособности. Полученные авторами количественные оценки эффективности функционирования отраслей машиностроения показывают, что происходящая в машиностроении модернизация последовательно формирует систему инновационно-технологических и инвестиционных факторов, которые определяют расширение производственной базы на новом технологическом уровне с использованием результатов отечественной машиностроительной науки. Это является необходимым условием вовлечения в процесс инновационно-технологического перевооружения сопряженных производств из других отраслей обрабатывающей промышленности.

Установлено, что в регионах с более высоким уровнем диверсификации производства усиливается воздействие машиностроительного фактора. Это способствует росту эффективности функционирования обрабатывающих отраслей. Полученные количественные оценки эффективности функционирования регионов под влиянием совокупности факторов инновационно-технологического развития машиностроения показывают, что при выборе приоритетного направления развития экономики региона следует учитывать степень воздействия отраслей машиностроения на эффективность его функционирования.

Проведенный анализ и прогнозные построения показали, что развитие машиностроения, как материализованный результат развития технологий, идет в соответствии со «Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации», но требует активизации инновационно-инвестиционной деятельности, направленной на повышение эффективности ресурсов, вовлеченных в развитие экономики.

Список литературы

1. Комков Н.И., Кулакин Г.К. Технологические инновации: создание, применение, результаты // Проблемы прогнозирования. 2018. №5 (170). С. 137–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36408076>
2. Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3(156). С. 132–143. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26389332>
3. Freeman C. The Economics of Industrial Innovation. 2nd Edition. London: Francis Pinter. 1982. 250 p.
4. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons From Japan. London, New York: Frances Pinter Publishers. 1987. 155 p. DOI: [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(88\)90011-X](https://doi.org/10.1016/0048-7333(88)90011-X)
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития: пер. с нем. М.: Прогресс. 1982. 455 с.
6. Гитман Л.Дж., Джонк М.Д. Основы инвестирования: пер. с англ. М.: Дело. 1999. 1008 с.
7. Лукас Р. Лекции по экономическому росту: пер. с англ. М.: изд-во Института Гайдара (ИИГ). 2013. 288 с.
8. Romer P.M. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. № 98(5). P. 71–102. URL: <https://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v98y1990i5ps71-102.html>
9. Фридман Н., Имамкулиева Э. Наука и экономическое развитие в странах Востока и Запада // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 37–47. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29810224>; DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-8-37-47>
10. Ерошкин А.М., Петров М.В., Плисецкий Д.Е. Государственная финансовая поддержка инноваций за рубежом // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 12. С. 26–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22749549>
11. Röhrs M., Pelc H. Aus Erster Hand. Chancen für eine höhere Rohstoffausbeute im Bergbau // Keramische Zeitschrift. 2016. Vol. 68. Iss. 3. P. 152. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF03400250#citeas>; DOI: <https://doi.org/10.1007/BF03400250>
12. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Избранные труды / Ю.В. Яременко; Российская академия наук, Ин-т народнохозяйственного прогнозирования. М.: Наука, 1999. 3 т.
13. Комков Н.И. Роль инноваций и технологий в развитии экономики и общества // Проблемы прогнозирования. 2003. № 3. С. 24–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9128329>
14. Каменецкий М.И. Строительный комплекс как фактор перспективного развития национальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2013. № 3(138). С. 76–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20466159>
15. Порфирьев Б.Н. Новые глобальные тенденции развития энергетики – вызовы и риски интеграции России в мировую экономику // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1(148). С. 45–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23803903>
16. Фальцман В.К. Экономический рост. От прошлого к будущему. М.: Альпина Паблишер. 2003. 240 с.
17. Комков Н.И. Комплексное прогнозирование научно-технологического развития: опыт и уроки // Проблемы прогнозирования. 2014. № 2(143). С. 3–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23377251>
18. Гладышевский А.И. Прогнозирование воспроизводственных процессов в экономике (инвестиционный аспект): Научные труды ИНП РАН. М.: МАКС Пресс, 2004. 388 с.
19. Инвестиции в инновации: проблемы и тенденции / гл. ред. Л.Э. Миндели; Российская академия наук, Ин-т проблем развития науки. М.: ИПРАН РАН. 2011. 224 с.

20. Миндели Л.Э., Хромов Г.С. Научно-технический потенциал России / Л.Э. Миндели, Г.С. Хромов; Центр исслед. и статистики науки. М.: ИПРАН, 2012. Ч. 2. 280 с.
21. Миндели Л.Э., Черных С.И. Финансирование фундаментальных исследований в России: современные реалии и формирование прогнозных оценок // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3(156). С. 111–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26389330>
22. Варшавский Л.Е. Исследование инвестиционных стратегий фирм на рынках капиталоемкой и наукоемкой продукции / Л.Е. Варшавский; Российская академия наук, Центральный экономико-математический ин-т. М.: ЦЭМИ РАН, 2003. 354 с.
23. Фролов И.Э. Наукоемкий сектор промышленности РФ: экономико-технологический механизм ускоренного развития / И.Э. Фролов; Российская академия наук, Ин-т народнохозяйственного прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2004. 320 с.
24. Фролов И.Э., Ганичев Н.А. Научно-технический потенциал России на современном этапе: проблемы реализации и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № (142). С. 3–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23387377>
25. Ulbrich M. Changes of Global Value Chains in the Industrial Production Sector // Central European Review of Economics and Finance. 2015. Vol. 10. № 4. P. 35–51. URL: <https://www.researchgate.net/publication/310327434>
26. Porter M.E., Heppelmann J.E. How Smart, Connected Products are Transforming Competition // Harvard Business Review. 2014. Vol. 92. № 11. P. 64–88. URL: <https://hbr.org/2014/11/how-smart-connected-products-are-transforming-competition>
27. Kietzmann J., Pitt L., Berthoin P. Disruption, Decisions, and Destinations: Enter the Age of 3D Printing and Additive Manufacturing // Business Horizons. 2015. Vol. 58. № 2. P. 209–215. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bushor.2014.11.005>
28. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Лавриненко П.А. Российские предприятия в конце 2016 г.: отсутствие значимых общеэкономических изменений и прогресс в машиностроении // Проблемы прогнозирования. 2018. № 3(168). С. 105–121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36408043>
29. Комков Н.И. Научно-технологическое развитие: ограничения и возможности // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5(164). С. 11–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32236986>
30. Гребенкин И.В., Боткин И.О. Влияние импорта на динамику развития обрабатывающей промышленности региона // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 703–713. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26570492>

Об авторах:

Борисов Владимир Николаевич, заведующий лабораторией прогнозирования машиностроительного комплекса, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, **Scopus ID 24502721200**, **ORCID: 0000-0002-9488-7241**, vnbor@yandex.ru

Почукаева Ольга Викторовна, ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, доцент, **Scopus ID 14042320000**, **ORCID: 0000-0002-8068-7134**, ol255@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Komkov N.I., Kulakin G.K. Technological Innovations: Development, Application and Results. *Problemy Prognozirovaniya = Forecasting problems*. 2018; (5(170)):137–154 (in Russ.)
2. Lenchuk E.B. Course on new industrialization: A global trend of economic development. *Studies on Russian Economic Development*. 2016; 27(3):332–340. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700716030102> (in Eng.)
3. Freeman C. The Economics of Industrial Innovation. 2nd Edition. London: Francis Pinter. 1982. 250 p. (in Eng.)
4. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons From Japan. London, New York: Frances Pinter Publishers. 1987. 155 p. DOI: [https://doi.org/10.1016/0048-7333\(88\)90011-X](https://doi.org/10.1016/0048-7333(88)90011-X) (in Eng.)
5. Schumpeter J. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig: Duncker & Humblot, 1912. (in Germ.)
6. Gitman L.J., Joehnk M.D. Fundamentals of Investing. 5th ed. N.Y.: Harper Collins Publishers. 1997. 848 p. (in Eng.)
7. Lucas R.E. Lectures on Economic Growth. Cambridge: Harvard University Press. 2002. 224 p. (in Eng.)
8. Romer P.M. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 1990; (98(5)):71–102. URL: <https://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v98y1990i5ps71-102.html> (in Eng.)
9. Friedman N., Imamkulieva E. Science and Economic Development in Countries of the East and the West (financial and economic resources). *World Economy and International Relations*. 2017; 61(8):37–47. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-8-37-47> (in Russ.)
10. Eroshkin A.M., Petrov M.V., Plisetsky D.E. State Financial Support to Innovations Abroad. *World Economy and International Relations*. 2014; (12):26–39 (in Russ.)

11. Röhrs M., Pelc H. Aus Erster Hand. Chancen für eine höhere Rohstoffausbeute im Bergbau. *Keramische Zeitschrift*. 2016; 68(3):152. Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF03400250#citeas>. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF03400250> (in Germ.)
12. Yaremenko Y.V. Theory and Methodology of Multilevel Economy. Selected Works / Yu.V. Yaremenko; Russian Academy of Sciences, Institute of national economic forecasting. Moscow: Science. 1999. 3 v. (in Russ.)
13. Komkov N.I. The Role of Innovation and Technology in the Development of the Economy and Society. *Problemy Prognozirovaniya = Forecasting problems*. 2003; (3):24–43 (in Russ.)
14. Kamenetskii M.I. Construction sector as a factor of prospective development of the national economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2013; 24(3):249–258. <https://doi.org/10.1134/S1075700713030052> (in Eng.)
15. Porfirev B.N. New global trends in energy power development – Challenges and risks for the Russia integration into the world economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2015; 26(1):32–36. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700715010098> (in Eng.)
16. Faltsman V.K. Economic Growth. From the Past to the Future. Moscow: Alpina Publisher, 2003. 240 p. (in Russ.)
17. Komkov N.I. Complex forecast of scientific and technological development: Experience and lessons learned. *Studies on Russian Economic Development*. 2014; 25(2):111–121. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700714020051> (in Eng.)
18. Gladyshevsky A.I. Forecasting of Reproduction Processes in Economy (Investment Aspect): Scientific Works of IEF RAS. Moscow: MAX Press. 2004. 388 p. (in Russ.)
19. Investment in Innovation: Challenges and Trends / Ed. L.E. Mindeli; Russian Academy of Sciences, Institute of problems of science development. Moscow: ISS RAS, 2011. 224 p. (in Russ.)
20. Mindeli L.E., Khromov G.S. Scientific and Technical Potential of Russia / L.E. Mindeli, G.S. Khromov; Center Research and Science Statistics. Moscow: IPAN, 2012. Part 2. 280 p. (in Russ.)
21. Mindeli L.E., and Chernykh S.I. Funding of basic research in Russia: Modern realities and forecasts. *Studies on Russian Economic Development*. 2016; 27(3):318–325. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700716030114> (in Eng.)
22. Varshavsky L.E. Study of Investment Strategies of Firms on the Markets of the Capital-intensive and Knowledge-based Products. The Russian Academy of Sciences, Central Economics and Mathematics Inst. Moscow: CEMI Russian Academy of Sciences, 2003. 354 p. (in Russ.)
23. Frolov I.E. Knowledge-Intensive Industry Sector of the Russian Federation: Economic and Technological Mechanism of Accelerated Development / I.E. Frolov; Russian Academy of Sciences, Institute of national economic forecasting. Moscow: MAX Press. 2004. 320 p. (in Russ.)
24. Frolov I.E., Ganichev N.A. Scientific and technological potential of Russia at the present stage: Implementation challenges and prospects for development. *Studies on Russian Economic Development*. 2014; 25(1):1–15. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1075700714010079> (in Eng.)
25. Ulbrich M. Changes of Global Value Chains in the Industrial Production Sector. *Central European Review of Economics and Finance*. 2015; 10(4):35–51. Available from: <https://www.researchgate.net/publication/310327434> (in Eng.)
26. Porter M.E., Heppelmann J.E. How Smart, Connected Products are Transforming Competition. *Harvard Business Review*. 2014; 92(11):64–88. Available from: <https://hbr.org/2014/11/how-smart-connected-products-are-transforming-competition> (in Eng.)
27. Kietzmann J., Pitt L., Berthon P. Disruption, Decisions, and Destinations: Enter the Age of 3D Printing and Additive Manufacturing. *Business Horizons*. 2015; 58(2):209–215. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bushor.2014.11.005> (in Eng.)
28. Kuvalin D.B., Moiseev A.K., Lavrinenko P.A. Russian Companies at the End of 2017: Absence of Significant General Economic Changes and Progress in the Machinery Industry. *Problemy Prognozirovaniya = Forecasting problems*. 2018; (3(168)):105–121 (in Russ.)
29. Komkov N.I. Scientific and technological development: Limitations and opportunities. *Studies on Russian Economic Development*. 2017; 28(5):472–479. <https://doi.org/10.1134/S1075700717050094> (in Eng.)
30. Grebenkin I.V., Botkin I.O. The Impact of Imports on the Dynamics of the Regional Manufacturing Industry Development. *Economy of the region*. 2016; 12(3):703–713. DOI: <https://doi.org/10.17059/2016-3-8> (in Russ.)

About the authors:

Vladimir N. Borisov, Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, **Scopus ID 24502721200**, **ORCID: 0000-0002-9488-7241**, vnbor@yandex.ru

Ol'ga V. Pochukaeva, Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, **Scopus ID 14042320000**, **ORCID: 0000-0002-8068-7134**, ol255@yandex.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338.48

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.26-37

JEL: H53, L51, L83, M54, O35, P35

Управление проектами в индустрии туризма: основы ТМВОК

Ольга Алексеевна Бурукина¹

¹ Университет Вааса, г. Вааса, Финляндия

65200, г. Вааса, ул. Волффинтие, 34

E-mail: obur@mail.ru

Поступила в редакцию: 21.02.2019; одобрена: 19.03.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: Целью статьи является обоснование применимости методологии и инструментов управления проектами для тактического и стратегического развития индустрии туризма как на глобальном, так и на национальном уровнях экономического развития. Автор видит возможность устойчивого развития туристической отрасли на основе системного подхода к улучшению функционирования туристических предприятий с использованием инструментов и методов управления проектами. Принимая во внимание текущий вклад туризма в мировую экономику и национальную экономику многих стран, проблема устойчивости туристических предприятий и национальных туристических отраслей в целом представляется одной из основ для решения проблем устойчивого развития, включенных в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Методология проведения работы: Исследование проводилось на основе системного подхода с использованием логического и сравнительного анализа различных типов методологий управления проектами, потенциально применимых к туристическим проектам как для решения оперативных проблем, так и для стратегического развития туристических отраслей, а также метод структурно-функционального моделирования, призванный заложить основы методологии управления туристическими проектами.

Результаты работы: Проблема устойчивости индустрии туризма – ведущей отрасли национальных экономик многих стран и глобальной экономики в целом – рассмотрена с применением системного подхода. Предпринята попытка доказать применимость методологии и инструментария управления проектами к индустрии туризма и зависимость устойчивого развития индустрии туризма, как на локальном, так и на национальном уровне от более эффективного управления процессами, программами и портфелями на основе системного подхода и проектного управления как метода совершенствования операционных процессов туристических фирм. Методология управления проектами в туризме как движущей силы социальных, экономических и культурных изменений рассматривается как основа успешной реализации проектов для обеспечения выгод всеми стейкхолдерами: туроператорскими компаниями, потребителями туристических проектов, местными сообществами и всеми компаниями, участвующими в реализации туристических проектов.

Выводы: В настоящее время сложилась ситуация, в которой туристические проекты реализуются в условиях реактивного управления рисками и изменениями при почти полном отсутствии проактивного управления изменениями, что отрицательно сказывается на качестве туристических проектов и в значительной степени сдерживает развитие национальных индустрий туризма в целом. Разработанная концепция применения проектной методологии на основе предложенных автором модели управления проектами в туризме, модели туристического проекта, а также модели ТМВОК (свода знаний по управлению туристическими проектами) предусматривает систему мер, необходимых для интеграции методологии проектного управления в практику туроператорских компаний для дальнейшего устойчивого развития всех стейкхолдеров туристического бизнеса.

Ключевые слова: индустрия туризма, управление проектами, управление событиями, предметная специфика, модель УП для индустрии туризма

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бурукина О. А. Управление проектами в индустрии туризма: основы ТМВОК // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.26-37>

© Бурукина О. А., 2019

Project Management in the Tourism Industry: the Basics of TMBOK

Olga A. Burukina¹

¹ University of Vaasa, Vaasa, Finland

34 Wolffintie, Vaasa 65200

E-mail: obur@mail.ru

Submitted 21.02.2019; revised 19.03.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: the article aims at substantiating the applicability of project management methodology and tools to the tactical and strategic development of the tourism industry at both the global and national levels of economic development. The author sees the possibility of sustainable development of the tourism industry on the basis of a systems approach to improving the functioning of tourism enterprises using the tools and methods of project management. Taking into account the current contribution of tourism to the global economy and the national economies of many countries, the problem of sustainability of tourism enterprises and national tourism industries in general seems to be one of the foundations for solving the problems of sustainable development included in the 2030 Agenda for Sustainable Development.

Methods: the study was conducted on the basis of a systematic approach with the use of logical and comparative analysis of various types of project management methodology potentially applied to tourism projects both for solving operational tourism problems and for the strategic development of tourism industries, as well as the method of structural-functional modeling aimed at laying the foundation for the tourism project management methodology.

Results: the problem of sustainability of the tourism industry – the leading sector of the national economies of many countries and the global economy as a whole – has been considered using a systematic approach. An attempt was made to prove the applicability of the project management methodology and tools to the tourism industry and the dependence of the sustainable development of the tourism industry, both at the local and national levels, on more effective management of processes, programs and portfolios based on a systems approach and project management as a method to improve tourism firms' operations. The methodology of project management in tourism as a driving force for social, economic and cultural change is considered as the basis for successful implementation of projects to ensure benefits for all stakeholders: tour operators, consumers of tourism projects, local communities and all companies involved in tourism projects.

Conclusions and Relevance: currently, the tourism industry faces a situation in which tourism projects are implemented in the context of reactive risk and change management with the almost complete absence of proactive change management, which adversely affects the quality of tourism projects and greatly hinders the development of national tourism industries in general. The proposed concept of applying the project methodology based on the author's model of project management in tourism, the model of the tourism project and the model of TMBOK (tourism management body of knowledge) provides for a system of measures necessary for integrating the project management methodology into the practice of tour operators for the further sustainable development of all tourism business stakeholders.

Keywords: tourism industry, project management, event management, domain specificity, PM model for tourism industry

Conflict of Interes. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Burukina O. A. Project Management in the Tourism Industry: the Basics of TMBOK. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):26–37. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.26-37>

Introduction

The modern world has long become a global space; long distances have ceased to be barriers for travelers. Every year more than a billion tourists travel to other countries. For decades now, the tourism industry has been activating the global market for goods and services, encouraging investment in various areas of production and providing employment for the majority of the population. Along with the impact on the economy, tourism has an impact on the social and cultural spheres, as well as on the environmental situation. Tourism is also an important factor in the growth of the prestige of countries on the world stage. Besides, tourism can be considered as a factor

in improving the quality of life, because it affects the socio-psychological state of people, improves their health and well-being. Thanks to tourism, economic unity is created and the cultural diversity of states and regions of the world is maintained.

A distinctive feature of the tourism market is very high competition, since there is a struggle to attract tourists at different levels: between countries, regions, cities, hotels and travel companies. Tourism involves the targeted and rational use of tourism resources, which have at their core objects of tourist interest, capable of meeting the needs of people arising in the process of tourism. Tourism resources are quantitatively limited and qualitatively differentiated. In an economic

sense, tourism resources are factors in the production of tourism products.

Taking into account the growing influence of the tourism industry on the global economy and regional development, the problem of its sustainable development in parallel with the sustainable development of tourist destinations, countries and regions is becoming particularly relevant, highlighting the importance of effective management.

Tourism Industry as a Global Economic System

The global tourism industry is a complex socio-economic system, which can also be considered as a multi-branch production complex. At present, international tourism has acquired the features of a global phenomenon influencing almost all regions of the world. In addition, international tourism is developing alongside the other spheres of international life, responding to current changes in the global socio-political and socio-economic situation.

Taking into account the complexity of the tourism industry, which is closely related and sometimes inseparable from the hospitality industry, transport and entertainment industries, the use of a systematic approach in studying tourism as a complex system is not only expedient, but really necessary. This method is effective in studying the problems of managing tourism at different levels. On the basis of a systematic approach, it is possible to determine the ways, forms and consequences of mutual influences in the tourism industry at each hierarchical level.

The most important concept for the tourism industry is the "tourist product". The Federal Law of the Russian Federation of 24 November 1996 "On the Basics of Tourism Activities in the Russian Federation" gives the following definition: "The tourist product is understood as a set of material (goods) and immaterial (services) consumer values necessary to satisfy the needs of the tourist during his tourist trip (trips) that are due precisely to this trip"¹.

Thus, a tourist product can be understood as a combination of both tangible and intangible elements, with tangible components focused on the characteristics of the tourist destination – its attractiveness, the quality of the destination's facilities (accommodation, catering, transportation, activities, retail outlets, etc.), the availability of the destination and its affordability [1: 127], while its intangible components, which are vital for overall customer satisfaction, focused on the subjective nature of the tourist product, such as friendliness, perception,

helpfulness, courtesy, safety, security, overall atmosphere and image [2].

Tourism Industry's Significance for the Global Economy

The significance of the tourism industry for the global economy can be summarized in a nutshell: it is one of the most prominent economic sectors in the world, which creates jobs, stimulates export and ensures prosperity all over the world [3].

The direct contribution of the tourism industry to global GDP amounted to \$ 2,570.1 billion (3.2% of total GDP) in 2017, and is projected to grow by 4.0% in 2018 – i.e. by 3.8% per year, from 2018-2028, up to \$ 3,890.0 billion (3.6% of total GDP) in 2028.

The total contribution of the tourism industry to GDP was 8,272.3 billion US dollars (10.4% of GDP) in 2017 and, according to forecasts, it will grow by 4.0% in 2018 and increase by 3.8% per year to 12,450.1 billion US dollars (11.7% of GDP) in 2028.

In 2017, the tourism industry directly supported 118,454,000 jobs (3.8% of the global employment). This figure is expected to grow by 2.4% in 2018 and increase by 2.2% per year to 150,139,000 jobs (4.2% of total employment) in 2028.

In 2017, the total contribution of the tourism industry to employment, including jobs supported indirectly, amounted to 9.9% of total employment (313,221,000 jobs). It is expected that this figure will increase by 3.0% in 2018 to 322,666,000 jobs and grow by 2.5% per year to 413,556,000 jobs in 2028 (11.6% of the total employment).

Exports of visitors amounted to 1,494.2 billion US dollars (6.5% of total exports) in 2017. According to forecasts, in 2018 this figure is expected to rise by 3.9%, and in 2018–2028 it will increase by 4.1% per year to \$2,311.4 billion in 2028 (6.9% of total exports).

Investment in the tourism industry in 2017 amounted to 882.4 billion US dollars, or 4.5% of the total investment. In 2018 it is expected to grow by 4.8% and increase by 4.3% per year over the next ten years up to \$1,408.3 billion in 2028 (5.1% of the total investment).

Tourism Industry's Potential in Contributing to UN Sustainable Development Goals

In 2015, the governments of the leading countries developed the 2030 Agenda for Sustainable Development, including sustainable development

¹ 132 Federal Law 1996 – The Federal Law of the Russian Federation of 24 November 1996: 3 "On the Basics of Tourism Activities in the Russian Federation". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (Russ. ed.: Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ. ст. 3 // Консультант-плюс)

goals. The agenda formed a global framework for overcoming poverty, injustice and inequality and curbing climate change until 2030 [4].

The 2030 Agenda for Sustainable Development, adopted by all Member States of the United Nations in 2015, provides an overall plan for peace and prosperity for people and the planet to be used as guidelines now and in the future. It is based on the 17 Sustainable Development Goals (SDGs), understood as an urgent call for action by all countries, developed and developing, in a global partnership. They recognize that the eradication of poverty and other deprivations must be pursued along with strategies to improve health and education, reduce inequalities and stimulate economic growth, and simultaneously combat climate change and preserve the oceans and forests.

As part of the further development of an ambitious list of 17 sustainable development goals, 169 related targets were conceived, designed to be human-centered, transformative, universal and complex. The Goals and targets are intended to stimulate development of humanity for the next fifteen years in the areas of key importance, including people, planet, prosperity, peace and partnership [5].

Tourism has the potential to offer its contribution, both directly and indirectly, to each of the 17 sustainable development goals [6] with the following:

- SDG 1 (No Poverty) – promoting economic growth and development at all levels and generating income through job creation;
- SDG 2 (Zero hunger) – fostering food production and supply of hotels, as well as selling local products to tourists and, thus, promoting sustainable agriculture;
- SDG 3 (Good health and well-being) – improving health care and services through tax revenues from tourism;
- SDG 4 (Quality Education) – promoting inclusiveness and providing opportunities for direct and indirect work, as qualified staff are crucial for the prosperity of tourism;
- SDG 5 (Gender Equality) – providing women with direct employment, attracting them to senior positions and earning income from SMEs in tourism and hospitality-related enterprises;
- SDG 6 (Clean water and sanitation) – developing public services to meet tourism requirements regarding access to and security of water, as well as hygiene and sanitation for all;
- SDG 7 (Affordable and Clean Energy) – speeding up the transition to increased use of renewable energy sources and promoting investments in clean energy, tourism can help to reduce greenhouse gas emissions, mitigate climate change and promote access to energy for all;
- SDG 8 (Decent work and economic growth) – currently providing one of ten jobs in the world and developing as one of the four leading exporters in the world, value chains in the tourism industry stand for the best diversification policies;
- SDG 9 (Sectoral Innovation and Infrastructure) – relying on good public and private infrastructure, tourism influences government policies to modernize infrastructure to make them more sustainable, innovative and resource efficient;
- SDG 10 (Reducing Inequality) – engaging the local population and all key stakeholders in its development, tourism contributes to urban renewal and rural development, giving people the opportunity to thrive in their places of origin;
- SDG 11 (Sustainable Cities and Communities) – developing urban infrastructure and accessibility, promoting the revival and preservation of cultural and natural heritage, tourism contributes to the development of smarter and greener cities and more prosperous communities;
- SDG 12 (Responsible consumption and production) – by adopting sustainable modes of consumption and production, tourism accelerates the transition to sustainability, which leads to improved economic, social and environmental outcomes;
- SDG 13 (Climate Action) – by both contributing to and influenced by climate change, tourism stakeholders play a leading role in the global response to climate change;
- SDG 14 (Life Underwater) – with coastal and maritime tourism relying on healthy marine ecosystems, tourism can be successfully developed only as part of Integrated Coastal Zone Management, contributing to the sustainable use of marine resources;
- SDG 15 (Life on Land) – with natural heritage attracting tourists to destinations and depending on rich biodiversity as an attraction, tourism plays an important role in sustainably managed fragile zones, preserving biodiversity, and generating revenue as an alternative livelihood to local communities;
- SDG 16 (Peace justice and strong institutions) – facilitating meetings between people of different cultural backgrounds, tourism promotes intercultural and interfaith tolerance and mutual understanding, laying the foundation for more peaceful societies and consolidating peace in post-conflict societies;
- SDG 17 (Partnership for Achieving Goals) – by involving multiple stakeholders to work together to achieve the SDGs, tourism can strengthen private / public partnerships.

Sustainable tourism is firmly on the 2030 Agenda, which can only be implemented on the basis of

a well-developed framework, adequate funding and reasonable investments in technology, human resources and infrastructure [7].

Tourism Industry's Susceptibility

Besides its high potential and accelerated growth, a distinguishing feature of the tourism industry is its high susceptibility to a number of key factors [1: 127] and vulnerability to a vast scope of conditions. A holistic approach helps to identify the dependence of the tourism industry on a set of conditions, including market demand conditions, environmental conditions, cultural and demographic conditions, economic and infrastructure conditions, human resources and service conditions, and institutional conditions (see Figure 1 below).

Source: ATC (2017). *Tourism Project Management*. ATC Consultants GmbH. <http://atc-consultants.com/services/project-management>

Figure 1. Holistic approach: interrelated factors determining the tourism development potential

Thus, climate change or climate variability can directly affect fixed assets – tourist accommodation facilities, catering and related services, cultural and historical attractions, natural resources, cultural and special events, as well as indirectly – the flow of goods and services, including those provided by natural ecosystems and processes [8].

However, the tourism industry is not only highly susceptible and vulnerable to the influence of negative factors and occurrences; it may have negative influence on the destinations and local environment.

The negative economic consequences of tourism include a possible economic leak caused by outbound tourism, a potential contribution to a parallel economy, and a sense of customer dependency or a probable economic downturn caused by all types of tourism. If the housing at the destination is provided by international hotels, the income derived from the tourism business rarely benefits the local population.

The negative impact that tourism can have on the environment includes, plausibly, higher air and water pollution, high carbon footprints and debris, partial destruction of vegetation and wild life and possible vandalism, as well as a developed sense of dependence on natural resources.

The negative impact of tourism on society includes possible interventions in the life of the local population due to congestion, noise and pollution, potential aggravation of the problems of alcoholism, drug addiction and prostitution in the local community and, consequently, the possible spread of infectious diseases; plausible relocation of local residents by multinational corporations seeking to reclaim land for new housing and / or recreational facilities; and, finally, a potential change in the structure of the local community, family relations, traditional lifestyles, ceremonies and morals.

Project management vs. event project management

Despite the significant similarity between the most diverse projects for creating something (new goods, technologies, or construction projects) and projects for organizing and conducting events, and hence project management and event project management methodologies, the difference between them is so significant that the PMBOK turned out to be practically inapplicable (key the word “practically”) without additional transformation.

The main difference between the two types of projects – for example, facility construction and conference organization – is that the construction project ends with the completion of the constructed facility, while the event project does not end with the compiled and printed programme of the Olympic Games, international conference, film festival or even a wedding celebration. The event itself, which lasts one or two days, or sometimes several days or even a couple of weeks is, in fact, a separate project which reflects as a “world in a grain of sand,” the whole complex long-term event project. At the same time, since the event itself is the center of attraction for a significant or even a huge number of people, it generates separate and very high risks, the occurrence of which is much more difficult to prevent than the occurrence of risks in the previously implemented long enough event project.

The scope of constraints of the event is not limited to space, time, loose knit collaboration, physical deliverables, and higher stakes / higher price [8] – the most serious challenge is the human factor, which aggravates the complexity and risk of the event that can only be compared with a tourism project and the tour itself as a phenomenon, similar in its characteristics to an event.

Project management

PMBOK, or “Project Management Knowledge Body,” is an industry standard project planning model and the project methodology most commonly used in North America.

The PMBOK has identified 42 processes distributed across nine knowledge areas of integration management: (1) Project Integration Management, (2) Scope Management, (3) Time Management, (4) Cost Management, (5) Quality Management, (6) Human Resources Management, (7) Communications Management, (8) Risk Management, and (9) Procurement Management [9]. All the 42 processes are grouped into five categories: initiation, planning, execution, monitoring or control, and closure. Each process simultaneously belongs to one area of knowledge and one category, with the 42 processes inserted in a matrix structure. Effective project management presumes that all the 42 processes get implemented.

Another example of a project planning model is the Kepner–Tregoe decision making model, which includes four separate but interconnected processes:

The “Definition” stage justifies the relevance and necessity of the project and determines the specific goals of the project. At this stage, such parameters of project performance as time, cost, necessary resources, etc. are discussed and approved.

The “Planning” stage provides distribution of specific tasks of the project among the project team members; fixes the implementation course, milestones and deadlines and highlights the key aspects of risk management.

The “Implementation” stage provides opportunities for efficient use of available resources, monitors the process of solving possible problems and the project implementation process and assesses preliminary results of the projects.

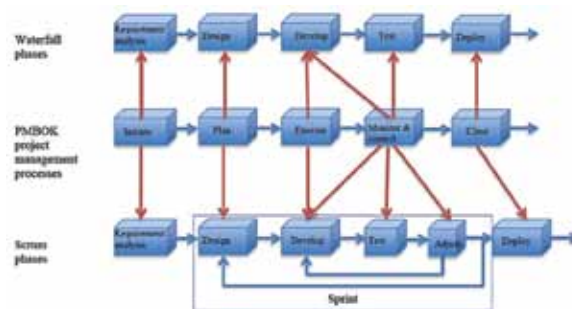
The “Communication” stage (which is actually part of the three previous processes) comprises stakeholder satisfaction, people management and leadership development.

The Kepner-Tregoe model is a linear sequential approach suitable for planning complex but stable projects with recurring problems, the results of which are well-determined from the very beginning [10].

Project management models

Among the large number of project management methodologies, three methodologies that are most appropriate for developing a methodology for managing tourism projects are presented, which will

be compared below, namely PMBOK, Waterfall and Scrum as a development of Agile (see Figure 2 below).

Source: Yang & Lechler, 2014

Figure 2. Phases of Waterfall, PMBOK and Scrum

The Waterfall model assumes that project design phases are carried out in a linear sequence from start to finish [11, 12, 13]. After the completion of each stage, it is not reviewed and improved.

The PMBOK also perceives project management processes as a linear succession from initiation to closure stages through planning, executing, monitoring and controlling. PMBOK highlights the importance of the ‘monitoring and controlling’ stage, which actually penetrates the previous stages, particularly planning and executing / implementing.

The Scrum model (a popular Agile development method) presumes that product properties gradually develop through Sprints [12]. Scrum daily meetings help to monitor the progress of the project. Unlike the Waterfall model, Scrum relies on information disseminated through informal personal communication, which is considered to be a more favorable medium than any type of previous computer connection [14]. In addition, personal communication reduces the cost of information transfer between team members and other project stakeholders, increases the effectiveness of communication and accelerates the reaction to the changing environment (ibid.). Command and control tools are replaced by cooperation and collaboration between the team members and other stakeholders. The Scrum team has the right to take technical decisions without involving the team leader [15].

So, project management methodology can help tourists and tourism services providers become more responsible, prioritizing the environment with its entire natural and man-made heritage.

Project management tools and methodology when applied and adapted for tourism, can increase tourism competitiveness for higher sustainability of

tourism companies, national tourism industries and finally, the global tourism industry.

Project management, particularly project planning can help to shape better tourism policies to support companies and people – both tourists and tourism services providers.

Project management, and change management in particular, can foster stronger partnerships and better resource allocations and their more sustainable use.

However, despite the fact that the project management methodology was developed in several directions, providing project managers in various sectors of the economy with a solid approach and a reliable basis for further development, the specificity of events turned out to be so deep that PMBOK required a significant change in both the vision and the mission of the body of knowledge, since none of the project management methodologies (PMI, Prince2, Waterfall, Agile, etc.) proved to be sufficient for higher risks faced and, consequently, higher responsibility born by event managers for the implementation of event projects and the conduct of the event itself. To fill this gap, EMBOK was initiated by an international group of prominent researchers and practitioners.

Event management

EMBOK was launched in 1999, when William O'Toole began to develop a concept for applying project management methodology to events. Julia Rutherford Silvers developed the EMBOK project on her website and a comprehensive taxonomy of event management. The first international meeting of interested researchers ended with the development of the EMBOK model, which included, in particular, design as a domain and core values [16].

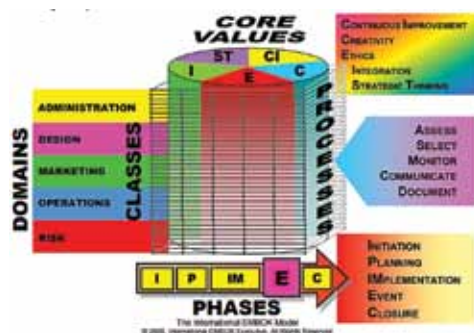
EMBOK is a comprehensive resource that includes event design, project management, site selection and development, safety and security, food and beverage, and entertainment. One of the key features of the EMBOK that distinguishes it from other event management methodologies is the recognition of the importance of risk management and the inclusion of risk in an equal domain.

EMBOK is an indispensable resource for every event planner, event manager, caterer, covering all aspects of the event planning process, tools and strategies, methods and tactics to help efficiently procure, organize, implement and monitor all products, suppliers, and services needed to bring events to life: from corporate meetings to international scientific conferences, from cozy family events to huge festivals.

Developing and completely updating for new technological developments in the business of

events, EMBOK now includes the latest achievements for organizing virtual meetings and events, social networks and sustainable practices.

A key feature that distinguishes event projects from other (more common) types of projects, such as building construction, developing new software products or applications, etc., is the event itself, which constitutes a major challenge and is definitely 'a project within a project' because it generates its own risks and requires a more complex level of risk and change management.

Source: International EMBOK Executive, 2005

Figure 3. The International EMBOK Model

The four main areas of the EMBOK include Phases, Processes, Core values and Knowledge Domains. Altogether they cover the full scope of event management and offer the main categories for a knowledge management system or event management system.

The EMBOK **Phases** dimension displays the consistent nature of event management, emphasizing the time criticality of any event project. The phases include initiation, planning, implementation, the event and closure and are based on traditional project management terminology.

The EMBOK **Processes** dimension involves both an integrated and interactive system necessary to facilitate an extensive course of action, as well as a dynamic approach to the changing character of events. The Processes comprise assessment (presuming both identification and analysis), selection, monitoring, communication and documentation, – all basing on widely recognized process systems.

The EMBOK **Core Values** dimension defines the principles that should be included in all decisions relating to each component, phase, and process of an event so that these decisions contribute to successful and sustainable results. The Core Values include continuous improvement, creativity, ethics, project integration, and strategic thinking.

The **Domains** of the EMBOK encompass comprehensive areas of activity or functions in event management. They represent the full range of responsibilities assigned to event organizers, as well as the categories necessary for organizational structure or effective knowledge management. The EMBOK includes five core domains – Administration, Design, Marketing, Operations, Risk, with the latter differing it from PMBOK.

The **Risk** domain concerns protective obligations, opportunities and legal aspects typically related to any enterprise, including event projects [16].

These areas are directly related to each choice made and all actions carried out within the framework of event projects, and they are attracting more and more attention from a range of stakeholders – from regulators to increasingly sophisticated consumers of events.

Taking into account the achievements of the EMBOK, the foundations of the Tourism Management Body of Knowledge have been developed in every part introduced by the International EMBOK Model including the core values, domains, classes, processes and phases.

Research goals and methodology

The objectives of the study include the rationale for the applicability of the project management methodology and tools for the tactical and strategic development of the tourism industry at both the world and national levels of economic development. The author sees the possibility of the tourism industry's further sustainable development on the basis of a systematic approach to improving the functioning of tourism enterprises applying the tools and methods of project management. Taking into account the current contribution of tourism to the world economy and the national economies of many countries, the issue of sustainability of tourism enterprises and national tourism industries in general seems to be one of the foundations for solving the problems of sustainable development included in the 2030 Agenda for Sustainable Development.

Methods: The study was conducted on the basis of a systematic approach using a logical and comparative analysis of various types of project management methodology in order to select the optimal methodology for solving operational and strategic problems of the tourism industry and sustainable development of tourism industries, as well as the method of structural-functional modeling, which revealed the most significant features of the tourism project, core elements of the implementation process of the tourist product and the most significant components of the methodology project management applicable to the management of tourism projects.

Research results

After reviewing project management methodologies (PMBOK and Agile) and event management methodology (EMBOK), and taking into account the growing importance of the global tourism industry and the growing number of people involved in tourism projects, the study revealed the urgent need to develop a tourism management methodology that can be implemented only on the basis of the identified specificity of tourism projects, i.e. typical features of the tourist project, its constraints and the core components of the tourism management body of knowledge.

The study has identified two stages of organizational management in tourism: managing the process of developing a tourism product and managing its implementation in the context of developing the system of required services, compulsory for the project implementation.

Tourism projects specificity

The main distinctive feature of tourism projects is their higher complexity in comparison with any other type of projects. Unlike civil engineering / construction projects, the production of goods or most IT projects, tourism projects do not end with the start of product sales to the first group of travellers, since after the product launch, two more stages begin to go simultaneously, on which so much depends, not less than on the tourist product itself.

For example, a very good travel package was developed with the participation of a tour operator who provided general guidance and detailed design (often including visa services), a transport company that could provide a charter (not necessarily, but often common practice), an accommodation company (for example, a 3–4* hotel), a catering company or additional hotel catering services (in the case of an all-inclusive package), animators for children and the elderly in the case of a family package, an excursion bureau that offers excursions and on-site shopping (often very welcome), a company that provides some medical services (such as a sauna or hammam, massage, etc.) and a life-guard company in case of a beach or mixed trip or a rescue company in case of adventure tourism. On average, the product introduction phase lasts at least twice as long in the case of a tourism project as compared to an event within an event project.

All these elements are combined into a well-developed travel package or travel product (with numerous previously signed contracts, agreements and letters of intent and dozens of negotiations previously held as part of the development of this travel package and the implementation of this tourism project), two new

parallel phases begin – one is implementation of the tourist package, and the other – the implementation of travel services.

Tourism project management – modelling

The use of models allows establishing the relationship between the essential components and processes both within the system and in its environment. However, it should be remembered that the process of modelling requires a number of assumptions to be introduced, and the results of a particular model analysis are only valid within the framework of these assumptions.

As a matter of course, one cannot consider the results of modeling as an end result, as some kind of “algorithm”, substituting conditions or values corresponding to one real situation or another to an exhaustive answer to the question of how to manage a tourism project and innovative development of the industry of tourism. The advantages of modeling are that it allows: to explain the observed phenomena and the connections between them (descriptive function); predict the future development of processes (prognostic function); choose the best options for development (regulatory function).

The modeling method is used in project management as a tool for visualizing important system relationships, as well as part of the project management methodology, which allows to optimize the decision-making process, as well as to anticipate possible environmental changes that directly affect the changing conditions of the project and its result.

Modelling in project management has become an effective technology for managing change in a competitive environment. The correct application of project management modeling has a positive effect on the implementation of any project in accordance with high quality standards, which are achieved within the set goals, while reducing risks and saving time.

One of the most successful and proven models in project management has become the project management triangle (also known as the Triple Constraint) that is a project management constraint model (used since the 1950s to analyze projects), suggesting that the quality of work is limited to the budget, timing and scope of the project and that changes to one constraint require changes in others, to compensate and, thus, avoid quality reduction [17].

Constraint model of the tourism project

Since tourism projects involve an extremely unstable combination of transportation, housing, catering, entertainment, climate and human factors, each of which is subject to constant changes and thus creates high risks, which together lead to the high vulnerability

of the travel company, the staff of the tourism Companies should practice increased responsibility as the most significant element of their professional credo and daily professional activities.

Since the reputation of travel companies largely depends on the feedback from their customers, who are playing an increasingly important role in the modern digital era due to the growing social networks, the quality of the tourism project has become an unprecedented significant value.

Based on the project management triangle of content, time and cost, a constraint model of key characteristics of an average tourism project has been developed, identifying three main areas of tourism projects directly related to the issues of responsibility, risks and change management (see Figure 4 below).

Developed by the author.

Figure 4. Constraint model of the tourism project

Ideally, tourism projects should potentially include business analysis and marketing research and relate to the history and cultural heritage of local attractions, local wildlife and natural resource management, conservation of the environment and preservation of the local biodiversity, highlight local, regional or international tourism specificities, help to solve problems of socio-economic development in rural areas, as well as contribute to further communication and co-development.

Development and implementation model of the tourist product

These two stages, although they do not require a team project, but engage employees of all the aforementioned stakeholders – the transport company, a transfer provided either by the hotel or the tour operator who previously organized it while developing the tourist product = travel package, the hotel (or any other accommodation service provider, included in the same travel package), the catering service provider, entertainment organizer and other service providers – come on stage and start to contribute to the implementation of a

previously developed tourist product. Moreover, the implementation of each element of the tourist product can only be made through the introduction of certain services, the quality of which no longer depends on the initiator and developer of the tourist product – the tour operator.

And too often, the development of new services (or rather, new packages of services) coincides with the implementation of the services, which depends on a number of objective and many subjective factors, since services in tourism are still provided by people.

And what makes tourist products unprecedentedly difficult, and overall tourism projects even more problematic – is the customer or rather a great variety of customers, many of whom use tourist products not just as a great opportunity to spend their free time and relax (passively or actively), but as a great opportunity to gain new self-confidence at the expense of any or sometimes every service worker, and then gain some influence and power by spreading their sometimes very subjective and erroneous opinions through social networks.

Thus, a tourism project can be depicted as consisting of two main integrated parts – (1) the development of a tourist product and (2) the introduction / implementation of a tourist product with the simultaneous development of tourism services (see Figure 5 below).

Developed by the author.

Figure 5. Model of tourist product development and implementation

Another distinctive feature of the tourism project is a higher level of individuality compared only with such personal or family events as birthday / anniversary parties or graduation / retirement events and the like.

However, although most events – conferences, meetings, exhibitions – affect people (mainly representing certain companies), they are more formal in nature, and the reputation of such events largely depends on the generalized opinions of companies, which makes these opinions less subjective than the opinions of consumers of the tourist product.

Similarly, even if not every participant of such a cozy family event is fully satisfied, they rarely dare to publish their negative reviews (not to break their family ties),

unlike consumers of tourist products, who in many cases find additional satisfaction in publishing their negative reviews, although they are not always able to clearly analyze true reasons for their discontent.

Thus, the tourist products that underlie tourism projects have a greater impact on the developers of tourist products and their partial performers, i.e. tour operators and travel agents, and thus increase their vulnerability.

In addition, although the implementation phase of the tourist product does not depend mainly on the tourist product developers, but on their tourist product partners – carriers and providers of housing, catering and entertainment, in many cases the reviews of consumers of the tourist product are associated with tour operators / agents and influence them to the greatest extent (and much less the reputation of particular airlines, hotels, catering organizations or entertainment organizers who actually introduce / implement the tourist product and are more responsible for its success, as well as a positive experience and positive feedback from customers.

All these add to the specificity of tourism projects and their particular susceptibility and vulnerability to all sorts of changes – from a charter flight change to tourists' personal health problems like a sudden allergy to a blooming plant never met before or individual dissatisfaction with the taste of local dishes and possible digestion problems. So, human factor is the core challenge to managers of tourism projects and key determinant for tourism projects' success and sustainability.

Tourism project management – methodology

Taking into account the complex multi-level nature of the tourism industry as a system, it can be concluded that the development of the positive impact of tourism on tourist destinations and the maximum reduction of possible negative effects of tourism on them, including their natural, historical, cultural resources, as well as on the local community is impossible without holistic systems approach and a developed project methodology, taking into account the specifics and potential of the tourism industry, able to provide both positive and negative influence.

In order to provide a platform for a more sustainable development and implementation of tourism projects, it is high time to design a body of knowledge for tourism management. Basing on the PMBOK and even to a larger extent on the EMBOK, a model of **TMBOK –Tourism Management Body of Knowledge** has been developed including similar areas of importance with amendments highly important for the tourism project management.

For the **TMBOK** the **Values** of the **EMBOK** – Continuous improvement, Creativity, Ethics, Integration, Strategic Thinking – should be completed with one more indispensable value – **Partnership**, without which tourist products cannot be developed and introduced and tourism projects cannot be implemented.

Besides the domains of Administration, Design, Marketing, Operations, and Risk, TMBOK Domains should include **Change**, since constant change is one of the key features of tourism projects.

The processes included in the **EMBOK** – Assess, Select, Monitor, Communicate and Document – can be actually included in the **TMBOK** and supplemented with two more processes – Keep abreast and Enhance as tourism projects are implemented through iterations, sometimes going in parallel.

Just like Event is the core of the event project, Tourist Product is the core of the tourism project. So, the **EMBOK** phases – Initiation, Planning, Implementation, Event and Closure – in the **TMBOK** should be transformed in the following way: Initiation, Planning, Implementation, **Product Introduction** / **Service Implementation**, and **Iteration** Closure.

Developed by the author.

Figure 6. The TMBOK Model

It is clear that the implementation of project management methodology and tools in all travel companies is not possible within a short time, but the understanding by travel company managers of the opportunities and prospects opening up for their organizations when introducing project management will be able to influence their decision to introduce project organizations and tools thus creating systemic conditions for more sustainable development of travel companies.

Conclusions and discussion

Currently, the tourism industry is faced with a situation where tourism project managers reactively respond to emerging changes and risks; in the

practice of implementing tourism projects, proactive management is almost completely absent, and therefore, there is hardly any management in principle, as in the context of the sustainable development of the modern tourism industry management cannot be otherwise but proactive.

The following steps should be taken in this direction: (1) a thorough analysis of current needs for a particular type of tourism and a no less thorough analysis of the opportunities offered and implemented by all participants of a tourism project without their subsequent exaggeration as part of a marketing campaign; (2) the introduction of a planning system for tourism projects; (3) quality planning of a tourism project based on a structured system approach; (4) the introduction of a system for the implementation of tourism projects, coupled with the management of risks and changes; (5) the introduction of adequate mechanisms for monitoring and evaluating tourism projects: project managers should be able to measure the progress achieved, since it is impossible to manage what is impossible to measure; (6) integration of the system for implementing the benefits of a tourism project into project management.

The project management methodology is capable of providing flexible and efficient tools for projects with a high level of risk and a high degree of variability, which is exactly what tourism projects are. The prospective Tourism Project Management Methodology, based on the proposed foundation of TMBOK focusing on tourism project specificity and complexity, can not only increase the manageability of tourism projects (allowing stakeholders to better manage their risks and changes) and the overall sustainability of the tourism industry, but also develop the guidelines established in the Global Sustainable Tourism Criteria [18] and the European Tourism Indicators System [19].

The proposed fundamentals of the tourism project management methodology based on the author's model of tourism project management, the tourism project models and the TMBOK model models (a set of knowledge of tourism management) highlight the features of the tourism project, its specific characteristics and the most significant components of tourism project management as a system. To implement the proposed methodology based on the TMBK concept in the practice of tour operators, it is necessary to develop and implement a fairly large-scale system of measures, but the proposed concept makes it possible to realize their need for the sustainable development of tourism and hospitality organizations, tourist destinations and local communities.

References / Список литературы

1. Middleton V., Clarke J. Marketing in Travel and Tourism / 3rd ed. Amsterdam, ButterworthHeinemann. 2001 (in Eng.)
2. Vellas F., Becherel L., eds. The International Marketing of Travel and Tourism: a Strategic Approach. Houndmills: Palgrave. 1999 (in Eng.)
3. UNWTO. UNWTO Tourism Highlights. 2018. Available from: <https://www.eunwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419876> (in Eng.)
4. The 2030 Agenda. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN Goals for Sustainable Development. 2015. Available from: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (in Eng.)
5. UN General Assembly Resolution. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, Seventieth session. Agenda items 15 and 116. 2015. Available from: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (in Eng.)
6. UN SDGs – UN Sustainable Development Goals. Knowledge Platform. The United Nations Organisation. Available from: <https://sustainabledevelopment.un.org/?menu=1300> (in Eng.)
7. Tourism & SDGs 2018 – Tourism & Sustainable Development Goals. Tourism for SDGs. Available from: <http://tourism4sdgs.org/tourismforsdgs/tourismandsdgs/> (in Eng.)
8. Jackson Ivor. Issues Paper. Potential Impact of Climate Change on Tourism. Prepared for the OAS – Mainstreaming Adaptation to Climate Change (MACC) Project. 2003. Available from: www.oas.org/macc/docs/tourismissues.doc (in Eng.)
9. Nayab N. Project Planning for PMs. Some Examples of a Project Planning Model: Which Should You Use? 2010. Available from: <https://www.brighthubpm.com/project-planning/97808-examples-of-project-planning-models/> (in Eng.)
10. Kepner–Tregoe Project Management. 2004. Available from: http://www.kepnerregoe.com/pdfs/workshops/CC_PM.pdf (in Eng.)
11. Boehm B.W. A spiral model of software development and enhancement. *Computer*. 1988; 21(5):61–72. doi:10.1109/2.59 (in Eng.)
12. Schwaber K. Scrum Development Process. In Proceedings of OOPSLA'95 Workshop on Business Object Design and Implementation. 1995. P. 117–134 (in Eng.)
13. Boehm B., Turner R. Balancing agility and discipline: A guide for the perplexed. Boston, MA: Addison Wesley. 2003 (in Eng.)
14. Barkhi R., Pirkul H. An experimental analysis of face to face versus computer mediated communication channels. *Group Decision and Negotiation*. 1999; 8(4):325–347 (in Eng.)
15. Yang S., Lechler T. Project management process models as antecedents for job satisfaction: a comparative analysis of waterfall and scrum. Paper presented at Project Management Institute Research and Education Conference, Phoenix, AZ. Newtown Square, PA: Project Management Institute. 2014 (in Eng.)
16. History of EMBOK. 2005. Available from: <https://www.embok.org/index.php/history-of-embok> (in Eng.)
17. Westland J. The Triple Constraint in Project Management: Time, Scope & Cost. 2018. Available from: <https://www.projectmanager.com/blog/triple-constraint-project-management-time-scope-cost> (in Eng.)
18. GSTC 2018. Industry Criteria (for Hotels & Tour Operators). Available from: <https://www.gstccouncil.org/gstccriteria/gstcindustrycriteria/> (in Eng.)
19. ETIS. European Tourism Indicators System. 2013. Available from: http://ec.europa.eu/growth/sectors/tourism/offer/sustainable/indicators_en (in Eng.)
20. Agile Delivery. Axis Technical Group. Available from: <http://www.axistechnical.com/agile-delivery/> (in Eng.)
21. Chaisawat M. Policy and planning of tourist product development in Thailand: A proposed model. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2006; 11(1):1–16 (in Eng.)
22. General Assembly Resolution 2015 – Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available from: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (in Eng.)

Об авторе

Бурукина Ольга Алексеевна, старший исследователь Университета Вааса (65200 Вааса, ул. Волффинтие, 34), г. Вааса, Финляндия, кандидат филологических наук, доцент, obur@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the author:

Olga A. Burukina, University of Vaasa (34 Wolffintie, Vaasa 65200), Vaasa, Finland, Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., obur@mail.ru

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 338.33; 338.2
JEL: C20, C50, D40, E64, L11, O22

DOI: 10.18184/2079–4665.2019.10.1.38–53

Методы, процедуры и инструменты диверсификации предприятий и организаций ОПК России

Юрий Владимирович Мишин¹, Николай Борисович Костерев²,
Валерий Борисович Сухарев³, Александр Юрьевич Мишин⁴

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия
109542, Москва, Рязанский проспект, дом 99

E-mail: myv1@rambler.ru

^{2–3} Научно-исследовательский институт экономики авиастроительной промышленности (ЗАО), Москва, Россия

111024, Москва, Перовский проезд, дом 2, строение 2

E-mail: info@niieap.com; suharev@niieap.com

⁴ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
125993, Москва, Ленинградский просп., дом 49

E-mail: AYUMishin@fa.ru

Поступила в редакцию: 27.01.2019; одобрена: 01.03.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: В работе освещаются вопросы организационно-методического и инструментального обеспечения процессов диверсификации организаций и предприятий российского оборонно-промышленного комплекса. На основе анализа причин низкой эффективности федеральных целевых программ конверсии предприятий и организации ВПК в 1993–1997 гг. были сформулированы предложения по ее повышению.

Методология проведения работы: Методической основой рассматриваемого в статье подхода является оценка эффективности диверсификации, включающую как параметры использования производственных мощностей, так и основные результаты производственной деятельности хозяйствующих субъектов.

Результаты работы: В статье предложены и обоснованы: 1) принципы диверсификации предприятий и организаций ОПК; 2) инструментарий оценки экономических последствий, основанный на обосновывающих расчетах использования производственных мощностей, определении потребности в ресурсах, объемах капитальных вложений и производственных площадях; 3) план мероприятий («дорожная карта») проведения работ по освоению и производству высокотехнологичной гражданской продукции.

Выводы: Диверсификация предприятий и организаций ОПК Российской Федерации требует в большинстве случаев (кроме продукции двойного назначения) вложения значительной суммы средств. С целью обеспечения минимизации требуемых для ее выполнения ресурсов (объемов капитальных вложений, производственных площадей и рабочей силы) в качестве критерия оценки эффективности конверсии военного производства, предлагается использование коэффициента загрузки производственного потенциала.

Ключевые слова: конверсия оборонной промышленности, технологическая трудоемкость, годовой объем производства, коэффициент загрузки оборудования, производственная мощность, производственная программа, «дорожная карта», производство высокотехнологичной гражданской продукции

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мишин Ю. В., Костерев Н. Б., Сухарев В. Б., Мишин А. Ю. Методы, процедуры и инструменты диверсификации предприятий и организаций ОПК России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 38–53. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079–4665.2019.10.1.38–53>

© Мишин Ю. В., Костерев Н. Б., Сухарев В. Б., Мишин А. Ю., 2019

Methods, procedures and tools for diversification of enterprises and organizations of the Russian defense industry

Yurii V. Mishin¹, Nikolay B. Kosterev², Valerij B. Sukharev³,
Aleksandr Yu. Mishin⁴

¹ State University of Management, Moscow, Russian Federation
99, Ryazansky avenue, Moscow, 109542

E-mail: myv1@rambler.ru

²⁻³ NII Ekonomiki (ZAO), Moscow, Russian Federation
2, building 2, Perovskiy pass., Moscow, 111024

E-mail: info@niieap.com; suharev@niieap.com

⁴ Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993

E-mail: AYUMishin@fa.ru

Submitted 27.01.2019; revised 01.03.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: the work covers the issues of organizational, methodological and instrumental support of the processes of diversification of organizations and enterprises of the Russian defense industry complex. Based on an analysis of the reasons for the low efficiency of federal targeted programs for the conversion of enterprises and the organization of the military-industrial complex in 1993-1997, proposals for its improvement were formulated.

Methods: the methodological basis of the approach considered in the article is to assess the effectiveness of diversification, including both parameters of the use of production capacity and the main results of the production activities of economic entities.

Results: the article proposed and justified: 1) the principles of diversification of enterprises and defense industry organizations; 2) tools for assessing the economic consequences, based on justifying calculations of the use of production capacity, determining the need for resources, the volume of capital investments and production areas; 3) action plan ("roadmap") for the development and production of high-tech civilian products.

Conclusions and Relevance: Diversification of enterprises and organizations of the defense-industrial complex of the Russian Federation in most cases (except for dual-use products) requires an investment of a considerable amount of funds. In order to ensure the minimization of the resources required for its fulfillment (amount of capital investments, production space and labor force), the use of the production potential load factor is proposed as a criterion for evaluation of conversion efficiency of military production.

Keywords: conversion of the defense industry, technological complexity, annual production volume, equipment load factor, production capacity, production program, "road map", production of high-tech civilian products

Conflict of Interes. The Authors declare that there is no Conflict of Interest.

For citation: Mishin Yu. V., Kosterev N. B., Sukharev V. B., Mishin A. Yu. Methods, procedures and tools for diversification of enterprises and organizations of the Russian defense industry. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):38–53. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.38-53>

Введение

Открывая 24 января 2018 года в городе Уфе совещание по вопросам производства высокотехнологичной продукции гражданского назначения организациями оборонно-промышленного комплекса, Президент Российской Федерации В.В. Путин¹ отметил, что в ближайшее время необходимо определить ключевые направления и наиболее эффективные механизмы диверсификации оборонных предприятий, а также обеспечения их

сбалансированного развития. Выпуск новой гражданской продукции должен полностью загрузить имеющиеся производственные мощности и обеспечить их финансовую устойчивость. При этом объем выпускаемой предприятиями и организациями ОПК конкурентоспособной гражданской продукции должен достигнуть не менее 30% к 2025 году и 50% к 2030 году. Основной причиной разработки программ диверсификации предприятий и организаций ОПК является существенное сокра-

¹ Совещание по вопросам диверсификации производства продукции гражданского назначения организациями ОПК / Пресс-служба Президента России. 24 января 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56699>

щение объемов финансирования государственного оборонного заказа.

Предприятия оборонного комплекса России по особенностям организации производства и используемым технологическим процессам значительно отличаются от предприятий гражданских машиностроительных отраслей. Главное отличие заключается в том, что технический уровень производства в оборонно-промышленном комплексе значительно выше, чем в этих отраслях, поскольку основные материально-технические, а также трудовые и основная часть финансовых ресурсов ранее направлялись в первую очередь на оборонные предприятия. Поэтому этим предприятиям в процессе проведения диверсификации производства надо не копировать выпускаемую ими продукцию, а использовать весь имеющийся у них производственный потенциал для подъема гражданских отраслей.

Кроме того, большинство предприятий оборонных отраслей промышленности (за некоторым исключением) выпускают свою продукцию малыми сериями. В основном такой тип производства характерен для аэрокосмической, авиационной и судостроительной промышленности, где военная техника – суда, подводные лодки, стратегические ракеты, истребители и бомбардировщики – производятся малыми сериями или даже в единичных образцах². При производстве такой продукции в основном используется универсальное технологическое оборудование, в отличие от гражданской продукции аналогичного назначения, при выпуске которой применяется специализированное оборудование. Следует отметить, что такое оборудование позволяет существенно снизить себестоимость продукции за счет увеличения производительности труда, но требует больших первоначальных капитальных вложений.

В настоящее время весь парк технологического оборудования, в зависимости от степени его прогрессивности, может быть разбит на четыре основные группы [1]³. К первой относится специализированное технологическое оборудование, которое предназначено для изготовления по жесткой технологии одной детали. Такое оборудование в основном используется предприятиями с массовым и крупносерийным производством, выпускающими боеприпасы (мины, патроны, снаряды) и стрелковое вооружение.

Вторую группу представляют предприятия с перенастраиваемой технологией производства. При проведении замены отдельных элементов или изменении компоновки оборудования сможет использоваться для изготовления нового изделия (строго фиксированной группы изделий). Такое оборудование в основном характерно для серийного производства танков, артиллерийских орудий и т.д.

Третья группа – переналаживаемые технологические процессы и соответствующее оборудование, предназначенное для одновременного выпуска группы деталей. Используется в мелкосерийном производстве самолетов и определенных типов ракет.

Четвертая группа адаптации – гибкая технология производства и оборудование, приспособленное для высокого уровня автоматизации. Область использования – опытное и единичное производство: атомная, ракетно-космическая техника, судостроение и т.д.

Именно поэтому предприятия, производящие в больших объемах и количествах сложную оборонную технику (с крупносерийным и массовым характером производства – танки, стрелковое и артиллерийское оружие, боеприпасы, патроны, мины, артиллерийские снаряды), испытывают наибольшие проблемы в освоении производства новой конкурентоспособной гражданской продукции. Такие предприятия проектировались, строились и оснащались, как узкоспециализированные, что отразилось на их планировке, конструкциях основных цехов (высоте и ширине пролетов). В этих условиях наиболее гибкими и, самое главное, конкурентоспособными на внешних рынках сбыта являются предприятия отраслей с мелкосерийным и единичным типом производства, т.е. атомная, ракетно-космическая, авиационная и судостроительная промышленность.

Кроме того, диверсификация предприятий и организаций оборонно-промышленного комплекса не приводит к полному прекращению производства ими военной продукции, что серьезно затрудняет проведение конверсии, поскольку необходимо сохранение и, самое главное, содержание имеющегося парка технологического оборудования. Что не позволяет высвободить производственные площади, а отсутствие свободных производственных площадей, в свою очередь, не позволит увеличить

² Мишин Ю. В. Экономические основы организации конкурентоспособного производства. М.: Новый век, 2000. 262 с.; Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утвержден Правительством РФ 3 января 2014 г.). URL: <http://government.ru/media/files/41d4b737638b91da2184.pdf>; Погосин: развитию ОПК необходимо придать как можно больший импульс // ТАСС. 10 февраля 2015. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/1757001>

³ Васильев В. Н., Садовская Т. Г. Организационно-экономические основы гибкого производства. М.: Высшая школа, 1988. 216 с.

производство высокотехнологичной гражданской продукции и товаров народного потребления длительного пользования.

Поэтому практически отсутствуют способы, при которых конверсия предприятия потребует минимальных затрат. Исключением является вариант, когда предприятие и ранее выпускало продукцию двойного назначения. К этой группе можно отнести, прежде всего, предприятия средств связи, электронной, и радиотехнической промышленности, а также отдельные предприятия авиационной, судостроительной и ракетно-космической промышленности.

В то же время, конверсия военного производства предприятий, выпускающих серийную продукцию (стрелковое, артиллерийское и танковое вооружение), предусматривает практически полную замену парка технологического оборудования, техническое перевооружение и реконструкцию основных цехов предприятий, переквалификацию промышленно-производственного персонала. Именно поэтому конверсия военного производства предприятий этих отраслей оборонного комплекса требует больших затрат трудовых, материальных и финансовых ресурсов.

Обзор литературы и исследований. Термин «диверсификация» (новолатинское «diversification») возник от двух латинских слов: *diversus* – разный и *facere* – делать. Он был впервые введен в научный оборот в 1962 году американцем Кеннетом Эндрюсом и означал «...изменение, а в самом общем виде увеличение номенклатуры производимых отдельными предприятиями и объединениями товаров» [2].

Самое общее определение данного понятия было дано известным ученым И. Ансоффом, который считал, что диверсификация – это термин, применяемый к процессу перераспределения ресурсов, существующих на одном предприятии, в другие сферы деятельности, существенно отличающиеся от традиционной организации производства в данной отрасли [3].

Г. Я. Гольдштейн под диверсификацией производства понимает процесс одновременного развития многих, не связанных между собой видов производств, расширение номенклатуры и ассортимен-

та выпускаемых изделий предприятиями и интегрированными структурами⁴.

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утвержденных Правительством РФ 29.09.2018 г.)⁵ под диверсификацией производства понимается «увеличение доли высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения в общем объеме выпускаемой хозяйствующим субъектом товарной продукции».

Определения диверсификации также даны в работах М. Горта и Дж. Фергюсона [4], Ч. Г. Берри [5], Э. В. Бауминга [6], Р. А. Питтса и Х. Д. Хопкинса [7], Е. Г. Новицкого [8], А. Н. Петрова⁶, Н. Б. Рудыка⁷, а также Е. Есиниры, Э. Кенста и многих др. [см., например, 9–11].

Так, группа японских ученых рассматривает данный термин в более широком смысле, в качестве элемента экономической стратегии, важного инструмента реализации конкурентной стратегии [9]. Формулировку М. Горта следует признать недостаточно точной, поскольку термин «обслуживание рынков» [4], по нашему мнению, в данном случае совершенно не подходит. Интерпретацию Ч. Г. Берри можно также признать не вполне правильной, поскольку предпринимателя в первую очередь должен интересовать объем проданной продукции, а потом уже рынок, на котором он ее продал [5]. Н. Б. Рудык допускает излишнюю категоричность, относя к диверсификации процесс проникновения компании только в новые отрасли⁸, в связи с чем возникают вопросы – разве невозможно проникать в старые отрасли с новой (модернизированной) продукцией, и как при этом быть с продукцией двойного назначения (т.е. военно-гражданской).

Сравнительная характеристика авторских подходов к формулировке понятия «диверсификация производства» представлена в табл. 1.

В результате анализа приведенных в таблице формулировок понятия «диверсификация» можно сделать вывод о том, что наиболее правильно отражающими смысл понятия являются определения его как «расширение номенклатуры продукции, видов оказываемых услуг и товаров» и «рост количества отраслей, в которых оперирует компания»,

⁴ Гольдштейн Г. Я. Стратегический менеджмент. Конспект лекций. Таганрог: изд-во ТРГУ, 1995. 216 с.

⁵ Об основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <https://itpgrad.ru/node/2829>

⁶ Петров А. Н. Стратегический менеджмент. СПб.: Питер, 2005. 209 с.

⁷ Рудык Н. Б. Конгломератные слияния и поглощения. Книга о пользе и вреде непрофильных активов. М.: Дело, 2005. 223 с.

⁸ Там же.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика авторских подходов
к формулировке понятия «диверсификации производства»**

Table 1

**Comparative characteristics of the author's approaches
to the formulation of the concept of "diversification of production"**

Определение	Авторы
Процесс перераспределения ресурсов в другие, существенно разные сферы деятельности	Ансофф
Расширение номенклатуры продукции, видов оказываемых услуг и товаров	Эндрюс, Берри, Бауминг, Петров, Гольдштейн, Правительство РФ
Обслуживание компанией нескольких рынков	Горт и др.
Одновременное ведение нескольких видов бизнеса	Питтс и Хопкинс
Рост количества отраслей, в которых оперирует компания	Ансофф, Питтс и Хопкинс, Бауминг, Есинсир и др., Рудык, Новицкий, Петров, Гольдштейн, Правительство РФ
Увеличение доли высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения	Правительство РФ
Стратегия снижения рыночной деятельности в неблагоприятных условиях	Есинсир и др.
Процесс проникновения корпорации в новые отрасли производства	Рудык

Составлено авторами по материалам [2–11]⁹.

Compiled by the authors basing on materials [2–11]⁹.

которые поддерживаются большинством зарубежных и отечественных исследователей, а также Правительством Российской Федерации. Указанные формулировки достаточно близки по своему экономическому смыслу и отличаются только редакционными дефинициями.

Результаты исследования и методы формализации

Проблема реформирования ОПК, реструктуризации научно-технического и производственного потенциала страны в целях эффективного использования уникального задела оборонной промышленности для производства конкурентоспособной на мировом рынке гражданской продукции и товаров народного потребления длительного пользования начала решаться в России в 1992 году. Для ее реализации была разработана Федеральная

целевая программа конверсии оборонной промышленности на 1993–1995 гг., а затем она была продлена и на 1995–1997 гг.¹⁰ Финансовые затраты на ее реализацию приведены в табл. 2. При этом объем фактического финансирования данной программы по сравнению с плановым уровнем составил всего 27,4%.

Все это привело к тому, что из предусмотренного в Программе конверсии в 1996 году создания производственных мощностей на общую сумму 16 869 млрд рублей было введено мощностей лишь на 34,4 млрд руб., т.е. всего 0,2% от запланированного уровня. Несколько лучше сложилось положение с вводом в действие производственных мощностей в авиационной промышленности, где из 54-х конверсионных программ были завершены 19. При этом ввод в действие производственных мощностей достиг 30,2%¹¹.

⁹ Гольдштейн Г. Я. Стратегический менеджмент. Конспект лекций. Таганрог: изд-во ТРГУ. 1995. 216 с.; Об основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <https://itprgrad.ru/node/2829>; Петров А. Н. Стратегический менеджмент. СПб.: Питер, 2005. 209 с.; Рудык Н. Б. Конгломератные слияния и поглощения. Книга о пользе и вреде непрофильных активов. М.: Дело. 2005. 223 с.

¹⁰ Постановление Российской Федерации «О Федеральной целевой программе конверсии оборонной промышленности на 1995–1997 годы» от 26 декабря 1995 года № 1274 (фактически утратило силу в связи с истечением срока действия). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9015353>

¹¹ Мишин Ю. В. Формирование стратегии экономического развития предприятий авиационной промышленности. М.: ЦАГИ, 1997. 62 с.

Таблица 2

**Финансирование федеральной целевой программы
«Конверсия оборонной промышленности в 1992–2000 гг.» (млрд. руб.)**

Table 2

Financing of the Federal target program “Conversion of the defense industry in 1992–2000” (billion rubles)

Период времени	План	Фактически	% выполнения
1992–1993 гг.	250	117	46,8
1994 г.	4100	3500	85,4
1996 г.	3960	9,3]	0,2
1997 г.	2000	0	0
1998 г.	1000	0	0
1999 г.	1000	0	0
2000 г.	917	0	0
Всего	13 227	3 626,3	27,4

Составлено авторами по материалам, опубликованным в официальных источниках федеральных бюджетов Российской Федерации на 1992–2000 гг., а также отчетов уполномоченных коммерческих банков.

Compiled by the authors based on the materials published in official sources of the federal budgets of the Russian Federation for 1992–2000, as well as reports of authorized commercial banks.

В рамках конверсионных программ предприятия авиационной отрасли были созданы образцы медицинского оборудования, оборудования для топливно-энергетического комплекса и пищевой промышленности.

Было также произведено более 50-ти видов товаров народного потребления длительного пользования и другой гражданской продукции, наиболее значимыми из которых, по нашему мнению, являются следующие:

- бытовой электроинструмент – 371 тыс. шт.;
- холодильники и морозильники бытовые – 48 тыс. шт.;
- стиральные машины автоматические – 58 тыс. шт.;
- автомобильные двигатели – 18 тыс. шт.;
- тракторные двигатели – 6,5 тыс. шт.;
- электроутюги – 103 тыс. шт.;
- электропылесосы – 62 тыс. шт.

Полученные результаты были бы значительно выше, если бы не имели место существенные недостатки в организации финансирования. Среди них в первую очередь следует отметить:

- значительные перерывы в перечислении средств Министерством финансов Российской Федерации, что в ряде случаев приводило к прекращению работ со стороны подрядчиков и поставщиков, расторжению договоров и большим финансовым потерям, а также к удорожанию стоимости работ;
- недостаточный размер собственных источников финансирования деятельности (прибыли), необ-

ходимости отвлечения средств на проведение первоочередных платежей, вызванных тяжелым финансовым положением;

- отсутствие в требуемом размере государственной поддержки для организации производства новых видов гражданской продукции и товаров народного потребления длительного пользования, так как средства целевой государственной поддержки направлялись только на подготовку производства и не могли использоваться для приобретения оборотных средств (закупки комплектующих изделий, полуфабрикатов, сырья и материалов), что в сложившихся условиях делало практически невозможным самостоятельное освоение предприятиями оборонных отраслей промышленности введенных производственных мощностей.

Кроме этого, следует также отметить недостаточную эффективность ряда конверсионных программ, вызванную следующими причинами:

1. Недостаточно объективным подходом государственных органов исполнительной власти (в первую очередь, Министерства экономики Российской Федерации) к оценке экономической эффективности представленных предприятиями и организациями инвестиционных программ, обусловленным желанием помочь как можно большему количеству заводов. В результате этого в принятые к финансированию Перечни конверсионных программ были включены второстепенные и однотипные изделия. Следствием такого подхода стал параллелизм в разработке новой продукции и распыление

выделенных для реализации конверсионных программ скудных бюджетных средств. В результате 115 предприятий предполагали начать одновременно производство микроволновых печей, 12 заводов – нефтедобывающих качалок, 8 заводов – мотокультиваторов и мотоблоков, 6 заводов – электродвигателей малой мощности для бытовой техники, 5 заводов – соковыжималок, миксеров, кухонных комбайнов, а 3 завода – электродрелей с насадками.

2. Ориентацией вновь разрабатываемой гражданской продукции только на свои технологические возможности, без учета требований рынка. Так, например, все основные авиационные, а также многие ракетно-космические предприятия и конструкторские бюро в качестве инвестиционных проектов предлагали освоить производство реактивных самолетов для деловых людей. Как правило, это были многоместные машины, на 6–8 человек, с одним реактивным двигателем. Причем все предполагали выход с этой продукцией только на мировой рынок. Однако мировой рынок деловых самолетов, как известно, находится под жесточайшим контролем страховых фирм, которые требуют не только сертификации самолетов и их производства, но и предъявляют ряд специфических требований к конструкции – например, многоместные самолеты деловой авиации должны иметь более одного двигателя. Невыполнение данного условия блокировало выход на внешний рынок и обрекало проекты этого типа на запланированную неудачу. Другим типичным примером такого подхода является использование лазеров в медицине. Большое количество приборостроительных заводов предлагали свои разработки медицинских приборов для лечения всевозможных заболеваний. Отечественное здравоохранение, вследствие недостатка средств, не могло приобрести такие новинки. Поэтому ставка опять же делалась на поставку продукции за рубеж. А методология лечения на основании использования этих приборов не проходила утверждения в Министерствах здравоохранения соответствующих стран. Значит, эти приборы не могли быть использованы нигде, кроме как в России. В качестве примера мелких второстепенных программ, имеющих значение только для предприятий, следует отметить производство сумок-холодильников (АООТ «Станкостроительный завод «Профиль», г. Ульяновск), медицинских кроватей

(Котласский электромеханический завод), автомобильных ветровых стекол (АООТ «Второй Московский приборостроительный завод»), сантехники и запасных частей к автомобилям (АООТ «Машиностроительный завод «Агат»), газовых плит (АООТ «Завод «Теплообменник», г. Нижний Новгород).

3. Отсутствием в ряде случаев комплексного подхода к реализации некоторых проектов, в первую очередь крупных, так как не была взаимно увязана деятельность проектно-конструкторских организаций, головных серийных заводов (самолетостроительных) и предприятий-комплектаторов (двигательных, приборостроительных и агрегатных заводов), а также были допущены разрывы в технологической цепочке «планер – двигатель – авионика». Например, в Перечне конверсионных программ было предусмотрено выделение целевых денежных средств для освоения производства авиационного двигателя НК-93 АООТ «Казанское моторостроительное ПО» и АООТ «Самарское моторостроительное ПО им. Фрунзе». Головному же разработчику этих двигателей – АООТ «Самарский научно-технический комплекс «Двигатели НК» – на проведение таких работ по данному двигателю средств вообще выделено не было.

Основным инструментом механизма выбора высокотехнологичной гражданской продукции, по нашему мнению, являются обосновывающие расчеты:

- 1) изменения объемов производства и прибыли от реализации товарной продукции из-за замещения военной продукции гражданской. Целесообразность его выполнения обусловлена тем, что заменяемая военная продукция мелкосерийная и единичная, а гражданская продукция – серийно-устойчивая или массовая. Цена военных изделий существенно выше гражданских, поэтому стоимость одного часа при производстве военной продукции будет значительно выше гражданской;
- 2) производственной мощности предприятия, потребности в ресурсах, капитальных вложениях, производственных площадях и рабочей силе [8]¹².

Под производственной мощностью предприятия понимается максимально-возможный выпуск продукции за определенный период времени, как правило, год, который может быть достигнут при

¹² Краткий экономический словарь / под ред. Ю. А. Белика и др. 2-е изд. доп. М.: Политиздат, 1989. 399 с.

наиболее полном использовании активной части основных производственных фондов – технологического оборудования в соответствии с установленной специализацией и режимом работы. Данный показатель рассчитывается по всей номенклатуре выпускаемой продукции, по каждому ее виду, мощность определяется в натуральных единицах измерения, а по отдельным видам – в натуральном и стоимостном выражении. Информационной базой для расчета на планируемый период в годовом разрезе производственной мощности предприятия и ее использования являются показатели трудоемкости (станкочасов) изделий (по видам работ), производственные программы их выпуска, а также необходимые ресурсы (технологическое оборудование, площади и рабочие). Под видом работ в данном случае понимается совокупность технологических операций, выполняемых на определенном типе технологического оборудования: токарным, сверлильным, расточным, шлифовальным, полировальным, доводочным, заточным, электрофизическим, электрохимическим, резьбо-обрабатывающим, фрезерным, строгальным, долбежным, протяжным и т.д.

В процессе проведения расчетов производственной мощности предприятия и потребности в ресурсах производится определение трудоемкости (станкочасов) производственной программы производства новой высокотехнологичной гражданской продукции. Их сопоставление с производительностью оборудования, а трудоемкости – с остатком эффективного фонда времени работы основных производственных рабочих дает возможность определить по видам работ загрузку технологического оборудования, рассчитать требуемое ее среднегодовое снижение, определить объем требуемых для этого капитальных вложений и, самое главное, выявить дефицитные группы оборудования (профессии рабочих) – «узкие места» производства. Используя коэффициенты загрузки групп технологического оборудования (видов работ), можно оценивать степень реализуемости вариантов плана производства предприятием различных видов гражданской высокотехнологичной продукции за счет выявления по каждой группе оборудования излишнего или недостающего станочного парка, а также расчета требуемых для его приобретения капитальных вложений. Кроме того, данный показатель алгоритмически тесно связан с другой важнейшей обобщающей характеристикой эффективности использования активной части основных фондов, а именно, коэффициентом сменности работы оборудования (при двухсменном режиме работы оборудования коэффициент загрузки оборудования равен коэффициенту сменности,

уменьшенному в 2 раза, а при трехсменном режиме работы – в 3 раза).

В целях минимизации объема финансовых ресурсов, необходимых для проведения работ по диверсификации оборонного комплекса России, в основу механизма диверсификации производства, по нашему мнению, должны быть положены следующие методологические принципы:

1. Создание и производство предприятиями, научно-исследовательскими и конструкторскими организациями технически сложных гражданских изделий, конкурентоспособных на внешнем и внутреннем рынках сбыта, имеющих конструктивно-технологическую общность с сокращаемой военной продукцией – максимально возможное соответствие объемов и структуры технологической трудоемкости по основным видам работ. Идеальной является ситуация, когда данные характеристики практически совпадают между собой. Теоретически, это может наблюдаться только в одном случае – когда выпускаемая продукция является продукцией двойного назначения и структура ее технологической трудоемкости (по видам работ) во многом близка к гражданской. Во всех других случаях придется создавать новые рабочие места, приобретать необходимое технологическое оборудование, проектировать и изготавливать технологическую оснастку (штампы, приспособления) и т.д.
2. Недопущение сокращения объемов производства товарной продукции и массы получаемой прибыли по предприятию в результате проведения диверсификации.
3. Обеспечение полного жизненного цикла для осваиваемой сложной гражданской техники, начиная от ее разработки, производства, сбыта и заканчивая техническим обслуживанием и ремонтом.
4. Рациональное сочетание методов государственного регулирования и рыночных механизмов при реализации мероприятий по диверсификации военного производства.
5. Оказание предприятиям и организациям ВПК государственной поддержки в виде выдачи льготных кредитов на реализацию проектов по производству высокотехнологичной продукции и субсидирования затрат по ним на уплату процентов, а также проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по приоритетным направлениям и проектам развития Российской Федерации.
6. Создание государством экономической заинтересованности у потенциальных покупателей

в приобретении высокотехнологичной продукции гражданского назначения – в первую очередь, за счет предоставления им преференций, введения ответных мер по защите внутреннего рынка от импорта высокотехнологичной продукции, аналоги которой могут производить организации ОПК, а также создания механизмов

достижения ключевых показателей эффективности на базе использования различных форм взаимодействия производителей и потребителей продукции.

Последовательность работ (план мероприятий) по проведению диверсификации военного производства приведена в табл. 3.

Таблица 3

Состав и последовательность проведения работ (план мероприятий) по освоению и производству высокотехнологичной гражданской продукции

Table 3

The composition and sequence of work (action plan) for the development and production of high-tech civilian products

№№ п/п	Наименование работы (мероприятия) по организации производства новой гражданской продукции	Сроки		Результат
		начало	окончание	
1.	Определение высвобождающихся в результате сокращения государственного оборонного заказа производственных мощностей. Определение остатка фонда времени работы групп технологического оборудования по видам работ			Остаток фонда времени работы групп технологического оборудования по видам работ
2.	Поиск по профилю предприятия новой, конкурентоспособной в странах дальнего, ближнего зарубежья и России, гражданской высокотехнологичной продукции			Перечень гражданской высокотехнологичной продукции (наименование, технические характеристики и описание, сравнительная оценка уровня цен за единицу продукции отечественных и зарубежных производителей, технологическая трудоемкость изготовления по видам работ, производственная программа выпуска гражданских изделий)
3.	Оценка степени соответствия технологической трудоемкости изготовления гражданской продукции остатку фонда времени работы технологического оборудования по видам работ			Годовые фонды времени работы групп технологического оборудования, коэффициенты загрузки групп технологического оборудования (видов работ)
4.	Формирование оценки изменения объемов производства товарной продукции и массы прибыли за счет диверсификации производства			Расчет изменения объемов производства товарной продукции и массы прибыли
5.	Выбор гражданской продукции, в наибольшей степени обеспечивающей максимально-возможную загрузку имеющихся производственных мощностей			Перечень рекомендуемой к производству высокотехнологичной гражданской продукции
6.	Определение требуемой суммы средств на организацию производства новой высокотехнологичной гражданской продукции			Расчеты суммы средств на закупку, монтаж и наладку технологического оборудования, подготовку производства, разработку и проектирование технологических процессов и оснастки, изготовление оснастки и моделей, приобретение необходимых патентов и лицензий, закупку для организации выпуска продукции сырья, материалов, комплектующих изделий (оборотных средств)
7.	Подготовка необходимых документов для получения льготного кредита во Внешэкономбанке России			Технико-экономическое обоснование (бизнес-план), протоколы о намерениях, соглашения о приобретении выпускаемой по проекту продукции
8.	Организация подготовки производства нового гражданского изделия			Комплект проверенных и скорректированных чертежей нового изделия, план-график подготовки его производства

Окончание таблицы 3

End table 3

№№ п\п	Наименование работы (мероприятия) по организации производства новой гражданской продукции	Сроки		Результат
		начало	окончание	
9.	Разработка технологических процессов и проектирование оснастки			Технологические процессы изготовления деталей и сборки, оснастка и нестандартные средства механизации и автоматизации, модели
10.	Определение потребности в ресурсах			Технически обоснованные нормы времени на обработку деталей, сборочных единиц и сборку изделия в целом; технологическая трудоемкость изготовления изделия и коэффициент загрузки оборудования по видам работ; материальные ведомости на изделие
11.	Приобретение, монтаж и наладка недостающего для производства гражданской продукции технологического оборудования			Установленное технологическое оборудование
12.	Приобретение необходимых для производства оборотных средств			Сырье, материалы, полуфабрикаты и покупные комплектующие изделия
13.	Производство и выпуск изделия			Окрашенные и упакованные изделия на складе готовой продукции

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Среднегодовая трудоемкость годового объема производства j -го изделия по i -му виду работ (T_1^j) определяется по следующей формуле:

$$T_1^j = t_1^j \cdot n_j,$$

где t_1^j – среднегодовая трудоемкость изготовления j -го изделия по i -му виду работ;

n_j – годовая производственная программа выпуска j -го изделия (штук);

i – номер вида работ;

j – номер изделия.

Определение среднегодовой трудоемкости программы производства j -го изделия по i -му виду работ (t_1^j) производится по следующей формуле:

$$t_1^j = \frac{[(t_{in}^j + t_{ie}^j)]}{2},$$

где t_{in}^j – трудоемкость производства j -го изделия по i -му виду работ на начало планируемого периода (нормо-часы);

t_{ie}^j – трудоемкость производства j -го изделия по i -му виду работ на конец планируемого периода (нормо-часы).

Среднегодовая трудоемкость программа производства (T_j) j -го изделия определяется на основе следующих зависимостей:

$$T_j = \sum_{j=1}^n T_j^i.$$

Среднегодовая станкочасовая трудоемкость j -го изделия по i -му виду работ (C_{Tj}^i) определяется следующим образом:

$$C_{Tj}^i = \frac{t_j^i}{K_i^{\text{вып}}} \cdot K_i^{\text{мо}},$$

где $K_i^{\text{вып}}$ – коэффициент выполнения норм выработки по i -му виду работ (коэффициент);

$K_i^{\text{мо}}$ – коэффициент многостаночного обслуживания по i -му виду работ.

Среднегодовая станкочасовая трудоемкость программы производства j -го изделия по i -му виду работ ($C_{Tj}^{\text{пр } i}$) определяется на базе следующих зависимостей:

$$C_{Tj}^{\text{пр } i} = C_{Tj}^i \cdot n_j,$$

где n_j – годовая программа производства j -го изделия (штук).

Среднегодовая станкостоемость годовой производственной программы j -го изделия на планируемый период (C_j^{np}) определяется на базе следующих зависимостей:

$$C_{Tj}^{np} = \sum_{i=1}^n C_{Tj}^{np i}.$$

Расчет годового фонда времени работы станков i -го вида оборудования (работ) на начало планируемого года (Π_i) производится по следующей формуле:

$$\Pi_i = F_i^{год} \cdot O_i \cdot K_i^{см},$$

где $F_i^{год}$ – годовой фонд времени работы единицы i -й группы оборудования (станко-часы);

O_i – количество единиц i -й группы оборудования (штук);

$K_i^{см}$ – плановый коэффициент сменности работы i -й группы оборудования (коэфф.).

Годовой (эффективный) фонд времени работы i -й группы оборудования ($F_i^{год}$), в свою очередь, определяется следующим образом:

$$F_i^{год} = F_i^{реж} - F_i^п,$$

где $F_i^{реж}$ – режимный (номинальный) фонд времени работы единицы i -й группы оборудования (станко-часы);

$F_i^п$ – время на обслуживание единицы i -й группы оборудования (ремонт, наладка, переналадка и т.д.).

Режимный (номинальный) фонд времени работы единицы i -й группы ($F_i^{реж}$) оборудования определяется по следующей формуле:

$$F_i^{реж} = n \cdot c,$$

где n – количество рабочих дней в году (дн.);

c – продолжительность рабочего дня (ч).

В наибольшей степени отражает условия рыночной экономики, по нашему мнению, а также позволяет оперативно оценивать уровень использования активной части основных фондов любого варианта производственной программы выпуска изделий, коэффициент загрузки i -й группы оборудо-

вания (вида работ) ($K_i^{зар}$). Он определяется на основании следующих зависимостей:

$$K_i^{зар} = \frac{\sum_{j=1}^n C_{Tj}^{np}}{\Pi_i}.$$

Определение дополнительной потребности в станочном оборудовании для расшивки «узких мест» по i -й группе оборудования (D_i) производится по следующей формуле:

$$D_i = \frac{\sum_{j=1}^n (C_{Tj}^{np i} - \Pi_i)}{F_i^{год} \cdot K_i^{ем}}.$$

В случае, когда $D_i < 0$, то имеет место дефицит станочного парка по i -й группе оборудования. При $D_i > 0$ наблюдается излишнее (ненужное) оборудование i -й группы.

Новый парк технологического оборудования должен быть укомплектован производственными рабочими по каждой i -й профессии (виду работ, группе оборудования). Определение плановой численности рабочих станочников по i -й профессии (виду работ) ($\Psi_i^п$) для выполнения годовой программы производства изделий осуществляется по следующей формуле:

$$\Psi_i^п = \frac{D_i}{K_i^{мо}}.$$

Определение численности производственных рабочих i -й профессии, работающих в 1-ю смену (Ψ_i^1) производится по следующей формуле:

$$\Psi_i^1 = \frac{\Psi_i^п}{K_i^{см}}.$$

Оценка степени укомплектованности станочного парка i -й группы оборудования (вида работ) ($Q_i^{уком}$) производственными рабочими, с учетом сменности их работы, производится по формуле:

$$Q_i^{уком} = \left(\frac{\Psi_i^ф}{K_i^{см}} \cdot K_i^{мо} \right) - \Psi_i^п,$$

где $\Psi_i^ф$ – фактическая численность рабочих i -й профессии, работающих на i -й группе оборудования на начало планируемого года (человек);

$K_i^{см}$ – плановый коэффициент сменности рабочих i -й профессии (вида работ);

$K_i^{мо}$ – коэффициент многостаночного обслуживания i -й группы оборудования (вида работ).

В случае, когда $Q_i^{уком} < 0$, то план производства имеет дефицит численности производственных рабочих, которую необходимо увеличить на величину

$$\left[\chi_i^п - \left(\frac{\chi_i^ф}{K_i^{см}} \cdot K_i^{мо} \right) \right] \text{ человек.}$$

Расчет потребности в производственных площадях для установки нового парка i -й технологической группы оборудования (вида работ) (S_i) производится по следующей формуле:

$$S_i = \frac{\sum_{i=1}^n C_{Ti}^{пп}}{F_i^{год}} \cdot K^{см} \cdot S_i^н,$$

где $S_i^н$ – норматив производственной площади для i -о вида оборудования.

Обеспеченность производственными площадями ($S_i^{об}$) определяется следующим образом:

$$S_i^{об} = S_i - S_i^ф,$$

где $S_i^ф$ – фактическое наличие производственных площадей по i -му виду работ.

Требуемый на планируемую программу производства объем капитальных вложений (КВ) определяется по следующей формуле:

$$КВ = КВ^{об} + КВ^{тп} + КВ^s + КВ^{пп},$$

где $КВ^{об}$ – стоимость нового технологического оборудования;

$КВ^{тп}$ – стоимость проведения работ по совершенствованию технологических процессов;

$КВ^s$ – стоимость работ по вводу в действие дополнительных производственных площадей;

$КВ^{пп}$ – затраты на переобучение основных производственных рабочих.

Стоимость нового технологического оборудования ($КВ^{об}$) определяется по следующей формуле:

$$КВ^{об} = \sum_{i=1}^n [D_i \cdot (\chi_i^{ед} + C_i^{монт})].$$

Затраты на ввод дополнительных площадей ($КВ_i^s$) для i -й группы (вида) оборудования определяется по следующей формуле:

$$КВ_i^s = S_i^{доп} \cdot Z_i^{ВВ},$$

где $S_i^{доп}$ – дополнительная площадь для i -го вида оборудования ($м^2$);

$Z_i^{ВВ}$ – стоимость ввода 1 $м^2$ производственной площади по i -му виду работ.

В свою очередь, общая стоимость затрат на ввод дополнительных площадей по всем видам работ ($КВ^s$) определяется следующим образом:

$$КВ^s = \sum_{i=1}^n КВ_i^s.$$

Затраты на переподготовку производственных рабочих i -й профессии (вида работ) ($КВ_i^{пп}$) определяются на базе следующих зависимостей:

$$КВ_i^{пп} = \Delta \chi_i \cdot Z_i^{чел},$$

где $\Delta \chi_i$ – численность производственных рабочих i -й профессии (вида работ), требующих переподготовки (человек);

$Z_i^{чел}$ – средняя стоимость обучения одного производственного рабочего i -й профессии (вида работ) (тыс. руб.).

Общие затраты на переподготовку производственных рабочих по всем профессиям (видам работ) ($КВ^{пп}$) определяются по следующей формуле:

$$КВ^{пп} = \sum_{i=1}^n КВ_i^{пп}.$$

Расчет изменения объемов производства товарной продукции по предприятию за счет диверсификации – сокращения производственной программы выпуска j -го военного изделия и выпуска новой высокотехнологичной гражданской продукции – производится (ΔQ_j) по следующим формулам:

$$\Delta Q_j = Q_j^r - Q_j^o;$$

$$Q_j^o = \frac{C_j^o}{G_j^o} \cdot K_j^o;$$

$$Q_j^r = \frac{C_j^r}{G_j^r} \cdot K_j^r,$$

где Q_j^o – годовой объем сокращаемого производства j -го военного изделия на 1 нормо-час технологической трудоемкости (тыс. руб./нормо-час);

Q_j^r – годовой объем производства j -го гражданского изделия на 1 нормо-час технологической трудоемкости (тыс. руб./нормо-час);

C_j^o – цена j -го военного изделия (тыс. руб.);

G_j^o – технологическая трудоемкость изготовления j -го военного изделия (нормо-часов);

K_j^o – количество сокращаемых j -х военных изделий (штук);

C_j^r – цена одного j -го гражданского изделия (тыс. руб.);

G_j^r – технологическая трудоемкость изготовления j -го гражданского изделия (нормо-часов);

K_j^r – годовая программа выпуска j -го гражданского изделия (штук); j – номер изделия.

Оптимальным является значение $\Delta Q_j \geq 0$.

В свою очередь, оценка изменения массы прибыли от диверсификации производства предприятия за счет сокращения объемов выпуска j -го военного изделия и увеличения производства гражданской наукоемкой продукции на 1 нормо-час (ΔP_m) рассчитывается по следующим формулам:

$$\Delta P_j = P_j^r - P_j^o;$$

$$P_j^r = \frac{(C_j^r - C_j^o)}{G_j^r} \cdot K_j^r;$$

$$P_j^o = \frac{(C_j^o - C_j^r)}{G_j^o} \cdot K_j^o,$$

где P_j^r – прибыль от всего объема производства j -го гражданского изделия на 1 нормо-час технологической трудоемкости (тыс. руб./нормо-час);

P_j^o – прибыль от всего объема производства сокращаемого j -го военного изделия на 1 норм-час технологической трудоемкости (тыс. руб./нормо-час);

C_j^r – цена j -го гражданского изделия (штук/тыс. руб.);

C_j^o – себестоимость j -го гражданского изделия (тыс. руб.);

K_j^r – годовая программа выпуска j -го гражданского изделия (штук);

G_j^r – технологическая трудоемкость изготовления j -го гражданского изделия (нормо-час);

C_j^o – цена j -го военного изделия (тыс. руб.);

C_j^r – себестоимость j -го военного изделия (тыс. руб.);

K_j^o – количество сокращаемых j -х военных изделий (штук);

G_j^o – технологическая трудоемкость изготовления j -го военного изделия (нормо-час); j – номер изделия.

Оптимальным является значение $\Delta P_j \geq 0$.

Выводы

Основной целью проведения диверсификации предприятий и организаций ОПК является сохранение квалифицированных кадров специалистов и рабочих, обеспечение работающим в оборонке достойной заработной платы за счет замещения производства военной продукции высокотехнологичной гражданской. При этом желательно, чтобы новая продукция имела конструктивно-технологическую общность с сокращаемой военной, т.е. максимально-возможно соответствовала объемам и структуре технологической трудоемкости по основным переделам - видам работ.

Предложенный в работе инструментарий (принципы, методы оценки влияния диверсификации производства на показатели деятельности предприятий, определения потребности в ресурсах - капитальных вложениях, производственных площадях, рабочей силе и др.) может быть эффективно использован в практической деятельности хозяйствующими субъектами при разработке ими стратегий экономического и социального развития, а также планов производства продукции в натуральном и стоимостном выражении.

Список литературы

1. Силкина А. В., Ерыгина Л. В. Современное состояние и тенденции развития предприятий оборонно-промышленного комплекса // Сибирский журнал науки и технологий. 2017. Т. 18. №1. С. 243–249. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28990087>
2. Andrews K. R. The Concept of Corporate Strategy Homewood, Homewood University Press, 1971. 498 p.
3. Ансофф И. Стратегическое управление / пер. с англ.; под ред. Л. И. Евенко. М.: Экономика, 2014. 225 с.

4. *Ferguson J. M., Gort M.* Diversification and Integration in American Industry // *Southern Economic Journal*. 1963. Vol. 30, issue 1. DOI: <https://doi.org/10.2307/1055684>
5. *Berry C. H.* Corporate Growth and Diversification // *Journal of Law and Economics*. October, 1971. Vol 14, № 2. P. 371–383. DOI: <https://doi.org/10.1086/466714>
6. *Бауминг Э. В.* Исторические аспекты диверсификации производства // *Современные научные исследования и инновации*. 2012. № 2(10). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/02/6813> (дата обращения: 07.02.2019)
7. *Pitts R. A., Hopkins H. D.* Firm Diversity: Conceptualization and Measurement // *The Academy of Management Review*. 1982. Vol. 7, № 4. P. 620–629. URL: <https://www.jstor.org/stable/257229>
8. *Новицкий Е. Г.* Проблемы стратегического управления диверсифицированными корпорациями. М.: Буквица. 2001. 163 с.
9. *Hiroyuki Itami, Tadao Kagono, Hideki Yoshihara, Akimitsu Sakuma.* Diversification Strategies and Economic Performance // *Japanese Economic Studies*. 1982. Vol. 11, № 1. P. 78–106. DOI: <https://doi.org/10.2753/JES1097-203X110178>
10. *Mensch G. O.* Innovation Management in Diversified Corporations: Problems of Organization // *Organizing Industrial Development*. 1986. P. 213–230. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110860887.213>
11. *Klier D. O.* Diversification in Corporations. In: *Managing Diversified Portfolios. Contributions to Management Science*. Physica, Heidelberg, 2009. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-7908-2173-4_2
12. *Гладышевский В. Л., Горгола Е. В., Лысенко В. В., Митякова Е. Е.* Экономическое моделирование и эмпирический подход к решению проблемы оптимизации соотношения ресурсного обеспечения обороны страны и экономического роста // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Том 13. № 1(346). С. 59–76. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.1.59>
13. *Саломатин Н. А., Панфилова Е. Е.* Особенности развития управления интегрированными структурами промышленных организаций // *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. 2014. № 3. С. 59–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21367302>
14. *Соболев Л. Б.* Реструктуризация оборонно-промышленного комплекса // *Финансы и кредит*. 2016. № 47(719). С. 47–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27541406>
15. *Хрусталёв О. Е.* Методы интеграции оборонных и гражданских наукоемких производств // *Экономический анализ: теория и практика*. 2013. № 25. С. 14–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19124841>
16. *Батьковский А. М., Стяжкин А. Н., Хрусталева О. Е.* Инструментарий экспертной оценки импортной зависимости производства продукции // *Научный журнал КубГАУ*. 2017. № 133(09). С. 960–982. DOI: <https://doi.org/10.21515/1990-4665-133-072>
17. *Орлов П. А.* Диверсификация предприятий оборонно-промышленного комплекса // *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. 2017. № 1. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13287> (дата обращения: 07.02.2019).
18. *Пигунова М. В.* Организационно-методические аспекты оценки результативности процессов импортозамещения в сфере промышленности // *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2016. Т. 8. № 4(35). С. 85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26935346>
19. *Строков А. И.* Оптимальное сочетание производства оборонной и гражданской продукции // *Экономика и предпринимательства*. 2015. № 10–1(63). С. 830–833. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24399423>
20. *Шугаева М. А., Кузнецова М. А.* Экономические механизмы импортозамещения в Российской Федерации // *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление*. 2015. № 2(13). С. 32–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24214795>
21. *Imbs J. M., Wacziarg R. T.* Stages of Diversification // *Stanford GSB Working Paper*. 2000. № 1653. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.251948>
22. *Гребёнкин И. В.* Влияние уровня диверсификации на инновационную активность в обрабатывающей промышленности // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 600–611. DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-2-21>
23. *Ларионов А. О.* Диверсификация как приоритетное направление развития промышленности региона // *Проблемы развития территории*. 2014. № 3(71). С. 34–43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21600774>

Об авторах:

Мишин Юрий Владимирович, профессор кафедры математических методов в экономике и управлении, Государственный университет управления (ГУУ) (109542, Москва, Рязанский проспект, дом 99), доктор экономических наук, профессор, myv1@rambler.ru

Костерев Николай Борисович, заместитель генерального директора по научной деятельности, Научно-исследовательский институт экономики авиастроительной промышленности (111024, Москва, Перовский проезд, дом 2 строение 2), info@niiear.com

Сухарев Валерий Борисович, начальник отделения, Научно-исследовательский институт экономики авиастроительной промышленности (111024, Москва, Перовский проезд, дом 2 строение 2), suharev@niiear.com

Мишин Александр Юрьевич, доцент кафедры бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский проспект, дом 49), AYUMishin@fa.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Silkina A. V., Erygina L. V. Current status and trends of defense industry enterprises. *Siberian Journal of Science and Technology*. 2017; 8(1):243–249 (in Russ.)
2. Andrews K. R. The Concept of Corporate Strategy Homewood, Homewood University Press, 1971. 498 p. (in Eng.)
3. Ansoff I. Strategic management. N.Y.: Halsted Press Publ., 1979. 236 p. (Russ. ed.: Ansoff, I. Strategicheskoe upravlenie. Moscow: Ekonomika Publ., 2014. 225 p.)
4. Ferguson J. M., Gort M. Diversification and Integration in American Industry. *Southern Economic Journal*. 1963; 30(1). DOI: <https://doi.org/10.2307/1055684> (in Eng.)
5. Berry C. H. Corporate Growth and Diversification. *Journal of Law and Economics*. October, 1971; 14(2):371–383. DOI: <https://doi.org/10.1086/466714> (in Eng.)
6. Baumung E. V. Historical aspects of production diversification. *Modern scientific researches and innovations*. 2012; (2(10)) (in Russ.)
7. Pitts R.A., Hopkins H.D. Firm Diversity: Conceptualization and Measurement. *The Academy of Management Review*. 1982; 7(4):620–629. URL: <https://www.jstor.org/stable/257229> (in Eng.)
8. Novitsky E. G. Problems of strategic management of diversified corporations. Moscow: Bukvitsa, 2001, 163 p. (in Russ.)
9. Hiroyuki Itami, Tadao Kagono, Hideki Yoshihara & Akimitsu Sakuma. Diversification Strategies and Economic Performance. *Japanese Economic Studies*. 1982; 11(1):78–106. DOI: <https://doi.org/10.2753/JES1097-203X110178> (in Eng.)
10. Mensch G.O. Innovation Management in Diversified Corporations: Problems of Organization. *Organizing Industrial Development*. 1986; pp. 213–230. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110860887.213> (in Eng.)
11. Klier D. O. Diversification in Corporations. In: Managing Diversified Portfolios. Contributions to Management Science. Physica, Heidelberg, 2009. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-7908-2173-4_2 (in Eng.)
12. Gladyshevskii V. L., Gorgola E. V., Lysenko V. V., Mityakova E. E. Economic modeling and empirical approach to address the issues of optimizing a correlation of available resources for national defense and economic growth. *National Interests: Priorities and Security*. 2017; 13(1):59–76. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.1.59> (in Russ.)
13. Salomatin N. N., Panfilova E. E. Peculiarities in management development of integrated structures in industrial organizations. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya) = University Bulletin (State University of Management)*. 2014; (3):59–60 (in Russ.)
14. Sobolev L. B. The military-industrial complex restructuring. *Finance and Credit*. 2016; (47):47–62 (in Russ.)
15. Khrustalev O. E. Methods of integration of defense and civilian high-tech industries. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2013; 12(25):14–22 (In Russ.)
16. Batkovskiy A. M., Styazhkin A. N., Khrustalev O. E. Tools for expert evaluation of the import dependency of production. *Scientific Journal of KubSAU*. 2017; 133(09):960–982. DOI: <https://doi.org/10.21515/1990-4665-133-072> (in Russ.)
17. Orlov P. A. Diversification of the enterprises of the military-industrial complex. *Economics and innovations management*. 2017; (1) (in Russ.)
18. Pigunova M. V. Organizational and methodical aspects of an assessment of productivity of processes of import substitution in the industry sphere. *Naukovedenie = The Eurasian Scientific Journal*. 2016; 8(4(35)):85 (in Russ.)
19. Stokov A. I. The optimum combination of the production of actual defense and civil products.

- Economy and entrepreneurship*. 2015; (10–1(63)):830–833 (In Russ.)
20. Shugaeva M. A., Kuznetsova A. I. Economic mechanisms of import substitution in the Russian Federation. *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2015; (2(13)):32–35 (in Russ.)
 21. Imbs J. M., Wacziarg R. T. Stages of Diversification. *Stanford GSB Working Paper*. 2000; (1653). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.251948> (in Eng.)
 22. Grebenkin I.V. The Influence of Diversification on Innovative Activity in Regional Manufacturing Industry. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2018; 14(2):600–611. DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-2-21> (in Russ.)
 23. Larionov A.O. Diversification as a priority direction of region's industry development. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2014; 3(71):34–43 (in Russ.)

About the authors:

Yurii V. Mishin, Professor State University of Management (99, Ryazansky avenue, Moscow, 109542), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, myv1@rambler.ru

Nikolay B. Kosterev, employee ZAO «NII Ekonomiki» (2, building 2, Perovskiy pass., Moscow, 111024), Moscow, Russian Federation, info@niieap.com

Valerij B. Sukharev, employee ZAO «NII Ekonomiki» (2, building 2, Perovskiy pass., Moscow, 111024), Moscow, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, suharev@niieap.com

Aleksandr Yu. Mishin, Assistant Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, AYUMishin@fa.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338.12
JEL: L5, O14, O30, O32

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.54-65

Трансформация инновационных процессов и социокультурной специфики Южной Кореи в рамках четвертой индустриальной революции

Татьяна Васильевна Поспелова¹, Анастасия Борисовна Ярыгина²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

E-mail: tatiana7pospelova@gmail.com

² Компания «Хёндэ Мотор Кампани», Южная Корея, Сеул
Южная Корея, Сеул, Сочо гу, Янгже донг, 12 Холлинг ро.

E-mail: yar.anastasia@gmail.com

Поступила в редакцию: 06.06.2018; одобрена: 11.02.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: Основная цель статьи состоит в исследовании особенностей инновационного развития Южной Кореи. Для достижения поставленной цели авторами были исследованы основные принципы и этапы инновационного развития государства, выявлены и проанализированы сильные стороны, способствовавшие «экономическому чуду» Южной Кореи, а также поднят вопрос культурных и организационных барьеров, сдерживающих темп трансформации экономики в рамках четвертой индустриальной революции.

Методология проведения работы: В представленной статье использована совокупность методов системного, структурного и качественного анализа. Представленное исследование проведено на основе изучения и обобщения теоретического материала и практического опыта, накопленного в ходе многолетней работы одного из авторов исследования в корейской корпорации. Для проведения исследования использовались статистические данные, статьи в российских и иностранных изданиях, а также результаты эмпирического анализа.

Результаты работы: Проведен анализ характерных особенностей динамики инновационного развития Южной Кореи, что позволило сформулировать тезис о существующих пережитках, тормозящих прогресс в рамках новой парадигмы. Проанализированы проблемы, сдерживающие трансформацию промышленной экономики Южной Кореи.

Выводы: Материалы, приведенные в статье, показывают, что в современных условиях переход Южной Кореи к четвертой индустриальной революции осложнен спецификой факторов, обусловивших успех инновационного прогресса в предыдущие периоды. Результаты исследования, изложенные в статье, важны для изучения шагов, необходимых для трансформации бизнес-процессов и корпоративной культуры в целях дальнейшего инновационного развития, а также учета социокультурной специфики страны при разработке инновационной политики. Изученный опыт возможно использовать при формировании экономики, основанной на знаниях, и в России. Практическое применение метода открытых инноваций позволяет совершенствовать переход в эпоху четвертой индустриальной революции применительно к иерархичным монокультурным структурам с учетом актуальных экономических и социальных тенденций.

Ключевые слова: четвертая индустриальная революция, экономическое чудо, Тройная спираль, Южная Корея, индустриальная экономика, инновации

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поспелова Т. В., Ярыгина А. Б. Трансформация инновационных процессов и социокультурной специфики Южной Кореи в рамках четвертой индустриальной революции // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 54–65

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.54-65>

© Поспелова Т. В., Ярыгина А. Б., 2019

Transformation of Innovation Processes and Socio-Cultural Specificity of South Korea in the framework of the Fourth Industrial Revolution

Tatiana V. Pospelova¹, Anastasia B. Yarygina²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

1, Leninskie gory, Moscow, 119991

E-mail: tatiana7pospelova@gmail.com

² Hyundai Motor Company, South Korea, Seoul

South Korea, Seoul, Seocho gu, Yangjae doing, 12 Heolleung – ro

E-mail: yar.anastasia@gmail.com

Submitted 06.06.2018; revised 11.02.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: the main purpose of this article is to explore the specific characteristics of the innovation development of South Korea. To achieve this goal the following tasks must be solved in the article: research the main principles and steps in the development of South Korea; identify and analyze the successful factors of the South Korean «economic miracle» that will continue contributing to the development and growth of the country; describe the cultural and organizational factors limiting the speed of transformation of South Korea under the fourth industrial revolution.

Methods: the main methods of the research are system, structural and qualitative analyses. For the study, statistical data and articles in Russian and foreign scientific and analytical publications were used. The article is contributed with the empirical findings from the case study conducted during direct involvement of the authors in one of the industrial companies of South Korea.

Results: an in-depth analyses of the transformation periods during the innovation development of South Korea was carried out, which made it possible to formulate the conclusion about existing barriers originated in the organisational approaches used to achieve the former industrial success. The problems constraining the new paradigm shift are analyzed.

Conclusions and Relevance: the materials stated in the article show that in modern conditions, transition of South Korea towards Industry 4.0 is constrained by several unique factors, that used to be the key success elements in the former stages of the innovation development of the country. The research conducted in this article represents the value to the activities of various organizations interested in the innovation development, especially for development of innovation policies from the aspect of the importance of organisational and cultural behavior at a national level. Practical application of the suggested conclusions allows hierarchical and monocultural organisations to transition to the Industry 4.0 with the consideration of important economic and social dynamics.

Keywords: Industry 4.0, economic miracle, Triple Helix, South Korea, industrial economy, innovation

Conflict of Interes. The authors state that there is no conflict of interest.

For citation: Pospelova T. V., Yarygina A. B. Transformation of Innovation Processes and Socio-Cultural Specificity of South Korea in the framework of the Fourth Industrial Revolution. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):54–65. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.54-65>

Введение

В условиях глобальных вызовов XXI века, связанных с острой проблемой обеспечения энергетической безопасности, истощением мировой ресурсно-сырьевой базы, растущей с каждым днем социальной напряженности и угрозой дестабилизации мирового порядка, Южная Корея прочно закрепила за собой статус страны с высоким инновационным потенциалом. По рейтингам консалтинговой компании Juniper Research и корпорации Intel, город Сеул входит в топ-10 «умных» городов (smart city)

мира. Прогресс одного из «азиатских тигров» удивителен, особенно если учесть, что в 1962 году уровень дохода на душу населения в Южной Корее был сопоставим с Южной Африкой, а сегодня темпы развития экономики этой восточной страны аналогичны США.

Индустриальная революция и активное инвестирование в телекоммуникационные системы позволили Южной Корее стать второй после Соединенных Штатов Америки страной в мире в области передовых инновационных технологий. Более того,

страна завоевала около 50% мирового рынка (потребителей) кораблестроительной продукции¹, является крупнейшим производителем электроники (Samsung)², а также пятым в мире государством по производству автомобилей (Hyundai)³.

Опыт социально-экономического развития Южной Кореи имеет как национальные особенности, так и общие черты, заслуживающие изучения и применения в мировой практике. В статье представлен анализ инновационной системы социально-экономического развития Южной Кореи с акцентом не только на исторические аспекты, способствовавшие значительному экономическому прогрессу страны, но и на существующие трудности и пути их преодоления в современных конкурентных условиях удержания и продвижения национальных позиций на внутреннем и внешних рынках.

Обзоры литературы и источников. Южная Корея – монокультурное, конфуцианское государство с сильно выраженной иерархичной групповой социальной системой. Ряд исследователей считает конфуцианскую этику причиной способности граждан к самопожертвованию, прилежанию и уважению установленной системы иерархии, отсутствию мотивации к нарушению правил в индивидуальных прагматических целях. Эти условия социального поведения во многом способствовали успешному взаимодействию государственной системы с рынком. Государство активно принимало участие, не только определяя прямые задачи, но и косвенно координируя и направляя развитие частного сектора. Так, ученые сходятся во мнении, что ключевым фактором успеха Южной Кореи, выделяющим ее среди других быстро развивающихся стран, стал эффективный менеджмент и высокое качество рабочей силы, характеризующейся как уровнем образования, так и умением следовать заданному курсу.

Успех компаний складывается за счет культуры, поведения, мышления и эмоционального состояния отдельных субъектов – сотрудников организации. Соответственно, плановое развитие государственной экономики успешно работало в рамках первых трех индустриальных революций благодаря сложившейся системе поведения и внутренней культуре организаций. Это сыграло значительную роль в стремительном становлении Южной Кореи. Однако с приходом четвертой индустриальной революции

некоторые исследователи, в частности, Р. Моррар, Х. Арман, С. Муса [1], Р. Луппичини Luppichini [2], Э. Бриньолфсон и Э. Макафи [3] стали считать, что необходимы новые социальные и культурные факторы для дальнейшего развития экономики.

В работах Р. Гейгера и С. Са [4] выдвинут тезис о том, что четвертая индустриальная революция («Индустрия 4.0») напрямую связана с инновациями, индивидуальной креативностью, умными технологиями и защитой прав отдельной интеллектуальной собственности. Работы Э. Бриньолфсон и Э. Макафи, С.С. Тайлера и Х. Хансена [5], Д. Бура [6] подтверждают необходимость признания равнозначности вклада в развитие инноваций как на системном уровне, так и со стороны отдельных субъектов общества. В век экономики, основанной на знаниях, и цифровой революции, поведение и креативность мышления отдельных индивидов в организации – необходимые условия создания новых технологических возможностей, разработки альтернативных бизнес-моделей и решений. Данный тезис находит отклик в проблеме, поставленной перед Южной Кореей в контексте четвертой индустриальной революции, которая получила свое название в 2011 году в Германии и развивается в Европе как совокупность концепций умных систем, умных производств, цифровой экономики [7].

Четвертая индустриальная революция идет не только путем технологического прогресса – в ее пределах совершаются и фундаментальные социокультурные преобразования. Южной Корее предстоит найти способ запуска успешного взаимодействия трех элементов: государства, бизнеса и университетов – для развития источника и стимула индивидуальных творческих идей. Эта задача определена в современной концепции «Тройной спирали», предложенной в начале XXI века профессором университета Ньюкасла Г. Ицковицем (Henry Etzkowitz) и профессором амстердамского университета Л. Лейдесдорфом (Loet Leydesdorff) для успешного претворения в жизнь инновационных планов модернизации экономики государств.

Необходимо отметить, что вопросы трансформации инновационного курса как на национальном, так и на индустриальном уровне с учетом отдельных социокультурных и исторических факторов недостаточно освещены. Это, несомненно, привлекает исследователей к указанной области не

¹ Гонка судостроительной промышленности Южной Кореи // Морской бюллетень. 11 января 2012. URL: <http://www.odin.tc/news/read.asp?articleID=435>

² Крупнейшие технологические компании мира // Forbes. 6 Июня 2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/kristinstoller/2018/06/06/worlds-largest-tech-companies-2018-global-2000/#60f2fcad4de6>

³ Топ-10 крупнейших автопроизводителей в мире // Cardigram.. 8 июня 2018. URL: <https://cardigram.com.ua/top-10-krupneyshih-avtoproizvoditeley-v-mire-7792.html>

только с позиции научного теоретико-методологического анализа, но и прикладных аспектов, применимых в управленческой деятельности отдельных секторов экономики.

Информация, полученная в ходе подготовки статьи, проанализирована и структурирована с целью разработки рекомендаций с учетом социально-культурного контекста по трансформации корпораций в рамках смены инновационной парадигмы при четвертой индустриальной революции.

Материалы и методы. Статья основана на концепции Тройной Спирали, в рамках которой успех инновационного развития экономики обусловлен взаимодействием университета, науки и бизнеса, применительно к специфике Южной Кореи. Для проведения исследования использовались статистические данные, статьи в российских и иностранных изданиях, а также результаты эмпирического анализа.

В процессе разработки статьи авторы использовали следующие методы: системно-структурный, методы качественного анализа, экономический, социологический, исторический и иные методы комплексного научного исследования. Представленное исследование проведено на основе изучения и обобщения теоретического материала и практического опыта, накопленного в ходе многолетней работы одного из авторов исследования в корейской корпорации.

Анализ основывался на применении комплексного подхода к изучению социальных и исторических явлений, а также экономических процессов, подверженных изменениям, которые происходят в контексте внутренних факторов в быстро развивающемся государстве Южной Кореи. Такой авторский подход обоснован прежде всего тем, что современная социальная ситуация в Южной Корее характеризуется повышенной динамикой и усложнением общественной жизни, противоречащим закреплённым устоям, в свою очередь сыгравшим ключевую роль в развитии Кореи, а это предъявляет повышенные требования к пониманию комплексности и многоаспектности характера развития Южной Кореи.

Результаты исследования

Историческая ретроспектива научно-технологического развития Южной Кореи

После разделения единого Корейского государства на две независимые страны с противоположными идеологиями Южная Корея оказалась практически без собственных природных ресурсов, причем в состоянии экономической неста-

бильности [8, 9]. В этой ситуации в полной мере проявились лучшие черты корейского народа: настойчивость, трудолюбие, терпение и самопожертвование [10].

Руководство страны решило компенсировать недостаток природных ресурсов развитием человеческого капитала: ставку сделали на способность населения усердно трудиться⁴ [11, 12]. Эта стратегия дала положительные результаты: сегодня Южная Корея не только одна из наиболее экономически развитых стран, но и государство с самым высоким уровнем грамотности и профессионализма населения среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) [13]. Такой результат достигнут за счет интенсивного инвестирования в системы образования, науки и инновационных технологий [14, 15].

Во время юбилейной XV конференции, посвященной 4-й промышленной революции, состоявшейся в 2017 году в Южной Корее, ее организаторы и участники аргументированно доказали, что выдающиеся экономические успехи страны во многом достигнуты благодаря воплощению в жизнь концепции «Тройной спирали» [16], в основе которой лежит тезис о тесном взаимодействии науки (университетов), государственного управления и бизнеса. В Южной Корее инициаторами этой инновационной системы выступили чеболи – крупные корпорации, контролирующие большую часть бизнеса в стране. В результате их успешного развития страна в короткие сроки превратилась в процветающее индустриальное экспортно-ориентированное государство. Чеболи представляют собой группу формально самостоятельных фирм, находящихся в частной собственности и под единым административным и финансовым контролем [17]. Так, Samsung владеет компаниями, представленными в пищевой индустрии, инфраструктурном бизнесе, кораблестроении, страховании, туризме, рекламной деятельности, секторе финансовых инструментов и др., поэтому Южную Корею часто называют Республикой Samsung [18]. Чеболи, как правило, принадлежат богатым семьям и контролируют разные отрасли [19].

В связи с исторически сложившейся необходимостью следовать стратегии «последователя» государство выстроило систему взаимодействия науки и индустрии таким образом, чтобы достичь высоких результатов в сжатые сроки. Большинство компаний, находясь в неконкурентном положении из-за низкого уровня исследований и разработок, остро нуждалось в проведении фундаментальных научных исследований. На первых этапах (с 60-х

⁴ Организация экономического сотрудничества и развития. ОЭСР. URL: <http://oecd.org>

по 90-е годы [20, 21]) государство формировало политику стимулирования фундаментальных научных исследований и разработок таким образом, чтобы максимизировать синергию науки и бизнеса: университеты, научно-исследовательские центры и вся система образования в целом были сфокусированы на решении четко поставленных задач и подготовке специалистов, нужных для че-болей [22]. Подобное сотрудничество и послужи-ло причиной стремительного формирования многих инновационных отраслей внутри одного конгломерата.

Любопытно, что среди шести стремительно развивающихся азиатских стран (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Индия, Китай), Южная Корея наиболее успешно и быстро перешла от тяжелой и химической промышленности к «экономике знаний и технологий» [23]. Однако, несмотря на такой значительный индустриальный и экономический прорыв, специфику южнокорейской «Тройной спирали» упрекали за то, что научно-техническая деятельность оказывала не столь существенное влияние на академические успехи страны на международной арене. Критика способствовала второму витку развития южнокорейской модели научно-технического прогресса (табл. 1). Теперь государство сочло приоритетом развитие национальной научно-исследователь-

ской школы для поднятия своих международных рейтингов с помощью участия в международных научных исследованиях и публикации их результатов [24, 25]. Сегодня ученые и специалисты страны активно обсуждают необходимость принятия государственных мер по гармонизации механизмов модели «Тройной спирали» [26], чтобы снизить зависимость оценки научно-исследовательских успехов от количественных параметров. Кроме того, нужно усилить роль организационной гибкости научно-технических структур и повысить мотивацию для возобновления научно-исследовательского партнерства университетов и компаний.

Основные принципы инновационной политики Кореи

Одним из главных принципов инновационной политики Южной Кореи, начатой в 1990 году, явилось стратегическое пятилетнее планирование, которое принесло высокие результаты: рост числа патентов и публикаций, а также экспорта инновационных технологий [27]. Такие достижения позволили стране стать лидером в области модернизации национальной экономики на основе инновационных технологий. Сегодня среди государств OECD Южная Корея инвестирует наибольшее количество средств в НИОКР – 4,23% от ВВП (данные за 2015 год) [28], следуя за Израилем⁵ (рис. 1, рис. 2).

Таблица 1

Три этапа инновационного развития Южной Кореи

Table 1

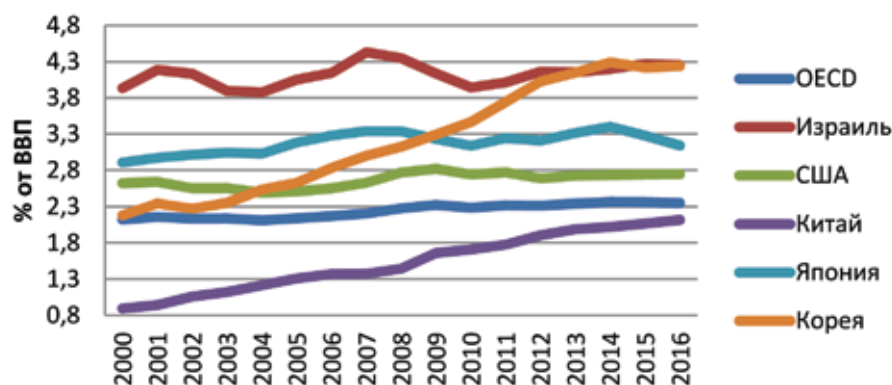
Three main steps of the innovation development of South Korea

Период	Становление экономики (1960–1990 гг.)	Развитие национального престижа, академический рост (1990–2010 гг.)	Сохранение лидерства в рамках смены парадигм (индустриальная революция 4.0)
Фокус	Развитие индустрии. Подготовка специалистов под нужды индустрии	Стимулирование научно-исследовательской школы для поднятия репутации	Инновационное развитие
Результат (цель)	Формирование экономического потенциала страны путем индустриализации и развития тяжелой промышленности	Рост числа патентов и публикаций	Развитие малого инновационного бизнеса, экспорт научно-технологических результатов исследований, трансформация промышленной индустрии
Фактор перехода	Недостаток академического прогресса		Переизбыток индустриальной составляющей, необходимость создания и развития креативной экономики

Источник: составлено авторами по материалам: Кван С. Ким Корейское чудо (1962–1980): мифы и реальность в стратегиях и развитии. Институт международных исследований Хелен Келлог, Университет Нотр-Дам, 1991; Ванг И.Ж. Роль правительства в экономическом развитии: опыт Кореи // Обзор развития Азии, январь, 1987. С. 71–88; Хо В.К. Заинтересованное ожидание и предложение научной политики в эпоху 4-й Промышленной революции // Ханкере. 16 февраля 2017. URL: <http://scienceon.hani.co.kr/492336>

Source: developed by the authors based: Kwan S. Kim. *The Korean Miracle (1962–1980) Revisited: Myths and Realities in Strategies and Development*. Helen Kellogg Institute for International Studies, University of Notre Dame, 1991; Whang I.J. *The Role of Government in Economic Development: The Korean Experience*, *Asian Development Review*, January, 1987. pp. 71–88; Ho, W. K. (2017, February 16). *Concerned anticipation of and suggestion for science policy in the era of the 4th industrial revolution*. *Science On by the Hankyoreh Newspaper*, URL: <http://scienceon.hani.co.kr/492336>

⁵ Отчет о ВВП и экономических показателях Южной Кореи в 2017 году // Глобальные новости и корпоративные финансы, 9 января 2015 г. URL: <https://www.gfmag.com/global-data/country-data/south-korea-gdp-country-report>

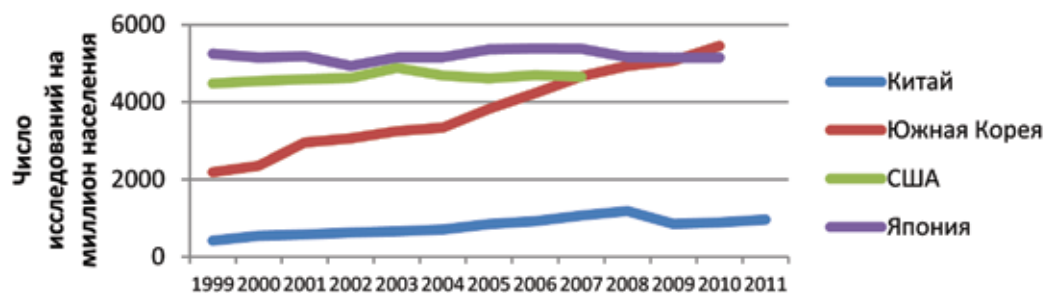

Источник: OECD. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>

Рис. 1. Доля расхода на R&D от ВВП, 2000–2016

Source: OECD. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>

Fig. 1. Gross domestic spending on R&D, 2000–2016

Источник: World Bank Data [28].

Рис. 2. Число R&D исследований в Южной Корее по сравнению с другими странами, 2000–2010

Source: World Bank Data [28].

Fig. 2. Number of R&D studies of South Korean in comparison to other countries, 2000–2010

Промышленный сектор Южной Кореи лидирует по росту заявок на патенты, составляющих порядка 40% от мирового уровня патентования в области электроники и коммуникационных технологий [29].

Треть инвестиций в НИОКР осуществляется корпорациями, 90% из которых направляется на производственную деятельность для увеличения конкурентоспособности ее продукции на внутреннем и внешних рынках⁶. Важно, что стимулом для вложения инвестиций в НИОКР являются низкие налоговые ставки и послабления при кредитовании, и это позволяет корпорациям разрабатывать

дорогостоящие научно-исследовательские проекты⁷. Мировое лидерство Южной Кореи в области электроники (Samsung и LG) во многом обязано государственным инвестициям в инфраструктуру информационных технологий⁸.

Южная Корея вошла в число стран-лидеров по объему экспорта высокотехнологичной продукции, занимая четвертое место после США, Китая и Германии.

Однако традиционно практикуемая стратегия развития экономики Южной Кореи все чаще подвергается критике за отсутствие механизмов раз-

⁶ <https://www.reuters.com/article/us-southkorea-economy-tax/south-korea-to-expand-tax-benefits-for-rd-spending-to-drive-new-growth-idUSKCN1080FI>

⁷ <https://www.oecd.org/sti/RDTax%20Country%20Profiles%20-%20KOR.pdf>

⁸ Юнг С. Ю. Конгломераты оставляют «творческий» след в инновационных центрах // Деловая Корея. 17 марта 2017. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/english/news/insight/17556-fading-history-conglomerates-remove-%E2%80%98creative%E2%80%99-trace-creative-economy-innovation>

вития инновационной экономики. Текущая индустриальная модель не фокусируется на развитии фундаментальных исследований и креативных компонентов в организаций корпоративной культуры, которые могли бы способствовать развитию инновационного технологического преимущества в долгосрочном периоде [30].

Южная Корея занимает лидирующие позиции по инновационности, но в области экспорта наукоемких технологий находится лишь на 11-м месте, что, в частности, обусловлено тем, что государство узкоспециализированно в нескольких промышленных областях. Кроме того, сфера малого и среднего бизнеса в Южной Корее сформирована менее, чем в остальных странах OECD. Она представлена лишь в секторе услуг, составляющем 53% от общего объема производства промышленного сектора, в то время как среднее значение этого показателя среди стран OECD – 87%⁹.

В свою очередь, отставание экспорта наукоемких технологий служит одним из барьеров для успешного перехода к четвертой промышленной революции¹⁰, в рамках которой особое значение получил фактор индивидуального человеческого знания и навыка как ключевое условие развития умных экономик. Создание креативных платформ, куда вошли эксперты таких дисциплин, как экономика, социология, инжиниринг, экология, урбанизм и т.д., способные взаимодействовать, чтобы совместно искать новые творческие решения – основа дальнейшего экономического развития и отдельных индустрий, и стран.

Проблемы поддержания статуса «инновационного чуда» Южной Кореи

Принцип, по которому выбираются стратегические инновационные технологии Южной Кореи, учитывает множество факторов, в том числе заимствованных из научно-технологической политики США. В его основе лежит прогрессивный опыт «быстрого последователя» (fast-follower) и адаптации направлений развития науки и технологий США и стран Европы. С одной стороны, Южную Корею активно критикуют за подобную бенчмаркетинговую стратегию, поскольку не ведется независимый поиск и разработка научных и технологичных решений [31]. С другой, скорость и специфика заим-

ствования прогрессивных идей из мирового опыта позволяют корейским компаниям в короткие сроки достигать конкурентного преимущества.

Южная Корея успешно поддерживает имидж передовой страны, делая огромные вложения в науку, продолжая уделять внимание образованию и пропагандировать ценность усердного труда. Всемирный экономический форум признал Южную Корею лидером среди 144-х стран по интенсивности университетского образования¹¹. По результатам тестирований, проводимых OECD, в которых принимали участие студенты из 34-х стран, ребята из Южной Кореи в возрасте 15-ти лет занимают ведущие места в рейтингах по математике, естественным наукам и литературе¹². Однако южнокорейская система образования также подвергается критике¹³ за отсутствие креативных и творческих начал в обучении, так как ориентирована на подготовку студентов непосредственно к труду в области прикладных задач, с которыми они будут работать, ограничивая при этом возможность формирования навыков независимого мышления, что так необходимо при разработке инновационных технологий [32].

Для понимания важности обозначенных в этом исследовании факторов, сдерживающих инновационное развитие страны, необходимо помнить о роли творческого фактора в развитии четвертой индустриальной революции. Она представляет собой смену парадигмы, где ключевой задачей является трансформация внутренних процессов работы организаций. Успешными окажутся те, которые достигнут технологического преимущества за счет человеческого капитала как источника инновационных идей. Механизмы создания стоимости, инновационная динамика организаций зависят не только от логических и рациональных компонентов, но и в равной мере от эмоциональных, творческих составляющих. В этом аспекте особое значение играют мотивация, любопытство и воображение на индивидуальном уровне как источники новых технологических решений, что, в свою очередь, обеспечит новые бизнес-процессы, продукты и услуги для компаний.

Анализ и понимание фундаментальных элементов, формирующих конкурентное преимущество Южной Кореи в предыдущие периоды, позволяют за-

⁹ https://www.oecd-ilibrary.org/economics/boosting-productivity-in-korea-s-service-sector_226625875038

¹⁰ Хо В.К. Заинтересованное ожидание и предложение научной политики в эпоху 4-й Промышленной революции // Ханкере. 16 февраля 2017.

¹¹ https://www.oecd-ilibrary.org/economics/digitalisation-an-enabling-force-for-the-next-production-revolution-in-korea_9789264285545-en

¹² <http://www.oecd.org/korea/pisa-2015-korea.htm>

¹³ <https://journals.openedition.org/ries/3897>

ключить, что дальнейшей эволюции Южной Кореи будут препятствовать факторы в основе модели социального мышления, поведения и общественной культуры, которые когда-то способствовали индустриальному рывку:

- строгая вертикальная иерархия государства и общества [33];
- иерархичность взаимоотношений между людьми, исторически берущая свое начало из конфуцианства и доминирующая сегодня в обществе [34];
- пробелы в системе образования, где образовательный процесс не способствует формированию критического мышления [35];
- отсутствие предпринимательского духа: движение страны вперед быстрыми темпами с преимущественным влиянием корпораций способствовало формированию их имиджа как источника благосостояния и стабильности, в то время как малый или индивидуальный бизнес не были в приоритете государственной политики, не воспринимались обществом как источник роста и благосостояния и, как следствие, не развивались [36];
- неравномерный доступ к информации, который зависит от возраста, должности, количества отработанных лет, производственной и личной дисциплины и возможности участвовать в процессе принятия решений [37].

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что инновационное развитие Южной Кореи может замедлить темп из-за традиционности общественных ценностей страны, столь важных на индивидуальном уровне, но мешающих инновационному совершенствованию науки, поскольку они порой препятствуют эффективному ведению бизнеса. Внутри корпораций все сильнее ощущается разрыв между поколениями. Руководящие позиции в них, как и в государстве, занимают люди с передовым мышлением, получившие образование за границей, в отличие от среднего звена, не успевающего перестраиваться в соответствии с современными методами ведения бизнеса, а потому часто являющегося барьером в принятии прогрессивных решений. Это так называемое поколение X, выросшее на традиционной иерархичной системе ценностей, столь успешной в период индустриального развития корпораций и коммерческого успеха на мировой арене. Современные поколения Y и Z живут в период четвертой промышленной революции, ценящей индивидуальность, скорость, возможность каждого внести вклад в генерацию идеи, независимо от ранга и статуса. Молодые люди настроены на поиск баланса между работой и социальной жизнью. Они не готовы трудиться только во имя индустриализации страны и завоевания ею лидерских позиций и хотят пользоваться результатами прогресса в настоящем.

На данный момент проблема развития креативной экономики в Южной Корее обсуждается на государственном уровне. Начались первые шаги в направлении смены парадигмы традиционной корпоративной культуры для стимулирования производительности, креативности, эффективности и мотивации молодого поколения, а также попытки обучения старшего поколения менеджмента. Вводятся обязательные к выполнению требования по сокращению рабочих часов и уважению к личному времени сотрудников во вне рабочее время. Наблюдаются изменения в культурной интеграции в виде найма иностранных сотрудников. Корейские корпорации начинают активно сотрудничать с западными стартапами, а также пытаются развивать технологические стартапы внутри компаний. Однако потребуется время прежде чем эффективные механизмы западной корпоративной культуры приживутся в рамках традиционных корейских конгломератов и начнут приносить плоды. Подобные перемены должны сопутствовать и системе образования, в плане развития навыков критического мышления. Для развития технологического предпринимательства необходимо будет также перезапустить модель взаимодействия науки и бизнеса в целях стимулирования развития технологического предпринимательства на университетском уровне и развития предпринимательских навыков у молодого поколения.

Выводы

Государство Южная Корея закрепило за собой титул «экономического чуда» на фоне других азиатских «тигров». Ряд ученых России рассматривает пример Южной Кореи в рамках заимствования лучшего опыта по трансформации экономики в быстрые сроки. Страна с населением 51 млн человек, территория которой в 171 раз меньше, чем площадь Российской Федерации, смогла в короткие сроки занять лидирующие позиции в мире в самых высокотехнологичных отраслях (морские суда, электроника, легковые автомобили и т.д.). Во многом это связано с развитым механизмом заимствования, что предоставляет ценность, но, в то же время, необходимо наличие собственных фундаментальных разработок, обеспечивающих индустриальный рывок. Экономика Южной Кореи построена на жесткой иерархичной культуре, способствующей слаженному механизму функционирования чеболей, и берет свои истоки в культуре и истории развития корейского общества.

Стратегия инновационного развития Южной Кореи, выработанная в 1990-е годы, достигла положительных результатов, однако в последние годы наблюдается замедление ее темпов. С развитием четвертой индустриальной революции традиционно высокие барьеры входа в бизнес индустри-

альных корпораций оказались подорваны. Наработанные навыки, исследования и разработки не могут обеспечить прежнего дохода в рамках традиционных бизнес-моделей. Перед южнокорейскими конгломератами встает задача развития новых навыков принятия решений в отраслях и рынках, незнакомых корпоративным экспертам, кроме того, с развитием высокотехнологичного предпринимательства в мире изменились и методы ведения бизнеса, столь отличные от традиционной для Кореи вертикальной модели принятия решений с жесткой социальной иерархией. Для дальнейшей эволюции необходимы культурные изменения в моделях мышления и поведения, от которых, в свою очередь, будет зависеть и долгосрочное будущее экспорт-ориентированной Южной Кореи.

В последние годы Южная Корея достигла значительных успехов по развитию инновационных элементов поддержки малого бизнеса. Об этом можно говорить, судя по увеличившемуся числу инновационных акселераторов и инкубаторов, в том числе инициированных корпорациями, и акцентированию внимания на важности новых разработок и креативных решений. Все это свидетельствует о глубоком понимании необходимости модификации системы изнутри. Здесь наблюдаются точки пересечения с Россией, где в последние годы активно внедряются акселерационные программы внутри корпораций.

Одним из первых заметных шагов в этом направлении стала государственная стратегия креативной экономики, направленная на разработку широкого спектра инструментов развития инноваций и консолидации экономики, основанной на знаниях, в первую очередь, в сфере услуг. Упор на развитие предпринимательства в секторе услуг не случаен, он связан с отсутствием высоких рисков и барьеров входа в технологичные отрасли, занятые чеболями. Корейские корпорации также озадачены условиями четвертой промышленной революции, подрывающей уверенность в долгосрочном конкурентном преимуществе, и активизируют стратегию развития в рамках взаимодействия с западными высокотехнологичными стартапами. Подобная практика позволяет компаниям не только исследовать новые технологии и бизнес-модели, но и почувствовать необходимость трансформации внутренней корпоративной культуры. Возможность развития стратегии по созданию высокотехнологичных корейских стартапов, создающих конкурентоспособные технологии на мировом рынке, для развития гармоничного сотрудничества с чеболями, пока под вопросом. Это связано не только с фактором времени (обучение новым навыкам и технологиям), но и со структурными национальными предпосылками, сдерживающими рост предпринимательства на территории Южной Кореи.

Внутренняя трансформация с охватом модели поведения общества, как в отдельных инновационных элементах, так и между ними, процесс длительный. Перед государством стоит непростая задача развития механизмов, стимулирующих взаимосвязь бизнеса, науки и человеческой индивидуальности в современном контексте. Эту проблему невозможно решить традиционным методом «быстрого последователя» — заимствования механизма работы успешных инновационных экосистем, например, Израиля, Сингапура или Кремниевой долины. Южной Корее предстоит создать собственную современную инновационную модель с учетом культурных особенностей. Вероятность того, что Корея с задачей справится, высока, учитывая историческую целеустремленность и усердие жителей южно-корейского полуострова.

Знания о текущих трудностях Южной Кореи применимы для России в процессах трансформации механизмов развития экономики и бизнеса. Во-первых, пример Южной Кореи обуславливает необходимость адаптации зарубежного опыта с учетом национальной и культурной специфики, особенно в условиях монокультурного общества. Во-вторых, опыт Южной Кореи свидетельствует о важности развития науки и технологического предпринимательства на национальном уровне в целях обеспечения долгосрочного технологического потенциала страны. В-третьих, четвертая промышленная революция, подрывающая традиционные отрасли новыми технологиями и возможностями развития бизнеса, открывает путь к расширению компетенций российских ученых и разработчиков в рамках создания новых направлений международных партнерств.

Список литературы

1. Моррар Р., Арман Х., Муса С. Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0): перспективы социальных инноваций // Обзор управления инновационной технологией. 2017. № 7(11). С. 12–20. DOI: <http://doi.org/10.22215/timreview/1117>
2. Луппичини Р. Этическое влияние технологических достижений и приложений в обществе. Херши, Пенсильвания, 2012
3. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. Нью-Йорк: W.W. Norton & Company, 2014
4. Гейгер Р., Са С. Использование богатства науки: университеты и перспективы экономического роста. Кембридж, Массачусетс: Гарвард. 2013
5. Тайлер С.С., Хансен Х. Поиск формы: взгляд на область организационной эстетики // Журнал исследований управления. 2005. № 42(6). С. 1211–1231
6. Бур Д. Социально-инновационная политика для промышленности 4.0. Тюбинген, Германия: Тюбингенский университет им. Эберхарда Карла. 2015

7. Шваб К. Четвертая промышленная революция // Всемирный экономический форум, Давос. 2016
8. Джоэл Р. Университет Трой / Строительство ИТ-экономики: южнокорейская научно-техническая политика // Инновации в области технологий. 2012. № 19. С. 1–9. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/CTI_19-Korea_Tech_Paper_Formatted.pdf
9. Лешакова Н.П. Государственное регулирование инновационного развития Республики Корея // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7. № 2. С. 161–174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-innovatsionnogo-razvitiya-respubliki-koreya>
10. Франк К.Р., Ким К.С., Вестфаль Л.Е. Режимы внешней торговли и экономического развития: Южная Корея. Национальное бюро экономических исследований, Нью-Йорк. 1975
11. Ли Д.-В. Экономический рост и упадки Республики Корея: последствия для Китайской Народной Республики // Серия рабочих документов конференции ADBI. 2016. № 571. С. 28–30. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/183353/adbi-wp571.pdf>
12. Сунг Ч.Ч. Инновации, конкурентоспособность и рост: опыт Кореи // Ежегодная конференция Всемирного банка по экономике развития. Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк. 2010. С. 337–340. URL: <http://www.rrojasdatabank.info/wbdevecon10-22.pdf>
13. Ким Г. «Концепция 3-го уровня» для Южной Кореи // Ответственная инновационная система. Обзор политики. № 2. С. 23–48
14. Колотырина Е.А. Особенности становления инновационной системы Республики Корея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. 2015. № 2. С. 96–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23567085>
15. Халипов В.Д. Инновационно-ориентированное развитие экономики Республики Корея // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14. С. 67–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionno-orientirovannoe-razvitie-ekonomiki-respubliki-koreya>
16. Чан С.Ч. Южнокорейские конгломераты // Бизнес-горизонты. 1988. Т. 31. Вып. 2. С. 51–57. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/000768138890081X>
17. Ким Ч. Samsung, медиа-империя и семья. Лондон: Рутледж. 2016. 180 с.
18. Ли Ч.С. Особенности корпоративного управления и роль в развитии национальной экономики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. 2015. № 4. С. 27–37
19. Ким Е. Влияние семейной собственности и структуры капитала на производительность корейских производственных фирм: корпоративное управление и «проблема чебола» // Японская и международная экономика. 2005. № 20(2). С. 209–233. URL: https://www.researchgate.net/publication/222672874_The_impact_of_family_ownership_and_capital_structures_on_productivity_performance_of_Korean_manufacturing_firms_Corporate_governance_and_the_chaebol_problem
20. Квон К.-С. Появление научно-исследовательской и предпринимательской деятельности корейских университетов // Конференция по связям между университетами и экономикой. Колледж социальных наук. Сеульский национальный университет. 2009. С. 2–40
21. Бекбосынова В.Е. Формирование научно-технологической и инновационной системы Южной Кореи. (1960–2015) // Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. 2017. С. 13–18
22. Чанг М.Х. Роль чебола в экономическом развитии Южной Кореи // Современная экономика Южной Кореи: вызовы и перспективы. 2017. С. 23–34
23. Махмуд А.П., Сингх Дж. Технологический динамизм в Азии // Исследовательская политика. 2003. № 32. С. 1031–1054
24. Ли К.-Н., Ли Н. Стратегии развития научно-исследовательского института промышленности и науки // Scientometrics. 2004. Т. 75(3). С. 463–471
25. Чистик О.Ф. Рейтинговая оценка топ-50 стран в сфере инноватики // Региональное развитие. 2016. № 2. С. 4
26. Джунвон Ю.Х.П. Динамика развития концепции «Тройной спирали» в Южной Корее: сетевой анализ межрегионального технологического сотрудничества // Качество и количество. 2017. Т. 51. Вып. 3. С. 989–1007. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11135-016-0346-x>
27. Чунг Сунчул. Excelsior: корейская инновационная история // Проблемы в науке и технике. 2007. № 24. Вып. 1. URL: <http://issues.org/24-1/chung/>
28. Шин Вонг. Нобелевская мечта Южной Кореи // Природа. 2016, июнь. Т. 534. С. 20–25
29. Махлиг Дж., Пасша В. Корейская наука и техника в международной перспективе. Springer, 2012.
30. Чанг М.-Х. Динамика отношений между корпорациями и правительством в экономике Южной Кореи // Восточноазиатская политика. 2017. № 53(09). С. 53–64
31. Организация экономического сотрудничества и развития (OECD). Обзоры инновационной политики Кореи. Париж, Франция. 2009
32. Хюльтберг П., Калонж Д.С., Ким С.Х. Политика образования в Южной Корее: современная модель накопления человеческого капитала? // Cogent Economics & Finance. 2017. № 5(1). С. 1–16. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/2322039.2017.1389804>

33. Тураев К.З. Тенденции социально-экономического развития Азии // Население и инновационное развитие. Проблемы рыночной экономики. 2017. № 4. С. 48–55
34. Слезяк Т. Влияние конфуцианских ценностей на современные иерархии и социальные связи в Китае и Корее: сравнительный план // Kritike. 2014, декабрь. Т. 8. № 2. С. 207–232. URL: http://www.kritike.org/journal/issue_15/sleziak_december2014.pdf ISSN 1908-7330
35. Кукла М.П. Политика по созданию креативной экономики в Южной Корее // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 2(15). С. 148–151
36. Чанг М.-Х. Динамика отношений между корпорациями и государством в экономике Южной Кореи // Восточноазиатская политика. 2017. Т. 53. № 09. С. 53–64. URL: <https://www.worldscientific.com/doi/abs/10.1142/S1793930517000356>
37. Ли С.Г. Корейская культура и ее влияние на деловую практику в Южной Корее // Международные исследования в области управления. 2012. Т. 7. № 2. С. 184–191

Об авторах:

Поспелова Татьяна Васильевна научный сотрудник кафедры экономики инноваций, экономический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1), Москва, Российская Федерация; исполнительный директор Российского представительства Международной ассоциации «Тройной спирали» (улица Корсио Гулио 4/В – 10152 Турин, Италия), кандидат экономических наук, ORCID: 0000-0003-4462-5734, tatiana7pospelova@gmail.com

Ярыгина Анастасия Борисовна, менеджер компании «Хендэ Мотор Кампани», отдел открытых инноваций и бизнес-развития, подразделение стратегий и технологий (Южная Корея, Сеул, Сочо гу, Янгже донг, 12 Холлынг ро.), член ассоциации «Тройной спирали», степень Global MBA бизнес-школы Университета Коре-дэ; ORCID: 0000-0002-2920-8492, yar.anastasia@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Morrar R., Arman H., Mousa S. The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0): A Social Innovation Perspective. *Technology Innovation Management Review*. 2017; 7(11):12–20. Available from: <http://doi.org/10.22215/timreview/1117> (in Eng.)
2. Luppigini R. Ethical Impact of Technological Advancements and Applications in Society. Hershey, PA: Information Science Reference. 2012 (in Eng.)
3. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. New York: W.W. Norton & Company. 2014 (in Eng.)
4. Geiger R., Sá C. Tapping the Riches of Science: Universities and the Promise of Economic Growth. Cambridge, MA: Harvard. 2013 (in Eng.)
5. Taylor S.S., Hansen H. Finding form: looking at the field of organizational aesthetics. *Journal of Management Studies*. 2005; 42(6):1211–1231 (in Eng.)
6. Buhr D. Social Innovation Policy for Industry 4.0. Tübingen, Germany: Eberhard Karls University of Tübingen. 2015.
7. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum. New York. 2016.
8. Joel R. Troy University / Building an IT Economy: South Korean Science and Technology Policy. *Technology Innovation*. 2012; (19):1–9. Available from: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/CTI_19_Korea_Tech_Paper_Formatted.pdf (in Eng.)
9. Leshakova N.P. State regulation of innovative development of the Republic of Korea. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2017; 7(2):161–174 (in Russ.)
10. Frank C.R., Kim K.S., Westphal L.E. Foreign Trade Regimes and Economic Development: South Korea. National Bureau of Economic Research, New York. 1975 (in Eng.)
11. Lee J.-W. The Republic of Korea's Economic Growth and Catch-Up: Implications for the People's Republic of China. *Working Paper Series ADBI*. April 2016. (571):28–30. Available from: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/183353/adb-183353.pdf>
12. Sung Ch.Ch. Innovation, Competitiveness, and Growth: Korean Experiences. Annual World Bank Conference on Development Economics. 2010, Global, The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. pp. 337–340. Available from: <http://www.rrojasdatabank.info/wbdevecon10-22.pdf> (in Eng.)
13. Kim G. «The concept of the third level» for South Korea. *Responsible innovation system. Policyreview*. (2):23–48.
14. Kolotyryna E.A. Specific Features Of Innovation System Formation Of The Republic Of Korea. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Economics*. 2015; (2):96–105 (in Russ.)
15. Khalipov V.D. The Innovation-Oriented Development Of Economy Of The Republic Of Korea. *Theory and Practice of Social Development*. 2015; (14):67–69 (in Russ.)

16. Chan S.Ch. The South Korean conglomerates. *Business Horizons*. 1988; 31(2):51–57. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/000768138890081X>
17. Kim Ch. Samsung, Media Empire and Family. London: Routledge. 2016. 180 p.
18. Lee C.S. Features of corporate governance and the role in the development of the national economy. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Economics*. 2015; (4):27–37 (in Russ.)
19. Kim E. The impact of family ownership and capital structures on productivity performance of Korean manufacturing firms: Corporate governance and the «chaebol problem». *Journal of the Japanese and International Economies*. 2005; 20(2):209–233. Available from: https://www.researchgate.net/publication/222672874_The_impact_of_family_ownership_and_capital_structures_on_productivity_performance_of_Korean_manufacturing_firms_Corporate_governance_and_the_chaebol_problem
20. Kwon K.-S. Emergence of Research and Entrepreneurial Activities of Korean Universities. In: *Paper presented at the conference on University-Industry Linkages and Economic Performance. College of Social Sciences*. Seoul National University. 2009. pp. 2–40.
21. Bekbosynova V.E. South Korea Innovation System Formation (1960–2015). In: *Proceedings of the XIII All-Russian scientific conference or students, masters, PhD students and young scientists*. 2017. pp. 13–18 (in Russ.)
22. Chang M.H. The role of chaebol in the economic development of South Korea. *South Korea's modern economy: challenges and prospects*. 2017. pp. 23–45
23. Mahmood I.P., Singh J. Technological dynamism in Asia. *Research Policy*. 2003; (32)1031–1054
24. Lee K.-H., Lee H. Strategies of Promoting Industry-Academia-Research Institute Industry & Science. *Scientometrics*. 2004; 75(3):463–471
25. Chistik O.F. The Rating Top-50 Countries In The Sphere Of Innovation. *Regional Development*. 2016; (2):4
26. Jungwon Y.H.P. Cite as Triple helix dynamics of South Korea's innovation system: a network analysis of inter-regional technological collaborations. *Quality & Quantity*. 2017; 51(3):989–1007. Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11135-016-0346-x>
27. Chung Sungchul. Excelsior: The Korean Innovation Story. *Issues in Science and Technology*. 2007; 24(1). Available from: <http://issues.org/24-1/chung/>
28. Hin Woong-Jae. South Korea's Nobel dream. *Nature*. June 2016; (534):20–25
29. Mahlicg J., Pascha W. Korean Science and Technology in International Perspective. Springer. 2012
30. Chiang M.-H. The Dynamics of Chaebol-Government Relations in South Korea's Economy. *East Asian Policy*. 2017; 53(09):53–64
31. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). Reviews of the innovation policy of Korea. Paris, France. 2009
32. Hultberg P., Calonge D.S., Kim S.-H. Education policy in South Korea: A contemporary model of human capital accumulation? *Cogent Economics & Finance*. 2017; 5(1):1–16. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23322039.2017.1389804> (in Eng.)
33. Turaev K.Z. Trends in the socio-economic development of Asia: population and innovative development. *Population and Innovation development. Market Economy Problems*. 2017; (4):48–55 (in Russ.)
34. Sleziak T. The Influence of Confucian Values on Modern Hierarchies and Social Communication in China and Korea: A Comparative Outline. *Kritike*. December 2014; 8(2):207–232. Available from: http://www.kritike.org/journal/issue_15/sleziak_december2014.pdf (in Eng.)
35. Kukla M.P. Creative Economy Policy in South Korea. *ASR: Economics and Management*. 2016; 5(2 (15)):148–151
36. Chiang M.-H. Dynamics of Chaebol-Government Relations in South Korea's Economy. *East Asian Policy*. 2017; 53(09):53–64. Available from: <https://www.worldscientific.com/doi/abs/10.1142/S1793930517000356>
37. Lee C.Y. Korean Culture and Its Influence on Business Practices in South Korea. *Journal of International Management Studies*. 2012; 7(2):184–191

About the authors:

Tatiana V. Pospelova, faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie gory, Moscow, 119991), Moscow, Russian Federation; Executive director at Triple Helix Association (Russian Chapter) (Corso Giulio Cesare 4bis/B – 10152 Torino, Italy), Candidate of Economic Sciences, **ORCID: 0000-0003-4462-5734**, tatiana7pospelova@gmail.com

Anastasia B. Yarygina, manager at Hyundai Motor Company (South Korea, Seoul, Seocho gu, Yangjae doing, 12 Heolleung – ro), member of the Triple Helix Association The Degree of Global MBA at the Graduate School of Business Administration, Korea University Seoul, South Korea, **ORCID: 0000-0002-2920-8492**, yar.anastasia@gmail.com

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338.49; 338.4; 656(1-21):629.3
JEL: L91; R00; R41; R58

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.66-83

Методика мониторинга воспринимаемого горожанами уровня развития велотранспортной инфраструктуры в г. Москва

Дмитрий Вадимович Завьялов¹, Ольга Витальевна Сагинова²,
Надежда Борисовна Завьялова³

¹⁻³ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36

E-mail: Zavyalov.DV@rea.ru, Saginova.OV@rea.ru, Zavyalova.NB@rea.ru

Поступила в редакцию: 21.01.2019; одобрена: 25.02.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: Цель статьи – предложение методики оценки уровня развития велотранспортной инфраструктуры в г. Москве и концептуальной модели системы мониторинга транспортной инфраструктуры.

Методология проведения работы: Для достижения цели авторами проведен анализ зарубежного и отечественного опыта развития велотранспортной инфраструктуры и методов оценки уровня ее развития. При подготовке статьи использованы результаты контент-анализа научных публикаций и научно-исследовательских отчетов российских и зарубежных ученых и практиков, являющихся экспертами в области повышения мобильности городского населения в мегаполисах, полевых исследованиях и наблюдениях. В основу исследования положен маркетинговый подход, который учитывает как объективные показатели развития велотранспорта, так и воспринимаемый жителями уровень развития велотранспортной инфраструктуры.

Результаты работы: Повышение мобильности жителей Москвы с использованием экологических видов транспорта – важная стратегическая задача мегаполиса. Для ее успешного решения необходимо создание системы мониторинга, обеспечивающей контроль достижения целей развития велотранспортной инфраструктуры. В статье представлены результаты разработки системы мониторинга уровня развития велотранспортной инфраструктуры. Разработана система показателей, являющаяся основой системы мониторинга, выполнено тестирование методики. Результаты тестирования могут быть определены как исходные для следующего цикла мониторинга.

Выводы: Анализ международного и российского опыта развития транспортной инфраструктуры мегаполисов показал значительный интерес к интеграции велотранспорта в мультимодальные поездки пассажиров. Активное использование велотранспорта связано с изменением транспортного поведения жителей мегаполиса, что в значительной степени определяется уровнем развития велоинфраструктуры. Велоинфраструктура должна соответствовать запросам горожан, безопасности перемещения по городу на велосипеде, а также другим характеристикам, обеспечивающим привлекательность и удобство использования велосипедов в городе. В работе предложена система мониторинга уровня развития велотранспортной инфраструктуры. В основу мониторинга положена оценка иерархических показателей, сгруппированных по целям управления. Рекомендованные к применению в системе мониторинга показатели соответствуют принципам доступности получения информации, отражают как субъективные, так и объективные факторы, характеризующие развитие велотранспортной инфраструктуры, позволяют выявить локальные проблемы велотранспортной инфраструктуры на всех участках движения велосипедистов.

Тестирование системы мониторинга подтвердило возможность ее применения для поддержки принятия управленческих решений по совершенствованию транспортной системы города.

Ключевые слова: велотранспортная инфраструктура, показатели оценки, уровень развития велотранспортной инфраструктуры, транспортное поведение, мониторинг

Благодарность. Авторы выражают признательность участникам научно-исследовательской работы «Разработка методики оценки интенсивности велосипедного движения и мониторинга использования велосипедной инфраструктуры в городе Москве» – сотрудникам кафедры предпринимательства и логистики РЭУ им. Г.В. Плеханова – за работу при проведении исследования, а также профессору, д-ру экон. наук С.В. Мхитаряну и профессору, д-ру экон. наук Н.А. Садовниковой за помощь в обработке и анализе данных результатов полевых исследований.

Конфликт интересов. Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы 2017–2018 гг. на тему «Разработка методики оценки интенсивности велосипедного движения и мониторинга использования велосипедной инфраструктуры в городе Москве» (Соглашение № 157-ДТУРДТИ-С от 20.12.2017).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Завьялов Д. В., Сагинова О. В., Завьялова Н. Б. Методика мониторинга воспринимаемого горожанами уровня развития велотранспортной инфраструктуры в г. Москва // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 66–83.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.66-83>

© Завьялов Д. В., Сагинова О. В., Завьялова Н. Б., 2019

Technique of monitoring of the level of development of cycle transport infrastructure perceived by citizens in Moscow

Dmitry V. Zavyalov¹, Olga V. Saginova²,
Nadezhda B. Zavyalova³

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997

E-mail: Zavyalov.DV@rea.ru, Saginova.OV@rea.ru, Zavyalova.NB@rea.ru

Submitted 21.01.2019; revised 25.02.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: of the article is a proposal for a methodology for assessing the level of development of Cycling infrastructure in Moscow and a conceptual model of a system for monitoring transport infrastructure.

Methods: to achieve this goal, the authors analyzed foreign and domestic experience in the development of the cycle transport infrastructure and methods for assessing its level of development. In preparing the article, the results of content analysis of scientific publications and research reports of Russian and foreign scientists and practitioners who are experts in the field of increasing the mobility of the urban population in megalopolises, in field studies and observations are used. The study is based on the marketing approach, which takes into account the objective indicators of the development of Cycling and the perceived level of development of Cycling infrastructure.

Results: increasing the mobility of Moscow residents using environmental modes of transport is an important strategic task of the metropolis. For its successful solution, it is necessary to create a monitoring system that provides control over the achievement of the objectives of the development of Cycle transport infrastructure. The article presents the results of the development of a system for monitoring the level of development of Cycling infrastructure. A system of indicators, which is the basis of the monitoring system, has been developed, and the methodology has been tested. The test results can be defined as initial for the next monitoring Cycle.

Conclusions and Relevance: the analysis of international and Russian experience in the development of transport infrastructure of megacities showed a significant interest in the integration of Cycling in multimodal travel of passengers. Active use of Cycling is associated with a change in the transport behavior of residents of the metropolis. This is largely determined by the level of development of the Cycle transport infrastructure. The Cycle infrastructure must meet the demands of citizens, the safety of cycling around the city, as well as other characteristics that provide the attractiveness and convenience of using cycles in the city. The paper proposes a system for monitoring the level of development of Cycling infrastructure. The monitoring is based on the assessment of hierarchical indicators grouped by management objectives. The indicators recommended for use in the monitoring system correspond to the principles of accessibility of information, reflect both subjective and objective factors that characterize the development of Cycling infrastructure, allow to identify local problems of Cycling infrastructure in all areas of Cycling. Testing of the monitoring system confirmed the possibility of its use to support management decision-making on improving the city's transport system.

Keywords: Bicycle infrastructure, evaluation indicators, the level of development of bicycle infrastructure, transport behavior, monitoring

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the participants of the research project "Development of methods for assessing the intensity of cycling and monitoring the use of cycling infrastructure in the city of Moscow" – faculty of the Department of Entrepreneurship and Logistics of Plekhanov Russian University of Economics, as well as Professor S.V. Mkhitarian and Professor N.A. Sadovnikova, for their help in processing and analysing data and field survey results.

Conflict of Interes. The article is based on the results of the research work 2017–2018 "Development of methods for the assessment of cyclists and monitoring the use of bicycle infrastructure in the city of Moscow" (Agreement No. 157-Dirtly-from 20.12.2017).

The authors state that there is no conflict of interest.

For citation: Zavyalov D. V., Saginova O. V., Zavyalova N. B. Technique of monitoring of the level of development of cycle transport infrastructure perceived by citizens in Moscow. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):66–83. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.66-83>

Введение

Транспортные проблемы характерны для всех крупных городов. Автомобили – привлекательный вид транспорта с точки зрения комфортности поездки, но наименее эффективный с позиции ответственности, как по использованию уличного пространства, так и по экологическим соображениям. Продолжающиеся общемировые процессы урбанизации постепенно меняют отношение горожан к чрезмерному использованию личного автотранспорта, проблемам экологии и комфортности городской среды. Жители многих мегаполисов делают выбор в пользу общественного транспорта и использования немоторизованных транспортных средств, понимая всю меру ответственности за будущее крупных городов, за собственное здоровье и здоровье нации. Из-за проблем транспортных пробок и ухудшения экологической обстановки во многих крупных городах уже реализуется политика приоритетного передвижения в городе общественным транспортом, пешком или на велосипеде [1; 2]¹.

Эту политику разделяет и правительство Москвы². Повышение мобильности населения города – актуальная задача городских властей, предусматривающая создание и развитие современной велосипедной инфраструктуры, повышение физической активности жителей за счет регулярного использования велосипеда, изменение модели транспортного поведения жителей и сокращения числа поездок на личных автомобилях. С этой целью в последние годы в Москве проделана огромная работа по развитию транспортной системы города. Существенно изменился подход к организации пассажирских перевозок общественным наземным транспортом:

- 1) оптимизирована схема маршрутов наземного городского пассажирского транспорта (НГПТ);
- 2) введена новая модель управления НГПТ, на основании которой коммерческие и муниципальные перевозчики интегрированы в единую систему;
- 3) в рамках проекта «Магистраль» введена сеть маршрутов наземного транспорта, которые со-

единяют центр, проспекты и окраины (в 2016 г. стартовала первая очередь «Магистралей», а 7 октября 2017 г. – вторая);

- 4) обновлен парк подвижного состава;
- 5) успешно внедряется принцип мультимодальных перевозок и система взаимодействия различных видов транспорта, включая МЦК;
- 6) кроме развития традиционных видов транспорта реализуются альтернативные варианты передвижения по городу – велотранспорт и каршеринг.

По мнению исследователей консалтинговой компании McKinsey [3], московский общественный транспорт – один из самых быстрых в мире. Уровень заторов в столице остается высоким, но общая загруженность дорог за последние 8 лет снизилась на 15%. Москве удалось избежать транспортного коллапса, что свидетельствует о высокой эффективности реализуемых мероприятий по развитию транспортной системы города, однако перед городом стоят новые задачи, и одна из них – модернизация всего городского пространства, включая пешеходные зоны и велоинфраструктуру.

В этой связи управление развитием велотранспортной инфраструктуры является важной задачей, которая должна решаться на основе внедрения системы мониторинга – систематической оценки уровня развития велотранспортной инфраструктуры.

В настоящее время системы мониторинга внедрены во многих странах, развивающих транспортную инфраструктуру для организации мультимодальных пассажирских перевозок. Велотранспорт включен в эту систему наравне с другими видами транспорта. В большинстве случаев системы мониторинга отслеживают изменение как объективных, так и субъективных показателей³. Первые содержат количественные значения характеристик велотранспортной инфраструктуры (протяженность велодорожек, число парковок, число станций велопроката, статистику аварийности с участием велосипедистов, интенсивность движения велоси-

¹ National Cycling Plan 2020 Joining forces to evolve cycling. URL: <http://edoc.difu.de/edoc.php?id=1U032RD6> (дата обращения: 2.01.2019)

² Постановление Правительства Москвы «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Спорт Москвы» на 2012–2018 годы». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20015702/108574431/> (дата обращения 6.12.2018)

³ Завьялов Д.В., Лопатинская И.В., Ефимова Д.М. Удовлетворенность потребителей в системе управления качеством транспортного обслуживания. // Человеческий капитал и профессиональное образование ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» 2015. № 4(16). С. 26–31; Сагинова О.В., Скоробогатых И.И., Завьялова Н.Б. Маркетинговые аспекты обеспечения мобильности граждан в мегаполисе // ЭТАП: Экономическая теория, анализ и практика. 2016. № 1. С. 50–62; Сагинова О.В., Спиринов И.В., Завьялова Н.Б., Сидорчук Р.Р. Методологические аспекты управления качеством транспортного обслуживания. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 2. С. 28–37.

педистов). Субъективные показатели отражают мнение горожан, их восприятие проблем развития велотранспортной инфраструктуры. Вопрос о выборе субъективных показателей остается до сих пор дискуссионным, поскольку определяется целями развития велосипедного движения и достигнутым уровнем развития велоинфраструктуры в исследуемом регионе.

Москва уже прошла начальный этап развития велоинфраструктуры, однако система мониторинга еще не сложилась, что привело к существенным различиям в подходах к оценке уровня развития велоинфраструктуры. В связи с этим исследование, направленное на разработку системы мониторинга велотранспортной инфраструктуры, является актуальным и востребованным.

Обзор литературы и исследований

Политика развития велотранспорта в мегаполисе

Оценка влияния развития велотранспорта на экологию, экономику, здоровье нации и транспортную мобильность горожан определила во многих странах политику развития транспортной системы, в которой велосипед рассматривается как равноправный вид транспорта [3; 4; 5]⁴. Несмотря на различные ценностные установки, развитие велотранспорта зафиксировано в программных документах большинства развитых стран мира и крупных городских агломераций. Национальные стратегии координируют политику развития велотранспортной инфраструктуры, определяют объемы и источники инвестиций и мероприятия по популяризации экотранспорта. Примерами могут служить⁵:

- Австрийский мастер-план (Masterplan Radfahren Strategie zur Förderung des Radverkehrs in Österreich), предусматривающий достижение показателя доли поездок на велосипеде от общего числа совершаемых поездок (modality share) в 13% к 2025 г. (при нынешнем уровне в 6–7%);

- Национальная стратегия развития велосипедного движения в Чехии (National Cycling Development Strategy of the Czech Republic), которая предусматривает создание условий для превращения «популярного и нерегулируемого» использования велосипеда в «цивилизованное велосипедное движение, имеющее постоянную поддержку». Целевой показатель доли велосипедистов – 10% к 2020 и 25% к 2025 г. (при текущем уровне в 7%)⁶;
- Национальный план велосипедного движения (National Bicycle Plan, Plan National Vélo) во Франции, направленный на пересмотр действующей политики и развитие новых направлений в этой области. По данным 2014 г., доля велосипедистов составляет 4%, целевой показатель 2024 г. – 9%. Для повышения безопасности велосипедного движения и пропаганды продвижения на велосипеде среди молодежи стратегия предусматривает введение в средней школе обязательного экзамена на знание правил движения на велосипеде⁷;
- Национальный план действий по развитию пешеходного и велосипедного движения до 2020 г. (National Action Plan for Walking and Cycling 2020) в Финляндии, который направлен на повышение политического статуса и значимости пешеходного и велосипедного движения и признание их равноправными видами передвижения в городе. Стратегия предусматривает 20%-е увеличение доли велосипедистов в 2020 г. по сравнению с 2005. Показатель 2014 г. – 14%⁸;
- Новая стратегия развития велотранспорта в Копенгагене на период до 2025 г.⁹, пришедшая на смену стратегии 2002–2012 г., которая формулирует принципы для определения долгосрочных и первоочередных приоритетов в области развития велотранспорта. Ее инициативы призваны помочь городу достичь цели стать лучшим велосипедным городом мира;
- Национальная стратегия развития велосипедного движения в Словакии (Národná stratégia rozvoja

⁴ Global Mobility Report 2017. Tracking sector performance. Sustainable mobility for all. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28542/120500.pdf> (дата обращения: 10.01.2019)

⁵ Здесь и далее цифры приводятся по National cycling policies. URL: <https://ecf.com/what-we-do/cycling-all-policies/national-cycling-policies> (дата обращения: 15.02.2019)

⁶ National Cycling Development Strategy of the Czech Republic. URL: <https://www.cyklodoprava.cz/file/cyklostrategie-2013-final/> (дата обращения: 20.09.2018)

⁷ Un nouveau plan pour convertir les Français au vélo URL: https://www.lemonde.fr/planete/article/2018/09/14/un-nouveau-plan-pour-converter-les-francais-au-velo_5354893_3244.html (дата обращения: 14.01.2019)

⁸ Kävelyn ja pyöräilyn valtakunnallinen toimenpidesuunnitelma 2020. URL: https://julkaisut.liikennevirasto.fi/pdf3/ls_2012-02_kavelyn_ja_pyorailyn_web.pdf (дата обращения: 13.01.2019)

⁹ The City of Copenhagen's Bicycle Strategy 2011-2025 URL: http://kk.sites.itera.dk/apps/kk_pub2/pdf/823_Bg65v7UH2t.pdf (дата обращения: 15.02.2019)

cyklistickej dopravy a cykloturistiky v Slovenskej republike¹⁰), коорый предусматривает равенство велосипеда с другими видами транспорта. В стратегии также отмечается необходимость разъяснения населению пользы велосипеда с экономической, экологической и медицинской точек зрения. Целевой показатель доли поездок на велосипеде – 10% к 2020 г. при 7% в 2014 г.;

- Национальный план велосипедного движения до 2020 г. в Германии (National Cycling Plan 2020 Joining forces to evolve cycling¹¹), который является частью интегрированной транспортной политики и политики мобильности. Его мероприятия выходят за рамки только велодвижения и включают развитие «экомобильности», охватывающей местный общественный транспорт, пешеходное движение и велосипед. В плане учитываются различные стартовые условия разных городов страны и предусматривается обязательное сотрудничество всех заинтересованных сторон процесса. Целевой показатель доли велосипедов – 15% к 2020 г.

Продолжить примеры стратегического подхода к развитию велотранспортной инфраструктуры можно с помощью всех стран Европейского Союза [6; 7]¹², которые развивают и совершенствуют велосипедные маршруты в крупных городах. Эффективная реализация программ стратегического развития и намеченных планов достигается благодаря регулярным измерениям и контролю за достижением их плановых показателей. Данные об использовании имеющейся инфраструктуры и ее воздействии на велосипедное движение, экономику, транспортную ситуацию, экологию, физическую активность населения служит обоснованием планов дальнейшего развития и отбора наиболее привлекательных проектов.

Методы оценки уровня развития велотранспортной инфраструктуры

В области учета объективных показателей наибольший интерес в научной среде вызывают ме-

тоды оценки интенсивности движения велосипедистов [8; 9]¹³. Дискуссия ведется по числу и месту расположения точек контроля, длительности замеров, учету дополнительных характеристик участников велодвижения, технологиям определения интенсивности и другим вопросам. Во многом выбор решения, по мнению авторов, определяется целями проведения наблюдений, имеющимися финансовыми и техническими ресурсами.

Обсуждение методов субъективных оценок применительно к развитию велотранспорта достаточно пассивно [10–12]. Особый интерес представляет практика их применения [13–18].

В международной практике реализуются различные подходы к мониторингу уровня развития транспортной системы. Одной из наиболее апробированных методик анализа городских видов транспорта, включая и велосипедный, является методика, применяемая в Лондоне с 2005 г.¹⁴ Методика основана на анализе анкет, заполняемых участниками потребительской панели – 8 тыс. домохозяйствами, равномерно распределенными по 528 географическим зонам города. Интервьюеры лично направляются по отобранным случайным образом адресам и сами заполняют анкеты. Основная анкета включает информацию о перемещениях жителей в течение дня, предшествующего опросу, целях поездки (их в анкете определено 20), видах использованного транспорта, затраченном на поездку времени каждым видом транспорта, присутствии детей или сопровождающих во время поездки, наличии велосипеда во время поездки. В анкете учитывается время, которое затратил респондент на пешеходный маршрут (от исходного места до остановки или от места прибытия транспорта до цели поездки).

Детальный анализ результатов замеров, проводимых в Лондоне более 10-ти лет, позволяет оценить реализацию программ транспортного развития, выявить потребности горожан в транспортной инфраструктуре, а также исследовать изменения транспортного поведения жителей. На рис. 1 показано,

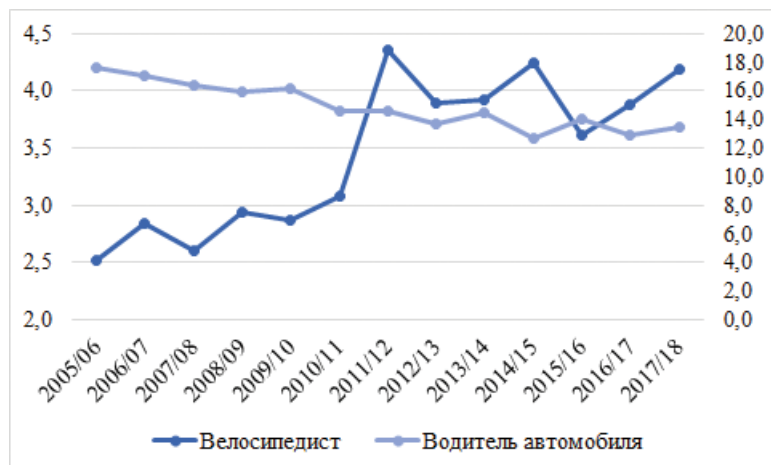
¹⁰ Národná stratégia rozvoja cyklistickej dopravy a cykloturistiky v Slovenskej republike. URL: http://www.centralmeetbike.eu/palio/html.wmedia?_Instance=centralmeetbike&_Connector=palio&_ID=749&_Checksum=636474685 (дата обращения: 10.01.2019)

¹¹ National Cycling Plan 2020 Joining forces to evolve cycling. URL: <http://edoc.difu.de/edoc.php?id=1U032RD6> (дата обращения: 2.01.2019)

¹² National Transport Authority National Household Travel Survey 2012. URL: <http://asinfo.ru/upload/iblock/1ae/National%20Transport%20Authority%20Survey%20Dublin.pdf> (дата обращения: 12.10.2018); National Transport Authority National Household Travel Survey 2012. URL: <http://asinfo.ru/upload/iblock/1ae/National%20Transport%20Authority%20Survey%20Dublin.pdf> (дата обращения: 12.12.2018)

¹³ Annual Bicycle Count [Электронный ресурс]. URL: <http://www.calgary.ca/Transportation/TP/Pages/Cycling/Bike-Data.aspx> (дата обращения: 10.01.2019); Annual Cycling Monitoring Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cycling.scot/mediaLibrary/other/english/1113.pdf> (дата обращения: 10.01.2019)

¹⁴ London Travel Demand Survey. URL: <https://tfl.gov.uk/corporate/about-tfl/how-we-work/planning-for-the-future/consultations-and-surveys/london-travel-demand-survey> (дата обращения: 16.01.2019)

Составлено авторами по материалам: London Travel Demand Survey. URL: <https://tfl.gov.uk/corporate/about-tfl/how-we-work/planning-for-the-future/consultations-and-surveys/london-travel-demand-survey> (дата обращения: 16.01.2019)

Рис. 1. Изменение доли велосипедистов и личных автомобилей в центре Лондона

Compiled by the authors basing on: London Travel Demand Survey. URL: <https://tfl.gov.uk/corporate/about-tfl/how-we-work/planning-for-the-future/consultations-and-surveys/london-travel-demand-survey> (accessed 16.01.2019)

Fig. 1. Changes in the share of cyclists and private cars in Central London

что, по сравнению с 2008 г., в 2018 г. доля велосипедистов в центре Лондона возросла в 1,6 раза, а доля личных автомобилей снизилась на 20%.

Исследование, проведенное в Дании¹⁵, ориентировано на выявление транспортного поведения датчан и лиц, проживающих в стране, и является стабильным, непрерывным, оперативным, надежным, простым способом получения информации, недоступной в других источниках. Транспортное исследование проводится в течение всего года, в том числе и в выходные дни, и касается жителей от 10 до 84 лет. Опрос проводится с 2006 г., анкета основана на выборке базы данных национального реестра медицинского страхования, ежегодно анкеты отправляются примерно 16 тыс. гражданам по почте. Технически исследование выполняется подрядчиком – исследовательским агентством – на основе долгосрочного контракта.

Развитие велотранспорта в Германии заслуживает особого внимания, поскольку доля жителей, ис-

пользующих велосипед, в городах с населением свыше 1 млн человек составляет в Мюнхене – 17%, в Берлине – 15%, что существенно выше среднемировых показателей. Характерной особенностью транспортных исследований в Германии является большая по численности выборка¹⁶. С июня 2016 г. по июнь 2017 г. по заказу Федерального министерства транспорта Германии проводилось исследование, основной задачей которого стало получение развернутой информации о ежедневной мобильности населения. Выборка включала в себя общенациональную часть – около 30 тыс. домохозяйств Германии (примерно 60 тыс. человек), и региональную часть – около 135 тыс. домохозяйств. Сбор данных осуществлялся в два этапа, что позволило получить первичные данные социально-демографического со-

держания и информацию о ежедневных поездках горожан (цель поездки, расстояние, вид транспорта, время отправления и прибытия).

Существуют и другие подходы к мониторингу развития велотранспортной инфраструктуры [9–11]¹⁷, и все они, в большинстве случаев, ориентированы на применение опросных технологий и статистических методов учета. Все системы мониторинга решают задачи контроля установленных в программных документах показателей развития велотранспорта и фиксируют изменения транспортного поведения жителей, но отличаются масштабами исследования, выбором объектов и субъектов мониторинга, методами администрирования. Отличия связаны в основном с исторически сложившимся подходом и целями развития велоинфраструктуры.

Исследования по развитию велотранспорта проводятся и в Москве. Первые опросы, проведенные Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры (ДТиРДИ) города

¹⁵ Denmark - on your bike! The national bicycle strategy. July 2014. URL: <http://www.cycling-embassy.dk/wp-content/uploads/2014/10/Engelsk-cykelstrategi-Til-web-1.pdf> (дата обращения: 02.01.2019)

¹⁶ National Transportation Surveys Activities in Germany. URL: <http://asinfo.ru/upload/iblock/c8a/National%20Transportation%20Surveys%20in%20Germany.pdf> (дата обращения: 02.11.2018)

¹⁷ Исследование международного опыта оценки и мониторинга эффектов от мер по развитию пешеходной и велосипедной среды и принятия решений по городской политике экомобильности. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SUrbC/Research_Reports/SKOLKOVO_UrbC_Research_2017-04_ru.pdf (дата обращения: 20.11.2018)

Москвы в 2014 г.¹⁸, были направлены на определение отношения жителей Москвы к развитию велосипедного транспорта. Они позволили выявить причины, которые препятствуют использованию велосипеда в качестве средства передвижения вместо автомобиля или общественного транспорта. К ним относятся: недостаточность велодорожек, большие расстояния, высокая загруженность дорог, опасность движения на велосипеде, проблема парковки велосипедов. Последующие опросы отличались по структуре и объему выборки, формулировке вопросов анкеты, что усложнило проведение сравнительного анализа для принятия управленческих решений. Одновременно проводились натурные исследования, направленные на учет и оценку интенсивности движения велосипедистов. При этом цели учета не были уточнены, в результате чего методы и технологии измерения интенсивности, а также точки учета интенсивности, были различными.

В опросе 2016 г.¹⁹, участвовало 5 300 респондентов (68% мужчин, 32% женщин; 69% составляли жители от 26 до 45 лет; 83% респондентов имели высшее или среднее образование; 65% являлись служащими). Опрос был разделен на два сценария – для туристов и для сезонных пользователей. Число туристов, участвовавших в опросе, составило 2%. По результатам опроса туристов можно утверждать, что велосипед как средство перемещения по Москве воспринимается положительно: 70% обязательно порекомендуют друзьям и знакомым воспользоваться велопрокатом во время поездки в Москву (5 баллов по 5-бальной шкале), еще 20% просто порекомендуют (4 из 5).

Несколько исследований проводилось в 2017 г. В мае 2017 г. службой исследований HeadHunter²⁰ был проведен опрос, целью которого являлось выяснение, сколько москвичей регулярно ездят на работу на велосипеде, в чем они видят преимущество этого способа передвижения, какое расстояние преодолевают и сколько времени проводят в пути. Выборка составила 1544 респондента, для выявления мнения которых применялся метод онлайн-опроса. Результаты исследования показали, что чаще всего на работу и с работы велолюбители ездят в пределах одного административного округа. Нередко велосипедисты перемещаются между административными округами Москвы, особенно когда место работы расположено в центре

столицы. Сотрудники компаний проезжают 10–13 км до работы и столько же обратно, затрачивая на поездку 40–50 мин. При этом 72% сотрудников московских компаний пользуются личными велосипедами, 18% – городским велопрокатом. Такие результаты свидетельствуют о необходимости развития сети велопарковок как в жилых районах, так и по месту работы.

В числе причин, ограничивающих применение велосипедов как вида транспорта, респонденты называли отсутствие возможности принять душ (51%), отсутствие велодорожек и страх ехать в общем потоке машин (47%), а также слишком большие расстояния, которые потребуются преодолеть (45%). По мнению этой группы респондентов, Москву в полной мере нельзя назвать удобным для велопоездки городом в виду особенностей климата, сложности рельефа (гористая местность), слаборазвитой велоинфраструктуры (недостаточное количество велодорожек и велопарковок), загазованности воздуха города и проч.

Увеличению численности велосипедистов, использующих велосипед для поездки на работу, могли бы способствовать, по мнению респондентов, строительство велодорожек из спальных районов в центр (52%) или в пределах района проживания респондента (36%), расширение проката велосипедов (21%) и создание велопарковок (32%).

Таким образом, опросы, проводимые в Москве, носят дискретный характер, в них отсутствует системность в части формулировок вопросов, наблюдается различие в объемах выборки и технологиях проведения, что свидетельствует об отсутствии сложившейся системы мониторинга в городе. Недостатками проводимых исследований в Москве является отсутствие комплексного подхода, учитывающего все виды транспорта, нестабильность программ исследования за период с 2014 г. по 2018 г., ограниченность выборки, не позволяющая выявить проблемы и разработать планы развития на уровне районов города.

Материалы и методы. Анализ имеющегося в Москве опыта оценки использования существующей велоинфраструктуры и ее развития на основе данных статистики и опросов жителей Москвы показал, что разрозненные данные не позволяют оценить динамику развития велоинфраструктуры и ее соответствие требованиям горожан. Для Москвы

¹⁸ «Москва – для велосипедистов?». Опрос Фонда «Общественное мнение», проведенный в 2014 г. URL: <http://fom.ru/Obrazhizni/11577> (дата обращения: 02.01.2019)

¹⁹ По материалам ДТиРДТИ г. Москвы

²⁰ На работу на велосипеде! Исследование HeadHunter. URL: <http://letsbikeit.ru/wp-content/uploads/2017/05/hh-bike2work-survey.pdf> (дата обращения: 11.01.2019)

регулярный мониторинг использования и развития инфраструктуры является необходимым этапом эффективного и системного подхода к оценке изменений транспортного поведения горожан, уровня физической активности и эффективности усилий по развитию велоинфраструктуры города.

Методику такого мониторинга разработала исследовательская группа Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в 2018 г. В основу системы мониторинга положена методология «петли качества»²¹, ряд авторских исследований, учитывающих позицию участников транспортного движения и других ассоциированных с развитием транспортной инфраструктуры субъектов²², а также фактические показатели развития инфраструктуры.

Источником количественных данных о развитии велоинфраструктуры являлась информация Портала открытых данных Правительства Москвы²³. Интенсивность движения велосипедистов осуществлялась с применением ручных методов и метода видеофиксации с последующей ручной обработкой сюжетов. Субъективное мнение – воспринимаемый уровень развития велотранспортной инфраструктуры – оценивалось по результатам опроса жителей города, проведенного в сентябре-октябре 2018 г.

Целевую совокупность исследования составило взрослое население Москвы (старше 18 лет), использующее велосипед как средство передвижения с различными целями, и жители, умеющие ездить на велосипеде, но не использующие его в городе. Метод формирования выборки – квотный отбор. Структура выборки по округу проживания не контролировалась, но формировалась пропорционально численности населения округа по состоянию на 1 января 2018 г. Объем выборки составил 452 респондента, использующих велосипед для перемещения по городу, и 500 респондентов,

умеющих ездить, но не использующих велосипед для перемещения по городу.

Результаты исследований

Концепция системы мониторинга уровня развития велотранспортной инфраструктуры

Развитие велотранспортной инфраструктуры г. Москвы осуществляется в рамках нескольких государственных программ развития г. Москвы:

1. «Развитие индустрии отдыха и туризма на 2012–2018 годы», утвержденная постановлением Правительства Москвы от 07.10.2011 № 476-ПП (с 2016 г. называется «Развитие городской среды», в настоящее время было 8 редакций)²⁴;
2. «Развитие транспортной системы» на 2012–2016 годы и на перспективу до 2020 года», утвержденная постановлением Правительства Москвы от 02.09.2011 № 408-ПП (в настоящее время прошла 10 редакций)²⁵;
3. Программа «Спорт Москвы» на 2012–2018 гг.²⁶

В программах определены несколько показателей развития велосипедного движения в городе: протяженность благоустроенных велосипедных дорожек в парках (садах) культуры и отдыха, годовой объем поездок на велосипедах общественного проката, количество вводимых велопарковочных мест.

Для обеспечения единого подхода к формированию системы мониторинга велотранспортной инфраструктуры авторами было проведено глубинное интервью с экспертами по вопросам управления развитием велотранспортной инфраструктуры. Дерево целей по управлению развитием велотранспортной инфраструктуры содержит (1) стратегические цели развития велотранспортной системы города; (2) тактические цели управления развитием велотранспортной инфраструктуры (рис. 2).

²¹ ГОСТ ISO 9001-2011 Системы менеджмента качества. Требования. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200093426> (дата обращения: 12.09.2018)

²² Завьялов Д.В., Лопатинская И.В., Ефимова Д.М. Удовлетворенность потребителей в системе управления качеством транспортного обслуживания. // Человеческий капитал и профессиональное образование. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 2015. № 4(16). С. 26–31; Завьялов Д.В., Сагинова О.В., Завьялова Н.Б., Киреева Н.С. Концепция и структура системы мониторинга велотранспортной инфраструктуры в г. Москве // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 4. С. 1273–1288; Сагинова О.В., Скоробогатых И.И., Завьялова Н.Б. Маркетинговые аспекты обеспечения мобильности граждан в мегаполисе // ЭТАП: Экономическая теория, анализ и практика. 2016. № 1. С. 50–62

²³ Портал открытых данных Правительства Москвы. URL: <https://data.mos.ru/> (дата обращения: 12.01.2019)

²⁴ Постановление Правительства Москвы от 7 октября 2011 г. № 476-ПП «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие городской среды» (с изменениями на 27 марта 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/537907624> (дата обращения: 10.01.2019)

²⁵ Постановление правительства Москвы «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Развитие транспортной системы» на 2012–2016 годы и на перспективу до 2020 года» (с изменениями на 27 марта 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/537907060> (дата обращения: 12.01.2019)

²⁶ Постановление Правительства Москвы «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Спорт Москвы» на 2012–2018 годы». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20015702/108574431/> (дата обращения: 6.12.2018 г.)

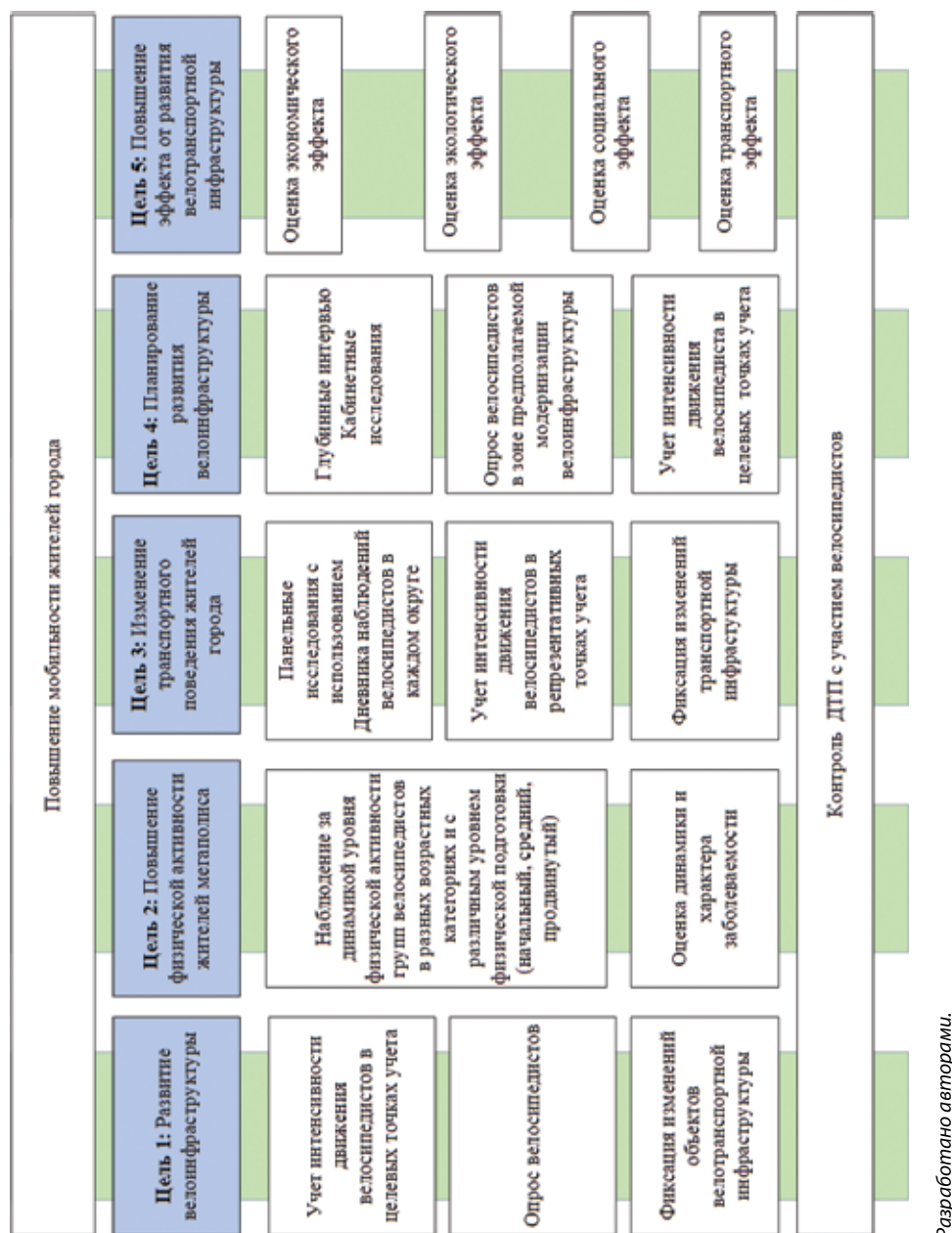

Рис. 2. Концептуальная модель управления развитием велоинфраструктуры

Fig. 2. Conceptual model of bicycle infrastructure management

Определенная в программных документах стратегическая цель – повышение мобильности горожан, предопределяет достижение целей второго уровня, а именно: (1) развитие велоинфраструктуры; (2) повышение физической активности жителей мегаполиса; (3) изменение транспортного поведения горожан; (4) планирование развития велоинфраструктуры; (5) повышение эффекта от развития велоинфраструктуры.

Реализация каждой из этих подцелей требует специализированных программ и мероприятий, а также методов оценки достигнутых результатов.

В основу разработанной методики мониторинга положены разработки ученых РЭУ им. Г.В. Плеханова²⁷. Степень достижения поставленных целей определяется методом сравнительного анализа

²⁷ Завьялов Д.В., Сагинова О.В., Завьялова Н.Б., Киреева Н.С. Концепция и структура системы мониторинга велоинфраструктуры в г. Москве // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 4. С. 1273-1288; Маркетинговый подход к управлению качеством транспортного обслуживания: монография / А.М. Асалиев, Н.Б. Завьялова, О.В. Сагинова, И.В. Спирин, И.И. Скоробогатых и др. / Под ред. канд. техн. наук Н.Б. Завьяловой, докт. экон. наук О.В. Сагиновой, докт. техн. наук И.В. Спирина. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. 172 с.; Завьялов Д.В., Лопатинская И.В., Ефимова Д.М. Удовлетворенность потребителей в системе управления качеством транспортного обслуживания // Человеческий капитал и профессиональное образование ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В.Плеханова» 2015. №4 (16). С. 26-31; Сагинова О.В., Скоробогатых И.И., Завьялова Н.Б. Маркетинговые аспекты обеспечения мобильности граждан в мегаполисе // ЭТАП: Экономическая теория, анализ и практика. 2016. № 1. С. 50-62; Сагинова О.В., Спирин И.В., Завьялова Н.Б., Сидорчук Р.Р. Методологические аспекты управления качеством транспортного обслуживания // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 2. С. 28–37.

целевых и фактических значений показателей, отражающих уровень развития велотранспортной инфраструктуры.

Объективная оценка осуществляется на основе «жестких» показателей, которые отражают количественные характеристики инфраструктуры, включая соответствие действующей нормативно-правовой базе²⁸. Так, для оценки достижения Цели 1 «Развитие велоинфраструктуры» объективными показателями являются: интенсивность движения велосипедистов и пользователей других немоторизованных транспортных средств НТС, протяженность велодорожек различного типа, число велопарковок и станций велопроката. Интенсивность оценивается методом наблюдения в фиксированных точках учета. Данные о развитии сети велодорожек, числе велопарковок и станций проката формируются на основе информации Портала открытых данных Правительства Москвы²⁹.

Субъективная оценка формируется по воспринимаемому жителями уровню развития велоинфраструктуры и его соответствию базовым / плановым значениям, предусмотренным программами и дорожными картами развития города. Низкий воспринимаемый уровень в оценках развития инфраструктуры служит инициирующим событием для запуска механизма управления процессом устранения несоответствий.

В обобщенном виде алгоритм мониторинга представлен на рис. 3.

Для каждой цели определяются субъекты и объекты мониторинга. Субъектами выступают участники транспортного и пешеходного движения. Выбор характеристик субъектов определяется целями и задачами исследования. Так, для оценки интенсивности движения велосипедистов могут учитываться половозрастные характеристики субъектов, вид используемого немоторизованного транспортного средства, наличие / отсутствие средств защиты и т.п. Объектами мониторинга являются элементы велотранспортной инфраструктуры (велодорожки, выделенные полосы движения для общественного транспорта и велосипедистов, велопарковки, станции проката и др.).

Следующий этап мониторинга на его начальном этапе сопряжен с определением критериев и показателей оценки. Все последующие циклы мониторинга должны выполняться в соответствии с установленными на первом цикле мониторинга критериями и показателями. Оценка достигнутых

значений показателей в процессе реализации программ, мероприятий / проектов должна осуществляться на регулярной основе, без изменения методики мониторинга.

По результатам анкетирования субъектов и наблюдения (измерения) объектов инфраструктуры выполняется сравнительный анализ, определяющий дальнейшие действия по развитию велотранспорта в городе. Определение новых целей осуществляется при достижении желаемых (целевых) показателей развития велоинфраструктуры. В результате реализации цикла мониторинга администрация города имеет возможность анализировать текущие значения по каждой категории и группе показателей и формировать управленческие решения, направленные на достижение плановых показателей развития велотранспортной инфраструктуры.

Иерархическая структура системы показателей с выделением групп категорий по наиболее важным характеристикам объекта исследования имеет значительные преимущества в отличие от систем с линейной структурой показателей. Во-первых, она позволяет выявить проблемную область (например, удобство, безопасность, связность и др.) и определить причины возникновения проблемы (например, недостаток инфраструктурных объектов на различных этапах перемещения велосипедистов). В случае достижения цели, показатели или категория показателей могут быть исключены из системы мониторинга без нарушения целостности системы. Во-вторых, иерархическая система показателей может быть применима при изменении масштабов мониторинга или изменении / добавлении целей. Так, мониторинг по системе иерархических показателей может производиться не только в масштабах города, но и на территории округов города или районов. В-третьих, комплексное исследование по совокупности показателей охватывает все цели управления, что сокращает расходы на исследования, связанные с развитием транспортной инфраструктуры. Такой подход не только учитывает изменения уровня зрелости велотранспорта, но и отражает основные принципы устойчивого развития мегаполиса. Обязательным условием является наличие единого хранилища данных результатов исследования, на основе которого формируются витрины данных и панели управления для индикации текущих и плановых значений показателей.

Проведенные в 2018 г. исследования были ориентированы на тестирование системы показателей при-

²⁸ «Москва – для велосипедистов?». Опрос Фонда «Общественное мнение», проведенный в 2014 г. URL: <http://fom.ru/Obrazzhizni/11577> (дата обращения: 02.01.2019)

²⁹ Портал открытых данных Правительства Москвы. Официальный сайт. URL: <https://data.mos.ru/> (дата обращения: 14.12.2018)

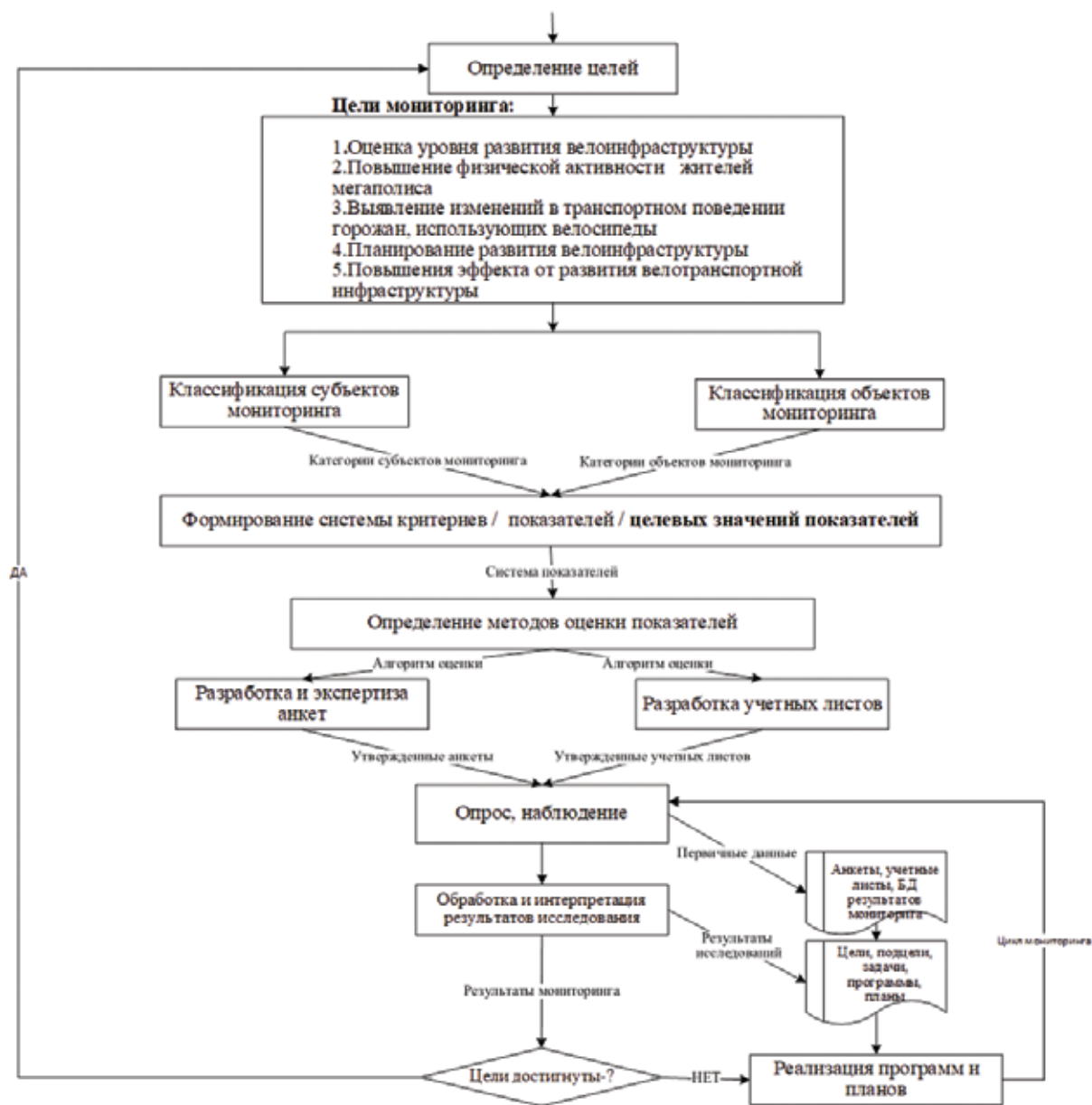

Рис. 3. Алгоритм реализации мониторинга по целевым установкам управления
Разработано авторами.

Fig.3. Algorithm for monitoring bicycle infrastructure using target indicators
Developed by the authors.

менительно к нескольким целям управления (Цель 1, Цель 3, Цель 4, Цель 5 – см. рис. 2). Ниже представлены результаты оценки воспринимаемого уровня развития велотранспортной инфраструктуры по Цели 1 «Развитие велоинфраструктуры».

Оценка интенсивности движения велосипедистов

Оценка интенсивности движения велосипедистов является составной частью методики мониторинга развития велотранспортной инфраструктуры города. Для целей мониторинга (Цель 1, Цель 3,

Цель 4) применялись краткосрочные измерения ручным методом с фиксацией дополнительных атрибутов участников движения (пол, возраст, наличие средств защиты, тип немоторизованного транспортного средства, использование собственного или арендованного велосипеда). Сбор данных осуществлялся по графику в рабочие дни. Учет интенсивности производился в разрезе сечений дорог, включающих в себя одну или несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины, велодорожки при их наличии. Точ-

ки учета представляют собой комбинацию целевых и репрезентативных месторасположений (репрезентативные точки в центре города, маршруты активного движения велосипедистов, автодороги различной категории).

Кроме фиксации интенсивности в каждой точке учета, анализ показал, что большинство велосипедистов не меняют способа перемещения, исключением становятся случаи, когда наблюдается изменение велоинфраструктуры (табл. 1).

инфраструктуры, так и при планировании новых объектов. Наличие дополнительных атрибутов при замерах формирует исчерпывающее представление о велосипедистах и их предпочтениях при перемещении в точках учета.

Оценка воспринимаемого уровня развития велотранспортной инфраструктуры

Для проведения опроса велосипедистов по Цели 1 «Развитие велоинфраструктуры» была разра-

ботана анкета для оценки воспринимаемого уровня развития велоинфраструктуры по блокам «Безопасность», «Беспрепятственность», «Связность», «Привлекательность», «Удобство» по 10-балльной шкале Лайкерта. Для оценки изменения транспортных предпочтений, активности пользователей велотранспортной инфраструктуры, формирования портрета московского велосипедиста, а также для уточнения основных вопросов, в анкету были включены открытые вопросы и вопросы по выбору. Дополнительно в анкету был включен блок вопросов, адресованный жителям города, являющимся потенциальными пользователями немоторизованного транспорта. Показатели

Таблица 1
Особенности движения велосипедистов во время поездки
Table 1
Features of the movement of cyclists during the trip

Направление движения	Направление Куда			
Направление Откуда	в	пч	т	Общий итог
в	81%	9%	6%	24%
пч	2%	69%	2%	7%
т	17%	22%	92%	69%
Общий итог	100%	100%	100%	100%
В – движение по велодорожке	ПЧ – движение по проезжей части		Т – движение по тротуару	

Разработано авторами.

Developed by the authors.

Для велосипедного движения в Москве, по средней оценке результатов учета, зафиксированы следующие характеристики (табл. 2):

- доля женщин, перемещающихся на велосипедах и других НТС, составляет 25%, мужчин – 75%;
- доля велосипедистов и пользователей других НТС, не имеющих защитных шлемов, составляет 95,2%;
- доля велосипедистов в общем потоке составляет 77%, пользователей самокатов и других немоторизованных транспортных средств – 23%;
- доля велосипедистов средней и младшей возрастной группы составляет 70%, старшей возрастной группы – 30%.

Дополнительно было установлено, что велосипедисты при отсутствии велодорожек предпочитают перемещаться по тротуарам. Эти предпочтения не зависят от гендерных признаков и практически не зависят от возраста.

Учет и оценка интенсивности с применением краткосрочных измерений ручным методом соответствует основным целям управления и может применяться как для оценки уровня развития вело-

оценки воспринимаемого уровня были сгруппированы по категориям (табл. 3).

Исследования показали низкий уровень связности велодорожек: только 47% респондентов дали оценку выше 6 баллов из 10 возможных. Воспринимаемый уровень развития велотранспортной инфраструктуры в категориях «Безопасность», «Удобство», «Привлекательность», «Беспрепятственность» оценили на 6 и более баллов немногим более 50% респондентов, что соответствует среднему уровню развития велотранспорта в разрезе исследуемых характеристик (рис. 4).

Для детального анализа и возможности принятия управленческих решений оценка производится путем декомпозиции показателей в каждой категории. Выбранные показатели в категории «Безопасность» (рис. 5) учитывают тип велодорожек, что позволило констатировать низкий воспринимаемый респондентами уровень безопасности при движении на велосипеде в общем потоке по автодороге (19%), при движении по велополосе на проезжей части (45%), при движении на велосипеде по выделенным полосам для общественного транспорта (40%), при движении по пешеходным

Таблица 2

Показатели оценки по результатам визуального ручного учета интенсивности

Table 2

Evaluation indicators on the results of visual and manual taking into account the intensity

Показатели	Точки учета интенсивности					
	Академическая	Никитские ворота	Петровско-Разумовский проезд	ул. Пречистенка	Трубная пл.	Среднее значение
Доля мужчин в потоке велосипедистов и пользователей других НТС	76%	72%	78%	74%	76%	75%
Доля женщин в потоке велосипедистов и пользователей других НТС	24%	28%	22%	25%	24%	25%
Доля велосипедистов в общем потоке перемещающихся с использованием НТС	80%	77%	69%	80%	76%	77%
Доля пользователей других НТС в общем потоке перемещающихся с использованием НТС	20%	22%	31%	20%	24%	23%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС, не имеющих защитных шлемов	96%	94%	97%	96%	95%	96%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС, перемещающихся по тротуарам	94%	37%	92%	95%	49%	73%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС, перемещающихся по проезжей части	6%	8%	8%	5%	8%	7%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС, перемещающихся по велосипедной дорожке	-	55%	-	-	43%	49%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС, перемещающихся на прокатном НТС	18%	34%	7%	29%	31%	24%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС, перемещающихся на собственном НТС	82%	66%	93%	71%	69%	76%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС средней и младшей возрастной группы	75%	70%	47%	76%	84%	70%
Доля велосипедистов и пользователей других НТС старшей возрастной группы	25%	30%	52%	24%	16%	29%

Разработано авторами.

Developed by the authors.

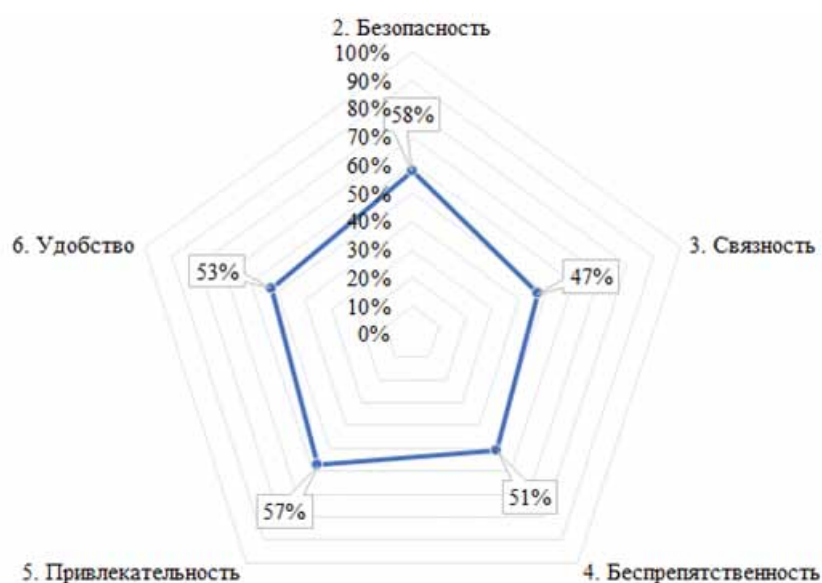
Таблица 3

Группы показателей в оценке уровня развития велотранспортной инфраструктуры

Table 3

Groups of bicycle infrastructure development metrics

Категория показателей	Группы свойств объекта мониторинга
1. Интенсивность движения	Наблюдения в точках учета
2. Безопасность	Безопасность велотранспортной инфраструктуры
3. Связность	Связность велотранспортной инфраструктуры с «точками притяжения» города Связность велотранспортной инфраструктуры с общественным транспортом
4. Беспрепятственность	Временные характеристики поездки велосипедиста Беспрепятственность велосипедной инфраструктуры
5. Привлекательность	Личная безопасность Безопасность имущества Информационная обеспеченность
6. Удобство/комфорт	Удобство/комфорт при поездке на велосипеде Удобство/комфорт в начале поездки Удобство/комфорт в конце поездки (по месту работы/учебы по месту работы/учебы) Удобство/комфорт провоза велосипеда в общественном транспорте

Составлено авторами на основе³⁰.Compiled by the authors based³⁰.

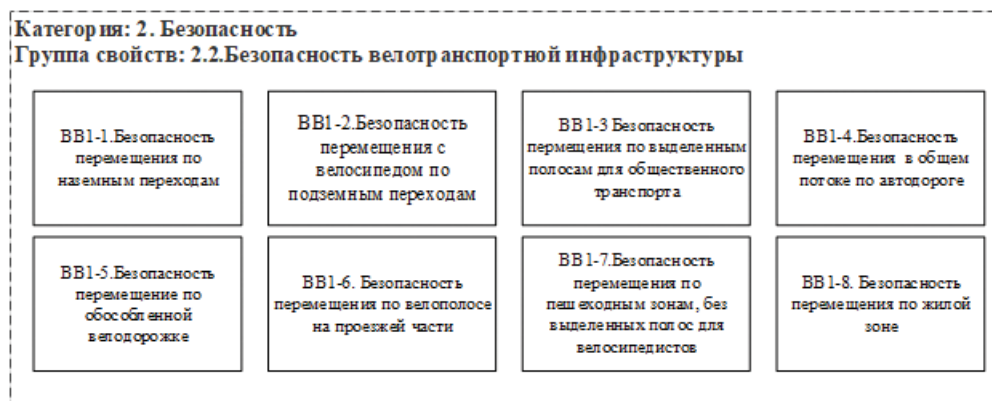
Разработано авторами.

Рис. 4. Интегральная оценка воспринимаемого уровня развития велотранспортной инфраструктуры

Developed by the authors.

Fig. 4. Composite measure of perceived level of bicycle infrastructure development

³⁰ Завьялов Д.В., Лопатинская И.В., Ефимова Д.М. Удовлетворенность потребителей в системе управления качеством транспортного обслуживания // Человеческий капитал и профессиональное образование ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 2015. № 4(16). С. 26–31; Завьялов Д.В., Сагинова О.В., Завьялова Н.Б., Киреева Н.С. Концепция и структура системы мониторинга велотранспортной инфраструктуры в г. Москве // Российское предпринимательство. 2018. Том 19. № 4. С. 1273–1288; Маркетинговый подход к управлению качеством транспортного обслуживания: монография / А.М. Асалиев, Н.Б. Завьялова, О.В. Сагинова, И.В. Спирин, И.И. Скоробогатых и др. / под ред. канд. техн. наук Н.Б. Завьяловой, докт. экон. наук О.В. Сагиновой, докт. техн. наук И.В. Спирина. Новосибирск: изд-во ЦРНС, 2016. 172 с.; PRESTO (Популяризация велосипеда как общедоступного вида транспорта для ежедневных поездок) – проект европейской программы Intelligent Energy, субсидируемой Исполнительным агентством по конкурентоспособности и инновациям Европейского союза (Executive Agency for Competitiveness and Innovation). URL: https://www.rupprecht-consult.eu/uploads/tx_rupprecht/RU-PRESTO_Cycling_Policy_Guide_Infrastructure.pdf (дата обращения: 10.01.2019)

Разработано авторами.

Рис. 5. Показатели оценки в категории Безопасность

Developed by the authors.

Fig. 5. Safety indicators

зонам, не оснащенным выделенными полосами для велосипедистов (59%) (рис. 6).

За время поездки 85% респондентов редко или крайне редко при отсутствии велодорожки перемещаются по проезжей части и совершают поездку по тротуару, фактически самостоятельно принимая решение о невозможности перемещения по проезжей части или обочине. В этом случае возникает угроза конфликта интересов велосипедистов и пешеходов, особенно в часы максимального потока пешеходов.

Таким образом, низкое значение воспринимаемого уровня безопасности требует рассмотрения возможности максимального разделения потоков движения велосипедистов, автомобилистов и пешеходов. В «Методических рекомендациях по разработке и реализации мероприятий по организации дорожного движения»³¹ для таких маршрутов рекомендуют создание велодорожек с разделением движения на тротуарах или организацию выделенных полос на проезжей части. Размещение велодорожек на проезжей части должно предусматривать одновременно и мероприятия по ограничению скорости движения транспорта до 40 км/ч.

Анализ результатов анкетирования по вопросам связности объектов велоинфраструктуры с городской транспортной сетью показал недостаточность парковок, системы велопроката и велодорожек у станций пригородных поездов. Только 47% респондентов отмечают достаточность числа парковок, и 43% – достаточность числа велодорожек около станций метрополитена. Метрополитен является

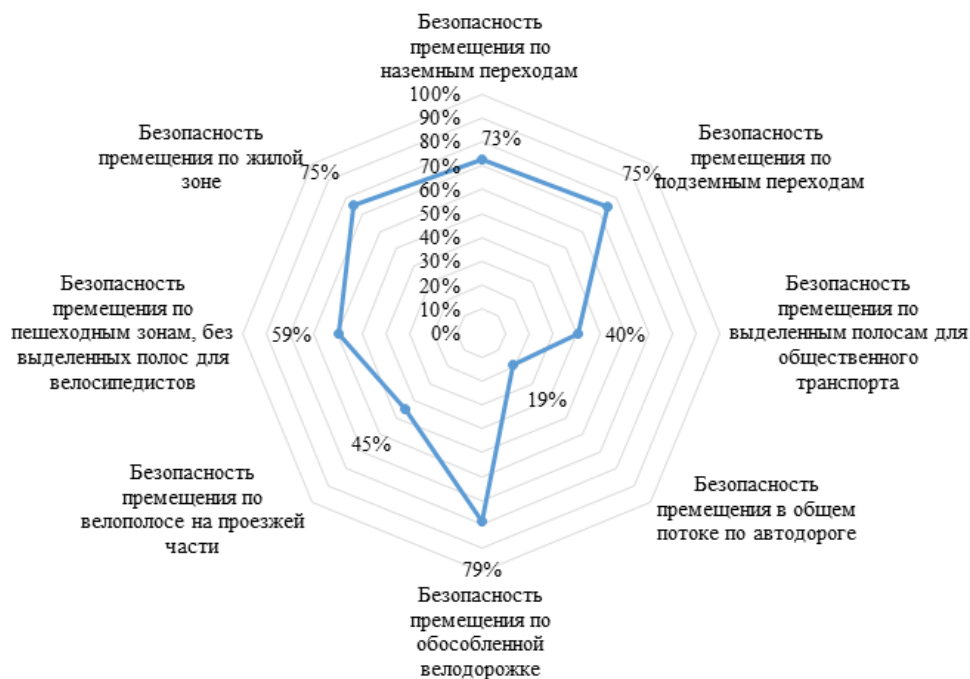
важной транспортной системой для жителей города Москвы. При наличии парковок и безопасных велодорожек появляется новая возможность для осуществления мультимодальных поездок.

Наиболее существенным для беспрепятственного движения является недостаток велосодорожек для свободного перемещения (более 6 баллов отметили только 42% респондентов), а также высокая частота спешивания (только 40% респондентов дали оценку более 6 баллов).

Серьезной проблемой для движения является наличие пешеходов на пути следования велосипедистов (только 35% дали оценку более 6 баллов). Ее решением может стать организация движения велосипедистов, исключая конфликт с пешеходами, а также наличие информационных и предупредительных знаков и указателей.

В категории показателей «Привлекательность» наиболее проблемным остается вопрос сохранности имущества на городских парковках. Воспринимаемый уровень сохранности личного имущества (велосипеда) у дома или на велопарковке и на открытой парковке в городе крайне низкий: только около 30% респондентов оценили уровень сохранности личного имущества как достаточный. Небезопасность хранения личных велосипедов может стать существенным ограничением. В определенной степени эта проблема может быть решена с помощью применения камер видеонаблюдения или установкой «умных замков» – достаточно эффективных противоугонных средств.

³¹ Методические рекомендации по разработке и реализации мероприятий по организации дорожного движения. Требования к планированию развития инфраструктуры велосипедного транспорта поселений, городских округов в Российской Федерации. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71903780/> (дата обращения: 12.11.2018)

Разработано авторами.

Рис. 6. Воспринимаемый уровень безопасности велоинфраструктуры

Developed by the authors.

Fig. 6. Composite measure of safety of bicycle infrastructure

В категории «Удобство» анализ результатов опроса показал, что начальный и завершающий этапы поездки наименее комфортны для велосипедистов. Неудовлетворительные условия парковки велосипедов в начале и в конце поездки, отсутствие условий для переодевания и проведения гигиенических процедур являются серьезным препятствием для использования велосипеда как равноценного автомобилю вида транспорта.

Выводы

Проведенные исследования показали, что развитие велотранспортной инфраструктуры города должно осуществляться в рамках программ и мероприятий развития транспортной системы города с установлением плановых значений показателей. Для оценки эффективности мероприятий и планирования направлений развития велотранспортной инфраструктуры, ориентированной на повышение мобильности горожан, предложена концептуальная модель управления по целям. Выбор групп показателей основывается на рекомендациях и опыте европейских государств, продемонстрировавших рост велотранспортной инфраструктуры и активность населения по ее использованию, а также на опыте применения маркетингового подхода к оценке уровня развития транспортной системы г. Москвы.

Управление развитием велотранспортной инфраструктуры по нескольким приоритетным целям не меняет методику мониторинга, но использует различные методы и подходы к сбору первичных данных и методам их обработки.

Тестирование методики для оценки интенсивности движения велотранспорта и выявления характеристик участников велосипедного движения проводилось в репрезентативных точках учета и точках учета, в которых планируется модернизация велотранспортной инфраструктуры. Тестирование методики оценки воспринимаемого уровня развития велотранспортной инфраструктуры осуществлялось применительно к цели «Управление развитием велотранспортной инфраструктуры».

Апробация методики мониторинга подтвердила возможность и целесообразность ее применения для контроля достигнутых результатов, а также для выявления зон и объектов велотранспортной инфраструктуры, в наименьшей степени удовлетворяющих пользователей велотранспортной инфраструктуры. Сформированные значения показателей по результатам исследования 2018 г. могут являться базовыми / начальными для последующих циклов мониторинга.

Список литературы

1. Боровских О.Н. Развитие велоинфраструктуры как решение транспортных и экологических проблем современного города // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 15. С. 2263–2276. DOI: <https://doi.org/10.18334/rp.18.15.38172>
2. Вагнер Е.А. Вело-пешеходные коммуникации крупных градостроительных систем // Журнал Сибирского Федерального университета. Серия: техника и технологии. 2010. Том 3. № 2. С. 229–242. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=14453178>
3. Peppas M.V., Bell D., Komar T., Xiao W. Urban traffic flow analysis based on deep learning car detection from CCTV image series // ISPRS – International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2018. Vol. XLII-4. P. 499–506. DOI: <https://doi.org/10.5194/isprs-archives-xlii-4-499-20184>
4. Götschi T., Garrard J., Giles-Corti B. Cycling as a part of daily life: A review of health perspectives // Transport Reviews. 2016. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1080/01441647.2015.1057877>
5. Magagnin R., Silva A. The perception of the expert on urban mobility theme // Magazine Transport. 2008. Vol. 16, № 1. DOI: <https://doi.org/10.14295/transportes.v16i1.13>
6. Dimitrov D., Zlateva P., Velev D.A. Methodology for Designing an Information System for Road Infrastructure Monitoring and Traffic Management in Disasters // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2018. № 167(1), 012044. DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/167/1/012044>
7. Nuñez J.Y.M., Teixeira I.P., Silva A.N.R., Zeile P., Dekoninck L., Botteldooren D. The influence of Noise, Vibration, Cycle paths, and Period of Day on Stress Experienced by Cyclists // Sustainability. 2018. 10. 2379. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10072379>
8. Евсеева А.И. Мониторинг велосипедного трафика в условиях города // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 82–108. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30519141>
9. Намиот Д.Е., Куприяновский В.П., Карасев О.И., Синягов С.А., Добрынин А.П. Велосипеды в Умном Городе // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Т. 4. № 10. С. 9–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27191891>
10. Danielis R., Rotaris L., Monte A. Composite indicators of sustainable urban mobility: Estimating the rankings frequency distribution combining multiple methodologies // International Journal of Sustainable Transportation. 2018. Vol. 12, Iss. 5. P. 380–395. DOI: <https://doi.org/10.1080/15568318.2017.1377789>
11. Cusatella C., Giacalone M., Troisic A. The citizen satisfaction survey on the local public transport in Bologna. // Electronic Journal of Applied Statistical Analyses. 2016. Vol. 09, № 04. pp. 623–636. DOI: <https://doi.org/10.1285/i20705948v9n4p623>
12. Кужелев П.Д. Комплексное управление мегаполисом // Госсоветник. 2015. №3 (11). С. 14–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnoe-upravlenie-megapolisom>
13. Жигалина Г.В., Жигалина Э.В., Маркин И.В. Рационализация планировочной организации территории города с учетом размещения велотранспортной инфраструктуры // Градостроительство. 2016. № 1(41). С. 72–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25834025>
14. Цокур А.В., Денисенко Е.В. Принципы поэтапного внедрения велосипедной инфраструктуры в городскую среду // Известия КазГАСУ. 2017. №4 (42). С. 117–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-poetapnogo-vnedreniya-velosipednoy-infrastruktury-v-gorodskuyu-sredu>
15. Biernat E., Buchholtz S., Bartkiewicz P. Motivations and barriers to bicycle commuting: Lessons from Poland // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior. 2018. Vol. 55. P. 492–502. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trf.2018.03.024> (дата обращения: 29.05.2018).
16. Krizek K.J., Stonebraker E.W. Assessing Options to Enhance Bicycle and Transit Integration // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2011. № 2217. P. 162–167. DOI: <https://doi.org/10.3141/2217-20> (дата обращения: 02.02.2018)
17. Лукина А.Н. Перспективы и ограничения, иллюзии и факты развития велотранспорта в Москве // Russian Journal of Management. 2016. Том 4. № 3. С. 271–280. DOI: <https://doi.org/10.12737/21954>
18. Цветков В.Я. Многоцелевое управление // European Journal of Economic Studies. 2012. Т. 2. № 2. С. 140–143. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18830816_11625649.pdf

Об авторах:

Завьялов Дмитрий Вадимович, заведующий кафедрой предпринимательства и логистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Москва, Стремянный пер., 36), Москва, Российская Федерация, кандидат экономических наук, ResearcherID: G-1642-2017, Zavyalov.DV@rea.ru

Сагинова Ольга Витальевна, профессор кафедры предпринимательства и логистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Москва, Стремянный пер., 36), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, Saginova.OV@rea.ru

Завьялова Надежда Борисовна, доцент кафедры предпринимательства и логистики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Москва, Стремянный пер., 36), Москва, Российская Федерация, кандидат технических наук, Zavyalova.NB@rea.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Borovskikh O.N. Development of bicycle infrastructure as a solution to transport and environmental problems of modern city. *The Russian Journal of Entrepreneurship*. 2017; 18(15):2263–2276. DOI: <https://doi.org/10.18334/rp.18.15.38172> (in Russ.)
2. Vagner E.A. Bicycle&Pedestrian Network of Large Urban Systems. *Journal of Siberian Federal University*. 2010; 3(2):229–242 (in Russ.)
3. Peppas M.V., Bell D., Komar T., Xiao, W. Urban traffic flow analysis based on deep learning car detection from CCTV image series. *ISPRS – International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*. 2018; XLII-4:499–506. DOI: <https://doi.org/10.5194/isprs-archives-xlii-4-499-2018> (in Eng.)
4. Götschi T., Garrard J., Giles-Corti B. Cycling as a part of daily life: A review of health perspectives. *Transport Reviews*. 2016; 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1080/01441647.2015.1057877> (in Eng.)
5. Magagnin R., Silva A. The perception of the expert on urban mobility theme. *Magazine Transport*. 2008; 16(1). DOI: <https://doi.org/10.14295/transportes.v16i1.13> (in Eng.)
6. Dimitrov D., Zlateva P., Velez D.A. Methodology for Designing an Information System for Road Infrastructure Monitoring and Traffic Management in Disasters. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2018; 167(1):012044. DOI: <https://doi.org/10.1088/1755-1315/167/1/012044> (in Eng.)
7. Nuñez J.Y.M., Teixeira I.P., Silva A.N.R., Zeile P., Dekoninck L., Botteldooren D. The influence of Noise, Vibration, Cycle paths, and Period of Day on Stress Experienced by Cyclists. *Sustainability*. 2018; 10:23–79. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10072379> (in Eng.)
8. Evseeva A.I. Bicycle Traffic Monitoring in a City. E-journal. *Public Administration*. 2017; (64):82–108 (in Russ.)
9. Namiot D.E., Kupriyanovsky V.P., Karasev O.I., Sinyagov S.A., Dobrynin A.P. Bicycles in the Smart City. *International Journal of Open Information Technologies*. 2016; 4(10):9–14. DOI: <http://injoit.org/index.php/j1/article/view/338> (in Russ.)
10. Danielis R., Rotaris L., Monte A. Composite indicators of sustainable urban mobility: Estimating the rankings frequency distribution combining multiple methodologies. *International Journal of Sustainable Transportation*. 2018; 12(5):380–395. DOI: <https://doi.org/10.1080/15568318.2017.1377789> (in Eng.)
11. Cusatella C., Giacalone M., Troisic A. The citizen satisfaction survey on the local public transport in Bologna. *Electronic Journal of Applied Statistical Analyses*. 2016; 09(04):623–636. DOI: <https://doi.org/10.1285/i20705948v9n4p623> (in Eng.)
12. Kuzhelev P.D. Integrated management of the megalopolis. *State adviser*. 2015; 3(11):14–18 (in Russ.)
13. Zhegalina G.V., Zhegalina E.V., Markin I.V. Rationalization of the planning organization of the territory of the city based on the location of cycle infrastructure. *City and Town Planning*. 2016; (141):72–83 (in Russ.)
14. Tsokur A.V., Denisenko E.V. The principles of stage-by-stage introduction of bicycle infrastructure to the urban environment. *Izvestiya KAZGASU*. 2017; 4(42):117–128 (in Russ.)
15. Biernat E., Buchholtz S., Bartkiewicz P. Motivations and barriers to bicycle commuting: Lessons from Poland. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behavior*. 2018; (55):492–502. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trf.2018.03.024> (in Eng.)
16. Krizek K.J., Stonebraker E.W. Assessing Options to Enhance Bicycle and Transit Integration. *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*. 2011; (2217):162–167. DOI: <https://doi.org/10.3141/2217-20> (in Eng.)
17. Lukina A.N. Prospects and limitations, illusions and facts for the development of Cycling in Moscow. *Russian Journal of Management*. 2016; 4(3):271–280. DOI: <https://doi.org/10.12737/21954> (in Russ.)
18. Tsvetkov V.Ya. Multipurpose Management. *European Journal of Economic Studies*. 2012; 2(2):140–143 (in Russ.)

About the authors:

Dmitry V. Zavyalov, Head of entrepreneurship and logistics department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997), Moscow, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, **ResearcherID: G-1642-2017**, Zavyalov.DV@rea.ru

Olga V. Saginova, Professor of entrepreneurship and logistics department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Saginova.OV@rea.ru

Nadezhda B. Zavyalova, Assistant Professor, Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418), Moscow, Russian Federation, Candidate of Technical Sciences, Zavyalova.NB@rea.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 338.22

JEL: K20, K23, L50, L51

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.84-98

Оценка качества деловой среды через восприятие бизнеса в рамках проводимой реформы контрольно-надзорной деятельности государства

Ирина Владимировна Вякина¹

¹ Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия

170026, г. Тверь, набережная Афанасия Никитина, д. 22

E-mail: ivyakina@yahoo.com

Поступила в редакцию: 11.02.2019; одобрена: 27.02.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: Основная цель работы состоит в исследовании влияния субъективного восприятия контрольно-надзорных мероприятий представителями бизнеса региона на качество деловой среды в рамках проводимой реформы контрольно-надзорной деятельности государства. Для достижения поставленной цели в статье решены следующие задачи: выявлены ключевые факторы, определяющие качество деловой среды и восприятие предпринимателями экономической политики государства; оценено восприятие предпринимателями деятельности государства по реформированию государственного контроля (надзора) на территории Тверской области; определены основные проблемы, возникающие в ходе реализации мероприятий государственного контроля (надзора); разработаны предложения по их устранению.

Методология проведения работы: Исследование основано на систематизации и анализе результатов социологических опросов, направленных на оценку влияния государственного и муниципального контроля (надзора) на бизнес, которые проводились в Тверской области на протяжении трех лет (с 2016 г. по 2018 г.) и охватили более трехста руководителей малых, средних и крупных предприятий всех муниципальных образований области. В ходе исследования выполнен контент-анализ нормативно-правовой базы и экономико-статистическая оценка результатов социологических опросов; применены табличные и графические методы визуализации данных.

Результаты работы: Несмотря на реализацию реформы и отмечаемое предпринимателями сокращение количества проверок в Тверской области, анализ результатов опроса предпринимателей говорит о противоречивой ситуации в административных условиях деловой среды. В субъективном восприятии предпринимателей уменьшения административной нагрузки на бизнес не происходит. При этом сохраняются стабильная ориентация проверяющих на взыскание штрафов и фискальная направленность проверок.

Выводы: Концептуальный подход к реализации проводимой реформы контрольно-надзорной деятельности государства предполагает выявление и устранение барьеров административного характера при активном участии бизнес-сообщества. По своему субъективному восприятию предприниматели не ощущают уменьшения административной нагрузки на бизнес. Восприятие контрольно-надзорных мероприятий представителями бизнеса в значительной мере определяет качество деловой среды, которая оказывает существенное влияние на мотивацию и результаты деятельности хозяйствующих субъектов. В настоящий момент, по мнению бизнес-сообщества, изменения принципиальной модели осуществления контрольно-надзорной деятельности государства не ощущается.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность государства, реформа государственного управления, деловой климат, административная нагрузка на бизнес, экономическая безопасность предпринимательства

Благодарность. Автор выражает особую благодарность и глубокую признательность доктору экономических наук, профессору Марголину Андрею Марковичу за существенную помощь, рекомендации и ценные замечания при планировании и проведении исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00032.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, в том числе, связанного с финансовой поддержкой РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00032.

Для цитирования: Вякина И. В. Оценка качества деловой среды через восприятие бизнеса в рамках проводимой реформы контрольно-надзорной деятельности государства // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 84–98.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.84-98>

© Вякина И. В., 2019

Evaluation of the business environment quality through the perception of business as part of the ongoing reform of the state supervisory oversight reform

Irina V. Vyakina¹

¹Tver State Technical University, Tver, Russian Federation
22, Afanasy Nikitin Embankment, Tver, 170026
E-mail: ivyakina@yahoo.com

Submitted 11.02.2019; revised 27.02.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: the current research aims to study the influence of the subjective perception of control and supervisory activities by regional business on the business environment quality as part of the ongoing state control and supervisory activities reform.

The article has solved the following tasks: key factors determining the quality of the business environment and the perception by entrepreneurs of the state economic policy have determined; entrepreneurs' perception of the state activity in reforming state control (supervision) in the Tver region has assessed; main problems arising during the implementation of state control (supervision) measures have identified; ways have proposed for their elimination.

Methods: study based on systematization and analysis of the results of sociological polls to assess the impact of state and municipal control (supervision) on business, which conducted in Tver region for three years (from 2016 to 2018) and covered more than three hundred heads of small, medium and large enterprises of all municipalities of the region. Content analysis of the regulatory framework and economic and statistical evaluation of the results of sociological surveys carried out; tabular and graphical data visualization methods applied.

Results: despite the implementation of the reform and the reduction in the number of inspections in Tver region, an analysis of the results of a survey of entrepreneurs indicates a contradictory situation in the administrative conditions of the business environment. There is no reduction in the administrative burden on business in the subjective perception of entrepreneurs. At the same time, the firm orientation of inspectors for the collection of fines and the fiscal orientation of inspections remains.

Conclusions and Relevance: conceptual approach to the implementation of the ongoing reform of state control and supervision activities involves the identification and elimination of administrative barriers with the active participation of the business community. Entrepreneurs do not feel the reduction of administrative burden on business according to their subjective perception. The perception of control and supervisory measures by business representatives determines the quality of the business environment, which has a significant impact on the motivation and performance of business entities. There is no change in the fundamental model for the implementation of state control and supervisory activities according to the business community.

Keywords: state supervisory and oversight, public administration reform, business climate, administrative burden on business, economic security of entrepreneurship

Acknowledgments. The author express gratitude and deep appreciation to Doctor of Economics, Professor Andrey M. Margolin for the substantial assistance, recommendations and valuable comments on the paper.

The research was supported by RFBR, project No. 19-010-00032.

Conflict of Interes. The author declares that there is no Conflict of Interest, including those related to the financial support of RFBR (project No. 19-010-00032).

For citation: Vyakina I. V. Evaluation of the business environment quality through the perception of business as part of the ongoing reform of the state supervisory oversight reform. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):84–98. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.84-98>

Введение

Несмотря на предпринятые шаги по реформированию контрольно-надзорной деятельности, функции контроля и надзора, осуществляемые государством, остаются одной из самых болевых точек соприкосновения интересов государства и бизнеса. С одной стороны, идет реформирование государственного контроля в целях снижения административной нагрузки на бизнес и процесс реализации ряда законодательных инициатив Пре-

зидента и Правительства Российской Федерации. С другой стороны, по восприятию представителей бизнеса, происходит усиление контрольно-надзорных функций государства.

Начиная с 2012 г. вопросы реформирования контрольно-надзорной деятельности ежегодно поднимаются в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию. «Поручаю Правительству внести предложения по изменению самих принципов работы контрольных органов. Неприемлемо,

когда показателем деятельности контрольных органов служит не результат, а просто число проверок, классическая «палочная» система»¹. В 2018 г. Президент еще раз подчеркнул, что «количество проверок вроде бы снижается, но в ходе встреч с бизнесом мы видим, что значимых изменений пока нет»². Таким образом, сама идея текущей реформы контрольно-надзорной деятельности изначально направлена на снижение уровня административной нагрузки на бизнес.

И в то же время, предприниматели сегодня указывают на рост административной нагрузки, которая проявляется в осуществляемых государством мерах по укреплению налогового администрирования как на федеральном, так и на региональном уровнях, росте влияния силовых структур и законодательном расширении их прав (например, при расследовании налоговых правонарушений), в усилении контроля за поведением экономических агентов и увеличении концентрации централизованно распределяемых ресурсов.

Результативность и эффективность контрольно-надзорной деятельности оценивается с позиций оптимизации распределения трудовых, материальных и финансовых ресурсов государства, но, в то же время, очевидно, что контрольно-надзорная деятельность государства должна осуществляться в соответствии с принципом предотвращения необоснованного вмешательства контрольно-надзорных органов в деятельность подконтрольных субъектов.

Соотношение между административными и рыночными методами регулирования экономики, государственным вмешательством в экономику до сих пор является предметом многочисленных дискуссий, причем проблема адекватности и действенности регулирования со стороны государства остается актуальной для обсуждения. Государственное регулирование экономики осуществляется, главным образом, через влияние государства на бизнес и население. В то же время, экономическое положение страны и интересы ее населения должны играть определяющую роль при разработке основных направлений экономической политики государства.

Однако проблема повышения предпринимательской активности не может быть адекватно решена без формирования благоприятной деловой среды. Окружающая обстановка, в рамках которой функционирует предприятие, напрямую определяет уровень его экономической безопасности и создает либо нивелирует условия для качественной трансформации и развития. При этом деловая среда, ока-

зывая воздействие на находящиеся в ее пределах объекты, сама постоянно динамично изменяется.

Обзор литературы и исследований. Административное государственное регулирование хозяйственной деятельности, с одной стороны, способно выполнять позитивную роль в повышении экономической активности, а с другой, при определенных условиях создает барьеры и ограничения, препятствующие осуществлению и развитию предпринимательской деятельности.

При этом предпринимательская активность традиционно считается фактором выхода на траекторию устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности бизнеса и государства в целом. Стимулирование экономического роста, сокращение безработицы и повышение благосостояния связываются с активизацией предпринимательской деятельности [1, с. 5280]. Развитие доверия и совместные инициативы государства и бизнеса не только увеличивают уровень рентабельности совместных проектов, но дают возможность распределять риски, обеспечивая получение дополнительных выгод для каждой из сторон [2, с. 55]. Отношения доверия в бизнесе строятся на основе репутации участников соглашения и имеющегося у них опыта взаимодействий [3, с. 714].

Причем, как отмечают некоторые авторы [4, с. 500], культурные, ментальные и социальные факторы (предварительный опыт альянса с партнером, культурная чувствительность, репутация партнера, ожидаемая долговечность сотрудничества) имеют большее значение для укрепления доверия в бизнесе, чем структура собственности, взаимозависимость и доля владения. Представляется, что подобный подход распространяется и на отношения бизнеса и государства.

В нашей стране уровень доверия предпринимателей государству остается крайне низким. Это можно связать как с репутацией сторон и отсутствием опыта успешного долгосрочного сотрудничества, так и с изменчивостью нормативно-правовых актов, условий осуществления хозяйственной деятельности и частой сменой лиц, принимающих решения со стороны государства.

Как утверждают авторы исследования [5], в условиях институциональных пустот и при недостаточном развитии формальных институтов в странах с переходной экономикой уверенность предпринимателей зависит также от наличия политических связей у представителей бизнеса [5, с. 405]. Нали-

¹Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. URL: www.kremlin.ru (дата обращения 08.01.2019)

²Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. URL: www.kremlin.ru (дата обращения 08.01.2019)

чие таких связей и политическая поддержка могут способствовать повышению уверенности и доверия предпринимателей, и напротив, предприниматели, которые не имеют подобных возможностей, в основном видят угрозы во взаимоотношениях с государством и, таким образом, не рассматривают перспектив роста бизнеса.

В то же время государственная экономическая политика, в том числе регулятивная, оказывает сильное влияние на предпринимательскую активность [6, с. 14]. Рассматривая функции государства или правительства относительно степени допустимого вмешательства в экономику, В.Л. Тамбовцев оценивает лица, принимающие решения, как совокупность индивидов, которые имеют возможность определять официальные решения относительно введения и реализации тех или иных регуляторных функций. По мнению автора, государство аккумулирует значительные объемы ресурсов, используя их по разным направлениям, являясь таким же агентом экономики, как фирма или корпорация, и отличается от них тем, что, кроме прямого владения и распоряжения большими объемами ресурсов, обладает легитимной возможностью устанавливать и менять правила, по которым действуют все агенты экономики [7, с. 34].

Исследователи оценивают правовые факторы деловой среды для предпринимателей с точки зрения действия механизмов защиты прав интеллектуальной собственности [8, с. 809], отсутствия практики неофициальных платежей, разнообразных форм возврата денежных средств или вымогательств, которые снижают рентабельность капитала и увеличивают издержки на ведение бизнеса [9, с. 87] и имеющейся у предпринимателей склонностью к коррупции и теневым отношениям [10, с. 77]. Причем по утверждению П. Дикель и П. Граффа, коррупция тем более вероятна, чем выше ожидаемая экономическая прибыль [10, с. 85]. Практика пренебрежения предпринимателей правовыми нормами и их готовность нести дополнительные издержки, связанные с подкупом должностных лиц, обусловлена ожидаемыми экономическими выгодами и высокой вероятностью того, что данные действия позволят получить значительную прибыль в будущем. Помимо стадии развития страны и уровня ее благосостояния, большое влияние на деловую среду оказывают национальная ментальность, культура, предпринимательские установки и отношение к риску. Оценка предпринимателями эффективности своей хозяйственной деятельности, восприятие ими риска и их сочетание определяют логику принятия решений в бизнес-среде [11, с. 271].

Э. де Сото утверждает, что в странах с неразвитой институциональной системой значительную роль играют неформальные (теневые) секторы эконо-

мики, которые являются попыткой создать структуру для обмена [12, с. 7]. Позитивное отношение предпринимателей к экономической политике и наличие у них политических связей, наряду с уровнем институционального развития территории, стимулирует их экономическую активность.

Предпринимательский климат, как характеристика устойчивых состояний деловой среды, определяет самовосприятие предпринимательства и его статус в обществе, возможности открытия нового бизнеса, уровень риска, страх неудачи и намерения предпринимателей [13, с. 428].

И.В. Бондаренко использует понятие «административная среда территории» для характеристики «сложившейся системы взаимоотношений предпринимательских структур с органами власти, осуществляющими контрольно-надзорную, регулируемую и разрешительную функции» [14, с. 31].

В научном сообществе активно обсуждаются вопросы совершенствования системы государственного контроля (надзора) в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности [15, с. 33], создания национальной системы управления рисками, связанной с применением риск-ориентированного подхода в деятельности контрольно-надзорных органов [16, с. 143], ведомственные системы управления рисками [17, с. 377; 18, с. 131], эффективное межведомственное взаимодействие в рамках контрольно-надзорной деятельности [19, с. 15] и другие вопросы реформирования контрольно-надзорной деятельности.

В научных исследованиях разных авторов идет активный поиск способов решения проблем, возникающих в ходе реализации реформы. В частности, Т.А. Левоненкова высказывает позицию, что введение риск-ориентированной модели может повлечь за собой введение новой отчетности, рост административных издержек предприятий и бюджетных расходов [20, с. 140]. Д.Р. Усманова подчеркивает, что сохраняется целый ряд нерешенных вопросов в сфере правового регулирования контрольно-надзорной деятельности: многие виды государственного контроля (надзора) осуществляются в условиях правового вакуума, что «может приводить к возникновению дублирования полномочий между различными контрольными органами, проверке соблюдения одних и тех же обязательных требований в рамках различных видов государственного контроля, избирательному правоприменению», «новые контрольные функции устанавливаются ситуативно в разрозненных нормативных правовых актах; предметы контроля в рамках различных видов четко не отмежеваны друг от друга; количество видов государственного контроля постоянно увеличивается» [21, с. 176]. В.П. Уманская высказывает опасение, что отсут-

ствие единообразного механизма актуализации обязательных требований, установленных федеральными законодательными актами, и способов их взаимосвязи с установленными административными регламентами проведения каждого из видов контроля может привести к тому, что «органы государственного контроля (надзора) будут основываться в своей деятельности исключительно на внутриведомственных административных регламентах, которые будут слабо связаны с общеобязательными требованиями, предъявляемыми действующим законодательством» [22, с. 44].

Зачастую авторы рассматривают изучаемые вопросы в различных ракурсах, с учетом имеющегося у них опыта и компетенций, тем не менее, исследование подобных возникающих проблем с разных сторон представляется безусловно необходимым.

Обеспечение синхронности реализации программы в субъектах РФ и повышение качества реализации контрольно-надзорных полномочий на региональном и муниципальном уровнях осложняется существенной дифференциацией регионов по уровню развития предпринимательской активности.

Материалы и методы. По инициативе Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Тверской области А.В. Стамплевского с 2016 по 2018 гг. проводились социологические исследования, посвященные анализу влияния государственного и муниципального контроля (надзора) на бизнес на территории Тверской области и изменения административной нагрузки на бизнес за последние три года в рамках проводимой реформы контрольно-надзорной деятельности государства.

В проведении исследований принимало участие более трехста респондентов – руководители малых, средних и крупных предприятий Тверской области, включая хозяйствующие субъекты различных видов экономической деятельности и организационно-правовых форм. Целью исследования являлось получение информации о взаимодействии бизнеса с контрольно-надзорными органами в Тверской области и восприятии предпринимателями влияния контрольно-надзорных мероприятий на работу предприятий. Следует отметить, что в опросе принимали участие представители бизнеса всех муниципальных образований Тверской области. На основе анализа, обобщения и систематизации результатов опроса представителей бизнеса выявлены основные характеристики, определяющие отношение предпринимателей к контрольно-надзорной деятельности государства, а также исследован ход протекания реформы глазами бизнеса.

В ходе исследования выполнен контент-анализ нормативно-правовой базы и экономико-статистическая оценка результатов социологических опросов; использовались табличные и графические методы визуализации данных. Для решения поставленных задач применялись традиционные методы научного анализа, экономической и математической статистики, логического анализа, графического и экономико-математического моделирования.

Результаты исследований

В российской экономике на протяжении последних 10-ти лет происходят серьезные политические и институциональные изменения, оказывающие влияние на условия ведения бизнеса. Вопросы оптимизации государственного контроля и надзора активно обсуждаются на разных уровнях – начиная с выхода Указа Президента Российской Федерации от 15.05.2008 г. № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» и Федерального закона от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», последующей разработки и утверждения Правительством РФ планов оптимизации государственного регулирования в различных отраслях и плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации на 2016–2017 гг. (распоряжение от 01.04.2016 г. № 559-р) и до принятия в конце декабря 2016 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» сроком реализации до 2025 г. Проект Федерального закона № 332053-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», принятом Государственной Думой РФ в первом чтении 21.02.2018 г.

В Финансово-экономическом обосновании к Проекту Федерального закона № 332053-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» приводятся сведения о том, что в системе контрольно-надзорных органов на федеральном уровне работает более 200 тыс. человек, совокупные расходы на данную деятельность составляют более 500 млрд рублей в год; издержки бизнеса от избыточного административного давления оцениваются от 2 до 5% ВВП, что в денежном выражении соответствует от 1,5 до 3,5 трлн рублей. Недостаточная эффективность государственного контроля (надзора) стоит государству сотен тысяч жизней (особенно в результате последствий пожаров, чрезвычайных

ситуаций, дорожно-транспортных происшествий и отравлений контрафактным алкоголем), миллионов пострадавших, ста миллиардов бюджетных расходов и нескольких триллионов материального ущерба и издержек бизнеса³.

Роль государства в регулировании условий осуществления предпринимательской деятельности и создании делового климата связана с установкой правил получения лицензий и регистрации бизнеса, с контролем за соблюдением законодательства, действующих нормативно-правовых норм и уплатой налогов. В том числе – с мерами, направленными на создание конкурентной среды и комфортных условий для ведения малого бизнеса и устранение недобросовестной конкуренции; обеспечение недискриминационного доступа к инфраструктуре рынка и соблюдение антимонопольного законодательства; развитие розничных рынков. Однако отношение бизнеса к экономической политике государства, его культурные, ментальные и субъективные установки определяют мотивацию и поведение предпринимателей. В этой связи представляется крайне важным оценить характер восприятия бизнесом государственной деятельности в рамках создания благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности и снижения административной нагрузки на бизнес в ходе проводимой реформы государственного контроля.

Степень участия респондентов в контрольно-надзорных мероприятиях в Тверской области можно

оценить по количеству проведенных проверок в 2016–2018 гг. Распределение респондентов по количеству проведенных проверок представлено в табл. 1.

Об отсутствии проверок указали 60,8% респондентов в 2018 г., 35,1% и 31,7% респондентов в 2017 и 2016 гг. соответственно. Это свидетельствует о достаточно существенном снижении интенсивности контрольно-надзорных мероприятий по отношению к компаниям на территории Тверской области за указанный период.

Ответы респондентов, попадавших под мероприятия контрольно-надзорных органов в 2017–2018 гг., по конкретным видам проверок представлены в табл. 2.

Если в 2016 г. респонденты отмечали, что наибольшее количество проверок было плановым (для 70,5% респондентов из числа компаний, попавших под проведение проверки в 2016 г., они были плановыми, а для 43,2% – внеплановыми), то в 2017 и 2018 гг. количество плановых и внеплановых проверок (с учетом повторных внеплановых проверок) примерно сравнялось. Кроме того, наблюдается увеличение удельного веса прокурорских проверок в их общем объеме.

Однако, несмотря на наблюдаемое уменьшение удельного веса предпринимателей, проходивших проверки в 2016 г. по сравнению с 2017 г. и в 2017 г. по сравнению с 2018 г, ответы предприни-

мателей показывают, что ни снижения количества проверок, ни административного давления на бизнес его представители не ощущают.

В табл. 3 представлено мнение респондентов об изменении количества плановых и внеплановых проверок в 2017–2018 гг. по сравнению с прошлым годом.

По своим субъективным ощущениям предприниматели не видят уменьшения административной нагрузки на бизнес, а субъективные показатели, основанные на мнении представителей бизнеса, меняются гораздо медленнее.

Кроме того, по мнению представителей бизнеса, на фоне сокращения плановых проверок контрольно-надзорные органы увеличивают долю внеплано-

Таблица 1

Распределение респондентов по количеству проведенных проверок в 2016–2018 гг.
(в процентах к числу респондентов)

Table 1

Distribution of respondents by the number of inspections conducted in 2016–2018
(as a percentage of the number of respondents)

Варианты ответа	2018	2017	2016
Проверки не проводились	60,8%	35,1%	31,70%
Проверки проводились	39,2%	64,9%	68,30%
в том числе			
от 1 до 3	19,1%	42,5%	-
от 4 до 6	5,3%	8,4%	-
от 7 до 10	1,6%	3,3%	-
свыше 10	2,2%	4,3%	-
не указали число проверок	11,0%	6,0%	-

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

³Проект федерального закона № 332053-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». URL: <http://www.komitet4.km.duma.gov.ru/Zakonoproekty/item/15193341/> (дата обращения 08.01.2019)

Таблица 2

Распределение респондентов по видам проведенных в 2016–2018 гг. проверок
(в процентах от количества респондентов, указавших на проведение проверок)

Table 2

Distribution of respondents by types conducted in 2016–2018 inspections
(as a percentage of the number of respondents who indicated inspections)

Варианты ответа	2018 г.	2017 г.	2016 г.
Плановые	59,2%	54,4%	70,5%
Внеплановые	45,6%	47,2%	43,2%
Внеплановые повторные	4,0%	7,2%	-
Документарные (без выезда)	24,8%	22,2%	-
В составе комплексных проверок	4,8%	5,0%	13,1%
Прокурорские проверки	26,4%	15,6%	16,3%
Административные расследования	3,2%	1,7%	5,0%
Проверки получателей бюджетных средств	1,6%	1,1%	10,8%
Рейдовые мероприятия	8,0%	5,6%	11,4%
Оперативно-розыскные действия	0,8%	1,1%	4,7%
Следственные действия	1,6%	3,3%	3,8%

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Таблица 3

Мнение респондентов об изменении количества плановых и внеплановых
проверок по сравнению с прошлым годом
(в процентах от количества респондентов)

Table 3

Opinion of respondents on the change in the number of planned
and unscheduled inspections compared with last year
(as a percentage of the number of respondents)

Варианты ответа	В отношении плановых проверок		В отношении внеплановых проверок	
	2018	2017	2018	2017
Увеличилось	16,0%	14,4%	23,2%	14,7%
Уменьшилось	8,0%	13,7%	8,0%	9,7%
Не изменилось	46,4%	32,4%	28,8%	31,4%
Не вели деятельность в прошлом году	0,0%	1,0%	0,0%	1,3%
Затрудняюсь ответить	23,2%	31,8%	36,0%	34,4%
Не ответили	6,4%	6,7%	4,0%	8,4%

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Напомним, что 15 августа 2017 г. Президент РФ В.В. Путин утвердил перечень поручений о мерах по снижению административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в Российской Федерации, который был опубликован на официальном сайте Кремля. «Правительству Российской Федерации совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации: обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих ограничение количества внеплановых проверок, проводимых каждым органом контроля (надзора) в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ежегодно (не более 30 процентов от количества плановых проверок, предусмотренных ежегодным планом проведения плановых проверок каждого органа контроля (надзора)) в срок до 1 декабря 2017 г.», говорится в тексте поручения⁴. В марте 2018 г. министр по делам открытого правительства М.А. Абызов, выступая на совещании, посвященном вопросам взаимодействия в области защиты прав инвесторов и предпринимателей в Дальневосточном, Сибирском и Уральском федеральных округах, сообщил, что в ближайшее время в законодательство будут внесены изменения, согласно которым число

вых, что подтверждается динамикой отношения внеплановых проверок к плановым, рассчитанного на основании ответов респондентов (табл. 4).

внеплановых проверок бизнеса составит 30% от плановых⁵.

⁴ Перечень поручений о мерах по снижению административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55368> (дата обращения 08.01.2019)

⁵ Число внеплановых проверок бизнеса в РФ составит 30% от плановых. Екатеринбург, ПРАЙМ..30 марта 2018 г. URL: <https://1prime.ru/News/20180330/828660610.html> (дата обращения 08.01.2019)

Соотношение внеплановых и плановых проверок

Таблица 4

Table 4

The ratio of unscheduled inspections with planned inspections

Показатель	2018 г.	2017 г.	2016 г.
Отношение внеплановых проверок к плановым	77,0%	86,7%	61,3%

Рассчитано автором на основе количества проводившихся проверок, указанного респондентами в ходе опроса.

Calculated by the author based on the number of inspections conducted, indicated by the respondents during the survey.

Вместо предлагаемого президентом порогового значения в 30% от числа плановых, доля внеплановых проверок в ходе реформирования контрольно-надзорной деятельности в Тверской области увеличилась с 61,3% в 2016 г. до 86,7% в 2017 г. и 77,0% в 2018 г., о чем свидетельствует опрос предпринимателей. Распределение проверок в период с 2016 по 2018 гг. по контролю-надзорным органам, их проводившим, представлено в табл. 5.

Таблица 5

Ответы респондентов о контрольно-надзорных органах, чаще всего проводивших проверки в 2016–2018 гг.
(в процентах от общего числа проверок)

Table 5

Answers of respondents about control and supervisory authorities, most often conducting inspections in 2016–2018
(as a percentage of the total number of checks)

Контрольно-надзорный орган	2018 г.	2017 г.	2016 г.
на федеральном уровне	72,8%	71,1%	63,1%
МЧС России	7,3%	5,4%	5,2%
Роспотребнадзор	15,4%	13,9%	10,5%
ФНС России	14,2%	13,4%	11,2%
Ростехнадзор	4,9%	5,6%	6,3%
Роструд	1,2%	3,2%	3,7%
МВД России	7,3%	6,2%	5,9%
Прокуратура	12,2%	10,2%	6,0%
Следственный комитет	0,8%	1,3%	0,0%
Россельхознадзор	2,4%	4,6%	4,6%
Росреестр	0,4%	0,3%	2,1%
Ространснадзор	1,2%	1,6%	2,4%
Росприроднадзор	4,1%	2,7%	
на региональном уровне	17,5%	19,8%	24,2%
в сфере природопользования и охраны окружающей среды	4,9%	5,4%	4,5%
в сфере транспорта и дорожного хозяйства	0,8%	2,4%	2,9%
в сфере государственного строительного надзора	0,8%	0,8%	3,1%
в сфере топливно-энергетического хозяйства	0,8%	1,6%	1,3%
в сфере сельского хозяйства и продовольствия	1,6%	1,3%	2,7%
в сфере ветеринарии	2,8%	3,2%	2,1%
в сфере энергетики	1,2%	1,3%	
в сфере жилищного надзора	2,0%	0,3%	
на муниципальном уровне	9,7%	9,1%	12,7%
в сфере строительства и архитектуры	0,8%	1,3%	2,4%
в сфере ЖКХ	1,6%	0,3%	1,2%
в сфере транспорта	1,2%	0,3%	1,7%
в сфере дорожного хозяйства и благоустройства	1,2%	0,8%	1,2%
в сфере торговли и услуг	3,7%	4,6%	4,5%
в сфере земельно-имущественных отношений	1,2%	1,9%	1,6%

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

При сокращении общего числа контрольно-надзорных мероприятий в последние годы наблюдается тенденция уменьшения удельного веса проверок, проводимых на региональном и муниципальном уровне, и увеличения доли проверок, проводимых федеральными органами в общем числе проверок, что косвенно свидетельствует об усилении централизации в контрольно-надзорной деятельности и смещении ответственности на федеральный уровень.

Ряд исследователей, в частности, В.Э. Комов и А.И. Кабалинский [23, с. 160], выступает за передачу отдельных контрольно-надзорных функций с регионального (а иногда и с федерального) на муниципальный уровень. Например, это относится к контрольно-надзорным мероприятиям в сфере контроля за использованием земельных ресурсов и состоянием природной среды. При этом важно отметить, что в настоящее время большинство органов местного самоуправления не обладает необходимым кадровым и ресурсным потенциалом для выполнения таких функций, однако в среднесрочной перспективе, при условии реализации комплексных региональных программ и методической поддержке федеральных органов исполнительной власти, такая задача может быть решена. Кроме того, передача контрольных (надзорных) полномочий на уровень субъекта требует не только повышения квалификации сотрудников территориальных органов контроля (надзора), но и масштабной работы по изменению законодательной базы на федеральном уровне, а впоследствии и на региональном.

На федеральном уровне наибольшее число проверок в 2018 г. приходится на Роспотребнадзор (21,2% от всех проверок на федеральном уровне). На втором месте по количеству осуществленных проверок – ФНС России (19,6% ответов от общего количества проходивших проверку респондентов). На третьем месте – прокуратура (16,8% от проверок на федеральном уровне). На перечисленные органы, по мнению респондентов, в период с 2016 по 2018 гг. приходится больше всего проверок.

По результатам аналогичного опроса, проводимого в 2017 г., ФНС находилась на первом месте. По мнению предпринимателей, налоговые органы играют важнейшую роль в формировании делового климата и занимают одну из ключевых позиций среди контрольно-надзорных органов.

Отметим, что проводимые ФНС в последние годы мероприятия в рамках реформирования налогового контроля значительно отразились на деятельности налоговых органов. В результате применения в процедурах налогового контроля современных информационно-телекоммуникационных систем, программных средств и технологии

больших данных влияние человеческого фактора сводится к минимуму; количество выездных проверок, проводимых налоговыми органами, значительно сокращается. Мониторинг цепочек формирования добавленной стоимости, уплаты налогов и камеральные проверки проводятся без прямого контакта с налогоплательщиком. Использование специализированных информационных систем позволяет пресекать уклонение от уплаты налогов и попытки мошенничества при возмещении уплаченных налогов. Применение технологии передачи информации в налоговые органы с помощью контрольно-кассовой техники помогает контролировать финансовые и товарные потоки и предотвращает возможность уклонения от уплаты налогов. Маркировка отдельных видов продукции (таких, как лекарственные препараты, табачные изделия) обеспечивает большую прозрачность хозяйственных операций и позволяет выявлять модели поведения хозяйствующих субъектов, а также их попытки возможного ухода от уплаты налогов. Проводимые ФНС мероприятия способствовали тому, что последние пять лет темпы роста налоговых поступлений значительно опережали темпы роста доходов консолидированного бюджета Российской Федерации [18, с. 133]. Направления дальнейшего совершенствования деятельности налоговых органов связаны, по мнению Д.К. Груниной, с созданием более комфортной среды для выполнения налогоплательщиками налоговой обязанности, позволяющей обеспечить благоприятные условия для ведения бизнеса и повышения деловой активности.

Кроме того, прослеживается тенденция увеличения удельного веса проверок, проводимых перечисленными органами в динамике. Доля проверок, проводимых Роспотребнадзором, в общем числе проверок увеличилась с 13,9% в 2016 г. до 15,4% в 2018 г.; ФНС России – с 11,2% в 2016 г. до 14,2% в 2017 г. и 13,4% в 2018 г. Это, отчасти, связано со сферами экономической деятельности, которые преобладают в исследуемых предприятиях, поскольку большая часть опрошенных представителей малого и среднего бизнеса занимаются оптовой и розничной торговлей и оказанием потребительских услуг различного характера. На фоне снижения общего количества проверок, наблюдаемого в указанный период, число контрольно-надзорных мероприятий, проводимых перечисленными федеральными органами, снижается в меньшей мере по сравнению с другими надзорными органами.

Отметим также, что в наибольшей степени (более чем в два раза) возрос удельный вес проверок, проводимых прокуратурой. Напомним, что в соответствии федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного

контроля (надзора) и муниципального контроля» № 294-ФЗ от 26 декабря 2008 г. прокуратура наделена специальными полномочиями по проверке законности действий государственных и муниципальных органов при осуществлении ими контрольной и надзорной деятельности.

Роль прокураторы и ее особый статус в рамках контрольно-надзорной деятельности вызывают дискуссии в научном сообществе. Так, Л.Н. Вахрамеева считает особый статус прокуратуры в РФ оправданным, объясняя это исторической ролью прокуратуры в нашей стране как государственного органа, осуществляемого надзор, в том числе в отношении государственных и территориальных органов контроля (надзора) и органов исполнительной власти [24, с. 51]. Между тем, М.Г. Щербаков указывает на несовершенство процедуры нормативного регламентирования прокурорских проверок и правового регулирования прокурорского надзора в организационно-правовом аспекте, связанное с особым статусом органов прокуратуры по отношению к другим контролирующим государственным органам [25, с. 107]. В то же время, В.Н. Барсукова подчеркивает, что прокуратура находится в неразрывной связи со всеми элементами структуры государственных органов, поэтому организация и деятельность прокуратуры не может осуществляться в отрыве от принципов, присущих организации и функционированию всего государственного механизма [26, с. 58].

На региональном уровне самыми упоминаемыми в ответах респондентов являются контрольно-надзорные органы в сфере природопользования и охраны окружающей среды (27,9% проверок на региональном уровне) и в сфере ветеринарии (16,3% региональных проверок). На муниципальном уровне чаще всего упоминаются контрольно-надзорные органы в сфере торговли и услуг (37,5% от муниципальных проверок) и в сфере земельно-имущественных отношений (16,7% от проверок на муниципальном уровне).

В качестве существенного недостатка осуществления контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации В.Э. Комов и А.И. Кабалинский называют дублирование мероприятий, проводимых федеральными и региональными органами в рамках контроля и надзора [23, с. 162]. Чтобы устранить дублирование контрольно-надзорных функций, они предлагают организовывать проведение комплексных проверок федеральными органами совместно с региональными и муниципальными структурами, выполняющими функции контроля и надзора, либо создавать объединенные региональные инспекции по проведению комплексных проверок, когда смежные виды надзора объединяются в единые экспертные группы. Такая практика уже реализована в ряде субъектов РФ, например, в Москве и Ульяновской области.

Одно из направлений снижения административной нагрузки на бизнес в ходе реформирования

Таблица 6

Распределение ответов респондентов о видах применявшихся к их компаниям административных наказаний в 2016–2018 гг. (в процентах от количества респондентов)

Table 6

Distribution of respondents' answers on the types of administrative penalties applied to their companies in 2016–2018 (as a percentage of the number of respondents)

Варианты ответа	2018	2017	2016
Предупреждение	41,6%	29,1%	19,9%
Административный штраф	40,8%	36,1%	38,2%
Административное наказание не применялось	15,2%	21,4%	14,3%
Административное приостановление деятельности	2,4%	1,0%	0,2%
Лишение специального права (лицензии)	1,6%	0,0%	0,2%
Другое	1,6%	1,0%	1,2%
Конфискация орудия совершения или предмета совершения правонарушения	0,0%	0,7%	1,4%
Дисквалификация должностных лиц	0,0%	0,0%	0,0%
Административный арест	0,0%	0,0%	0,0%

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

контрольно-надзорной деятельности – обеспечение возможности замены административных штрафов на предупреждения. В отношении компаний-респондентов наиболее часто применялись административные наказания в виде предупреждений (41,6%) и административных штрафов (40,8% респондентов), см. табл. 6. При этом доля респондентов, для которой при проверке использовалось предупреждение в 2018 г., существенно выросла по сравнению с аналогичными показателями в 2017 и 2016 гг.: с 19,9% в 2016 г. до 29,1% в 2017 г. и 41,6% в 2018 г.

Примечательно, что, в связи с проводимой реформой и декларированной ориентацией на вынесение предупреждений вместо штрафов, число предупреждений увеличилось, но при этом доля штрафов не умень-

Таблица 7

Ответы респондентов об их попытках оспаривать выявленные нарушения и наложенные по результатам проверок штрафы в 2017–2018 гг. (в процентах от количества респондентов)

Table 7

Answers of respondents about their attempts to challenge the revealed violations and fines imposed on the results of inspections in 2017–2018 (as a percentage of the number of respondents)

Варианты ответа	2018	2017
Да, обращались и добились признания своей правоты	7,2%	7,7%
Да, но нам не удалось доказать свою правоту	5,6%	4,0%
Нет, не пытались, так как выявленные нарушения и штрафы справедливы	26,4%	18,4%
Нет, не пытались, так как вышестоящие органы сами заинтересованы	4,8%	4,3%
Нет, из опасения более пристрастного отношения к нам	9,6%	8,4%
Нет (другие причины)	36,0%	39,5%
Нет ответа	10,4%	17,7%

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

шилась, а наоборот – возросла. То есть возникает впечатление, что представители контрольно-надзорных организации пытаются создать видимость смягчения давления на бизнес, при этом твердая ориентация проверяющего на взыскание штрафов сохраняется. Причем по сравнению с прошлым годом фискальная направленность проверок, по мнению опрошенных, только усиливается.

Очень низка доля респондентов, которые предпринимали попытки обжаловать решение контрольно-надзорных органов: 12,8% в 2018 г. и 11,7% в 2016 г. (табл. 7).

процедуре. Однако отметим, что удельный вес тех, кто использовал данную возможность незначительно увеличился – с 6,7% до 8,0%. Несмотря на то, что отрицательные результаты обжалования решений контрольно-надзорных органов преобладают над положительными, доля положительных исходов обжалования актов проверки в претензионном порядке значительно увеличилась – с 25,0% в 2017 г. до 40,0% в 2018 г. (рис. 1).

Увеличение положительных исходов обжалования актов проверки говорит о том, что предпринимателям, уверенным в необоснованности решений контрольно-надзорных органов, имеет

Это может свидетельствовать как о сложности порядка обжалования, отсутствии профессиональных юридических знаний у предпринимателей, необходимости несения дополнительных затрат, длительных сроках рассмотрения дел, так и о бессмысленности оспаривания решений контрольно-надзорных органов, по мнению респондентов, из-за отсутствия веры в положительный исход предпринятых попыток. Возможностью обжалования результатов проверок в претензионном порядке не воспользовались в 2018 г. 67,2% и в 2017 г. – 71,9% участников опроса (табл. 8).

Это можно объяснить отсутствием доверия к указанной

смысл использовать процедуру претензионного обжалования.

Оценка результатов контрольной деятельности предполагает обоснование качественных критериев оценки эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 17.05.2016 г. № 934-р (ред. от 27.04.2018 г.) «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности», основаниями планирования и

Таблица 8

Ответы респондентов об использовании возможности обжаловать результаты проверок в претензионном порядке в 2017–2018 гг. (в процентах от количества респондентов)

Table 8

Answers of respondents about the use of the opportunity to appeal the results of inspections in the complaint order in 2017–2018 (as a percentage of the number of respondents)

Варианты ответа	2018	2017
Да	8,0%	6,7%
Нет	67,2%	71,9%
Затрудняюсь ответить	8,8%	6,4%
Нет ответа	16,0%	15,1%

Рассчитано автором.

Calculated by the author.

Разработано автором.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов относительно результатов обжалования решений контрольно-надзорных органов (актов проверки) в претензионном порядке в 2017-2018 гг. (в процентах к числу респондентов, обжаловавших решения контрольно-надзорных органов)

Developed by the author.

Fig. 1. Distribution of respondents' answers regarding the results of the appeal of the decisions of the supervisory authorities (acts of verification) in the complaint procedure in 2017-2018 (as a percentage of the number of respondents who appealed the decisions of the supervisory authorities)

оценки деятельности служат показатели объема выполненной контрольно-надзорной работы (количество проверок, размер штрафов, количество выявленных нарушений, контролеров и т.д.). При этом полностью отсутствует учет, характеризующий реальный эффект контрольной деятельности государства, связанный с регистрацией случаев причинения вреда в подконтрольной сфере. Очевидно, что простого установления показателей результативности и эффективности государственного контроля явно недостаточно. Необходима перестройка всей системы деятельности органов государственного контроля (надзора). Важно применение в практике контрольно-надзорной деятельности государства таких механизмов, которые бы стимулировали отказ от системы выполнения формальных показателей и обеспечивали бы декларированный в ходе проведения реформы переход к оптимизации распределения трудовых, материальных и финансовых ресурсов государства при осуществлении контрольной деятельности при условии предотвращения необоснованного вмешательства контрольно-надзорных органов в деятельность подконтрольных субъектов.

Стоит отметить, что финансирование деятельности контрольно-надзорных ведомств (особенно их территориальных органов) по-прежнему остается на низком уровне. Если исходить из финансово-экономического обоснования к проекту федерального закона № 332053-7, в котором подчеркивается, что реализация законопроекта не потребует дополнительных расходов федерального бюджета

та, то можно предположить, что действующая в настоящее время система органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль (надзор), в ближайшее время не подвергнется существенным преобразованиям.

Выводы

Реализация мероприятий реформы контрольно-надзорной деятельности в России начала приносить результаты, заключающиеся в уменьшении числа проверок и активизации взаимодействия контрольно-надзорных органов с предпринимательскими структурами, особенно в рамках взаимодействия в федеральными контролирующими органами. Однако реализация реформы на региональном и муниципальном уровнях требует дальнейшего углубления и тиражирования наиболее успешных практик. Обеспечение синхронности реализации программы в субъектах РФ и повышение качества реализации контрольно-надзорных полномочий на региональном и муниципальном уровнях осложняется существенной дифференциацией регионов по уровню развития предпринимательской активности и различиями в состоянии административного климата.

Несмотря на очевидные успехи в реализации реформы и отмечаемое предпринимателями сокращение количества проверок в Тверской области, нерешенным остается вопрос об уменьшении административной нагрузки на бизнес и формировании благоприятной деловой среды для ведения бизнеса. Анализ результатов опроса предпри-

нимателей говорит о противоречивой ситуации в изменении административных условий развития предпринимательства в рамках проводимой реформы в Тверской области. Объективные критерии осуществления контрольной и надзорной деятельности государства в рамках реформы свидетельствуют об уменьшении в динамике числа проверок и увеличении количества предупреждений в качестве меры административного наказания. Однако при этом удельный вес штрафов, по результатам опроса предпринимателей Тверской области, не уменьшился, а наоборот вырос, то есть возникает впечатление, что представители контрольно-надзорных организаций создают видимость смягчения давления на бизнес, при этом сохраняют твердую ориентацию проверяющего на взыскание штрафов и фискальную направленность проверок. По своему субъективному восприятию предприниматели не ощущают уменьшения административной нагрузки на бизнес.

Представляется, что субъективное восприятие контрольно-надзорных мероприятий представителями бизнеса в значительной мере определяет качество деловой среды, которая оказывает существенное влияние на мотивацию и результаты деятельности хозяйствующих субъектов. В настоящий момент, по мнению бизнес-сообщества, изменения принципиальной модели осуществления контрольно-надзорной деятельности пока не происходит.

Список литературы

1. Castaño M.S., Méndez M.T., Galindo M.A. The effect of public policies on entrepreneurial activity and economic growth // *Journal of Business Research*. 2016. Volume 69, Issue 11, P. 5280–5285. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.04.125>
2. Autio E., Rannikko H. Retaining winners: Can policy boost high-growth entrepreneurship? // *Research Policy*. 2016. Volume 45, Issue 1. P. 42–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.06.002>
3. Sanchez de Pablo J.D., Peña Garcia Pardo I., Hernandez Perlins F. Influence factors of trust building in cooperation agreements // *Journal of Business Research*. 2014, Volume 67, Issue 5, P. 710–714. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.11.032>
4. Khalid S., Ali T. An integrated perspective of social exchange theory and transaction cost approach on the antecedents of trust in international joint ventures. // *International Business Review*. 2017. Volume 26, Issue 3. P. 491–501. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.10.008>
5. Ge J., Stanley L.J., Eddleston K., Kellermanns F.W. Institutional deterioration and entrepreneurial investment: The role of political connections // *Journal of Business Venturing*. 2017. Volume 32, Issue 4. P. 405–419. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2017.04.002>
6. Salman D.M. What is the role of public policies to robust international entrepreneurial activities on economic growth? Evidence from cross countries study // *Future Business Journal*. 2016. Volume 2, Issue 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2016.02.001>
7. Тамбовцев В.Л. Нуждается ли промышленная политика в теоретических оправданиях? // *Вопросы экономики*. 2017. № 5. С. 29–44. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29154918> (дата обращения: 10.02.2019)
8. Laplume A.O., Pathak S., Xavier-Oliveira E. The politics of intellectual property rights regimes: An empirical study of new technology use in entrepreneurship // *Technovation*. 2014. Volume 34, Issue 12. P. 807–816. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2014.07.006>
9. Ranasinghe A. Property rights, extortion and the misallocation of talent // *European Economic Review*. 2017. Volume 98, P. 86–110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2017.06.010>
10. Dickel P., Graeff P. Entrepreneurs' propensity for corruption: A vignette-based factorial survey // *Journal of Business Research*. 2018. Volume 89. P. 77–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.03.036>
11. Stroe S., Parida V., Wincent J. Effectuation or causation: An fsQCA analysis of entrepreneurial passion, risk perception, and self-efficacy // *Journal of Business Research*. 2018. Volume 89, P. 265–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.01.035>
12. Hernando de Soto. The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. New York: Harper and Row. 1989. 271 p.
13. Beynon M.J., Jones P., Pickernell D. Entrepreneurial climate and self-perceptions about entrepreneurship: a country comparison using fsQCA with dual outcomes // *Journal of Business Research*. 2018. Volume 89. P. 418–428. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.12.014>
14. Бондаренко И.В. Изменение институциональных условий развития предпринимательства в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности // *Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века. Сборник статей*. Новосибирск. 2018. С. 31–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35702943> (дата обращения: 10.02.2019)
15. Никонова Ю.Ш. Совершенствование системы принципов государственного контроля (надзора) в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности // *Оригинальные исследования*. 2018. Т.8. № 4. С. 26–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35557308> (дата обращения: 10.02.2019)
16. Красюкова Н.Л. Анализ существующей системы правовых и методических основ внедрения риск-ориентированных подходов в деятельность контрольно-надзорных органов // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 11-3(76). С. 140–

143. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27539699> (дата обращения: 10.02.2019)
17. Козлачков В.И., Ершов А.В., Ягодка Е.А., Богатов А.А. Актуальные вопросы оценки результативности и эффективности деятельности надзорных органов МЧС России // Ежегодная международная научно-техническая конференция Системы безопасности. 2017. № 26. С. 377–380. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32293015> (дата обращения: 10.02.2019)
 18. Грунина Д.К. Контрольно-надзорная деятельность как фактор повышения деловой активности налоговых органов // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 3. С. 131–139. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35144577> (дата обращения: 10.02.2019)
 19. Ганус А.А. Реформа контрольно-надзорной деятельности государственной власти в России и оценка ее эффективности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3(40). С. 15–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35450948> (дата обращения: 10.02.2019)
 20. Левоненкова Т.А. Государственный и муниципальный контроль (надзор): поиск эффективных решений // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 140–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22015572> (дата обращения: 10.02.2019)
 21. Усманова Д.Р. Некоторые проблемы развития риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 174–176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36306762> (дата обращения: 10.02.2019)
 22. Уманская В.П. Модернизация системы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 40–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36306597> (дата обращения: 10.02.2019)
 23. Комов В.Э., Кабалинский А.И. Обоснование повышения эффективности деятельности контрольно-надзорной деятельности на региональном уровне // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–1. С. 159–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28840124> (дата обращения: 10.02.2019)
 24. Вахрамеева Л.Н. Прокурорский надзор и контрольно-надзорная деятельность органов государства: некоторые теоретические аспекты и законодательные проблемы // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 1. С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35205041> (дата обращения: 10.02.2019)
 25. Щербаков М.Г. Двойные стандарты правового регулирования контрольно-надзорной деятельности // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. 2018. № 2(5). С. 102–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35270404> (дата обращения: 10.02.2019)
 26. Барсукова В.Н. Реализация принципов организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. №3. С. 57–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19127002> (дата обращения: 10.02.2019)

Об авторе

Вякина Ирина Владимировна, кафедра экономики и управления производством, Тверской государственный технический университет (170026, г. Тверь, набережная Афанасия Никитина, д. 22), Тверь, Россия, кандидат экономических наук, доцент, **Researcher ID: G-6146-2016, Scopus Author ID: 56711983200, ORCID 0000-0003-1925-2286**, ivyakina@yahoo.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Castaño M.S., Méndez M.T., Galindo M.A. The effect of public policies on entrepreneurial activity and economic growth. *Journal of Business Research*. 2016; 69(11):5280–5285. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.04.125> (in Eng.)
2. Autio E., Rannikko H. Retaining winners: Can policy boost high-growth entrepreneurship? *Research Policy*. 2016; 45(1):42–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2015.06.002> (in Eng.)
3. Sanchez de Pablo J.D., Peña Garcia Pardo I., Hernandez Perlina F. Influence factors of trust building in cooperation agreements. *Journal of Business Research*. 2014; 67(5):710–714. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.11.032> (in Eng.)
4. Khalid S., Ali T. An integrated perspective of social exchange theory and transaction cost approach on the antecedents of trust in international joint ventures. *International Business Review*. 2017; 26(3):491–501. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.10.008> (in Eng.)
5. Ge J., Stanley L.J., Eddleston K., Kellermanns F.W. Institutional deterioration and entrepreneurial investment: The role of political connections. *Journal of Business Venturing*. 2017; 32(4):405–419. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2017.04.002> (in Eng.)

6. Salman D.M. What is the role of public policies to robust international entrepreneurial activities on economic growth? Evidence from cross countries study. *Future Business Journal*. 2016; 2(1):1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2016.02.001> (In Eng.)
7. Tambovtsev V.L. Does industrial policy need theoretical justifications? *Voprosy ekonomiki = Questions of economics*. 2017; 5:29–44 (in Russ.).
8. Laplume A.O., Pathak S., Xavier-Oliveira E. The politics of intellectual property rights regimes: An empirical study of new technology use in entrepreneurship. *Technovation*. 2014; 34(12):807–816. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2014.07.006> (In Eng.)
9. Ranasinghe A. Property rights, extortion and the misallocation of talent. *European Economic Review*. 2017; 98:86–110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2017.06.010> (In Eng.)
10. Dickel P., Graeff P. Entrepreneurs' propensity for corruption: A vignette-based factorial survey. *Journal of Business Research*. 2018; 89:77–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.03.036> (In Eng.)
11. Stroe S., Parida V., Wincent J. Effectuation or causation: An fsQCA analysis of entrepreneurial passion, risk perception, and self-efficacy. *Journal of Business Research*. 2018; 89:265–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.01.035> (In Eng.)
12. Hernando de Soto. *The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World*. New York: Harper and Row. 1989. 271 p. (In Eng.)
13. Beynon M.J., Jones P., Pickernell D. Entrepreneurial climate and self-perceptions about entrepreneurship: a country comparison using fsQCA with dual outcomes. *Journal of Business Research*. 2018; 89:418–428. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2017.12.014> (In Eng.)
14. Bondarenko I.V. Changing the institutional conditions for the development of entrepreneurship in the context of the reform of control and supervisory activities. *Ekonomika Sibiri v usloviyakh global'nykh vyzovov XXI veka = Economy of Siberia in the context of global challenges of the XXI century*. Collection of articles. Novosibirsk, 2018. pp. 31–39 (in Russ.)
15. Nikonov Yu.Sh. Improving the system of principles of state control (supervision) in the context of the reform of control and supervisory activities. *Original'nyye issledovaniya = Original Studies*. 2018; 8(4):26–33 (in Russ.)
16. Krasnyukova N.L. Analysis of the existing system of legal and methodological foundations for the implementation of risk-oriented approaches in the activities of control and supervisory bodies. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*. 2016; 76(11-3):140–143 (in Russ.)
17. Kozlachkov V.I., Ershov A.V., Yagodka E.A., Bogatov A.A. Current Issues of Evaluation of the Effectiveness and Efficiency of the Activities of Supervisory Bodies of the Emercom of Russia. *Yezhegodnaya mezhdunarodnaya nauchno-tehnicheskaya konferentsiya Sistemy bezopasnosti = Annual International Scientific and Technical Conference of the Security System*. 2017; 26:377–380 (in Russ.)
18. Grunina D.K. Control and supervisory activities as a factor in increasing the business activity of tax authorities. *Ekonomika. Nalogi = Economy. Taxes. Law*. 2018; 11(3):131–139 (in Russ.)
19. Ganus A.A. Reform of the supervisory activities of state power in Russia and the assessment of its effectiveness. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2018; 40(3):15–19 (in Russ.)
20. Levonenkova T.A. State and municipal control (supervision): the search for effective solutions. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2014; 9:140–149 (in Russ.)
21. Usmanova D.R. Some problems of development of a risk-based approach in control and supervisory activities. *Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava = Actual problems of administrative and administrative procedural law*. Collection of articles based on the materials of the annual All-Russian scientific-practical conference, 2018. pp. 174–176 (in Russ.)
22. Umanskaya V.P. Modernization of the system of control and supervisory activities in the Russian Federation. *Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava = Actual problems of administrative and administrative procedural law*. Collection of articles based on the materials of the annual All-Russian Scientific and Practical Conference, 2018. pp. 40–45 (in Russ.)
23. Komov V.E., Kabalinsky A.I. The rationale for improving the effectiveness of control and supervisory activities at the regional level. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta = News of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2017; 1–1:159–164 (in Russ.)
24. Vakhrameeva L.N. Prosecutor's Supervision and Control and Supervisory Activities of State Bodies: Some Theoretical Aspects and Legislative Problems. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Legal Science and Practice*. 2018; 14(1):45–51 (in Russ.)
25. Scherbakov M.G. Double standards of legal regulation of control and supervisory activities. *Nauka i obrazovaniye: problemy, idei, innovatsii = Science and education: problems, ideas, innovations*. 2018; 5(2):102–107 (in Russ.)
26. Barsukova V.N. Implementation of the principles of the organization and activities of the prosecutor's office of the Russian Federation in civil proceedings. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess = Arbitration and civil procedure*. 2013; 3:57–60 (in Russ.)

About the author:

Irina V. Vyakina, Economics and production management department, Tver State Technical University (22, Afanasy Nikitin Embankment, Tver, 170026), Tver, Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, **Researcher ID: G-6146-2016**, **Scopus Author ID: 56711983200**, **ORCID 0000-0003-1925-2286**, ivyakina@yahoo.com

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 331
JEL: I10, I15, I18

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.99-113

Социально-экономические аспекты последствий медицинских ошибок в медицинских организациях

Ольга Леонидовна Задворная¹, Юрий Эдуардович Восканян²,
Ирина Борисовна Шикина³, Константин Николаевич Борисов⁴

^{1,2,4} Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Москва, Россия
125993, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1 РМАНПО

E-mail: olga-l-zadvornaya@mail.ru; Voskanyanue_mmch@mail.ru; bknpbknp@mail.ru

³ Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения
Министерства здравоохранения, Москва, Россия

127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 11

E-mail: shikina_irina@mail.ru

Поступила в редакцию: 01.02.2019; одобрена: 07.03.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Медицинские ошибки и неблагоприятные события являются глобальной проблемой стратегической важности, сопровождающейся экономическими издержками, которые обременяют систему здравоохранения, экономику страны и общество в целом. В статье приведены результаты обзора мирового опыта по разработке подходов к оценке безопасности медицинской помощи в медицинских организациях, проведены систематизация и анализ факторов, влияющих на обеспечение безопасности пациентов.

Цель: Изучение и оценка рисков, связанных с медицинскими ошибками и неблагоприятными событиями в деятельности медицинских организаций, которые влияют на безопасность пациентов, с целью снижения потерь общественного здоровья, совершенствования системы идентификации и мониторинга индикаторов рисков, влияющих на безопасность медицинской помощи.

Методология проведения работы: Для изучения вопроса использованы методы экспресс-оценки, мета-анализа, контент-анализа опубликованных фактических данных, включая опыт Всемирной организации здравоохранения в области безопасности медицинской помощи. В процессе исследования использована методология функционального бенчмаркинга, включающая сбор и анализ необходимой информации, выбор отдельных функций, процессов и приемов работы медицинских организаций, работающих в похожих условиях.

Результаты работы: Рассмотрены и предложены подходы, позволяющие прогнозировать возникновение и развитие рисков в обеспечении безопасности медицинской помощи, сокращении потерь общественного здоровья и социально-экономических издержек государства.

Выводы: Материалы, изложенные в статье, показывают, что безопасность является основополагающим принципом оказания медицинских услуг пациентам и критическим компонентом системы управления качеством медицинской помощи. Для снижения потерь общественного здоровья, прямых и косвенных социально-экономических издержек государства необходимы комплексные усилия, направленные на снижение рисков, угрожающих безопасности пациентов и совершенствование деятельности медицинских организаций.

Ключевые слова: безопасность пациентов, безопасность медицинской помощи, медицинские ошибки, неблагоприятные события, управление рисками

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Задворная О. Л., Восканян Ю. Э., Шикина И. Б., Борисов К. Н. Социально-экономические аспекты последствий медицинских ошибок в медицинских организациях // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 99–113.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.99-113>

© Задворная О. Л., Восканян Ю. Э., Шикина И. Б., Борисов К. Н., 2019

Socio-economic aspects of medical errors and their consequences in medical organizations

Ol'ga L. Zadvornaya¹, Yuriy E. Voskanyan²,
Irina B. Shikina³, Konstantin N. Borisov⁴

^{1,2,4} Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Moscow, Russian Federation
2/1, Barrikadnaya Str., Moscow, 125993

E-mail: olga-l-zadvornaya@mail.ru; Voskanyanue_mmch@mail.ru; bknpbknp@mail.ru

³ Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
11, Dobrolubov Str., Moscow, 127254

E-mail: shikina_irina@mail.ru

Submitted 01.02.2019; revised 07.03.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Medical errors and adverse events are a global problem of strategic importance, accompanied by economic costs that impose a burden on the health care system, the country's economy and society as a whole. The article presents the results of a review of world experience in developing approaches to assessing the safety of medical care in medical organizations, systematization and analysis of factors affecting the patient safety.

Purpose: the purpose of the article is to study and assess the risks associated with medical errors and adverse events in the activities of medical organizations that affect the patient safety in order to reduce the loss of public health, improve the system of identification and monitoring of risk indicators that affect the safety of medical care.

Methods: the method of rapid assessment and content analysis of published evidence, including who experience in safety of medical care, was used to highlight the issue. The methodology of functional benchmarking, which included the collection and analysis of the necessary information, the choice of individual functions, processes, methods of work of medical organizations working in similar conditions, was used in the study.

Results: the approaches allowing to predict occurrence and development of risks in ensuring safety of medical care, reduction of losses of public health and social and economic costs of the state are considered and offered.

Conclusions and Relevance: the materials presented in the article show that safety is a fundamental principle of providing medical services to patients and a critical component of the quality management system of medical care. To reduce the loss of public health, direct and indirect socio-economic costs of the state, comprehensive efforts are needed to reduce the risks that threaten the patient safety and improve the activities of medical organizations.

Keywords: patient safety, safety of medical care, medical errors, adverse events, risk management

Conflict of Interes. The Author declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Zadvornaya O. L., Voskanyan Yu. E., Shikina I. B., Borisov K. N. Socio-economic aspects of medical errors and their consequences in medical organizations. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):99–113.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.99-113>

Введение

Общественное здоровье является важнейшим национальным, медико-социальным и экономическим ресурсом и потенциалом страны, позволяющим обеспечить оптимальный уровень качества жизни граждан и национальную безопасность. На современном этапе развития здравоохранения медицинскую организацию можно рассматривать в качестве медицинской, социально-технической и экономической отраслевой единицы, ориентированной на обеспечение качества медицинских услуг, решающей задачу удовлетворения потребностей пациентов в медицинских услугах, спроса на основе самостоятельных решений и ответственности за риск в условиях внешних и внутренних особенностей окружающей среды и задач

здравоохранения в целом. Организация медицинской деятельности характеризуется значительным пересечением и взаимодействием элементов деятельности различных профессиональных областей. Специфика оказания медицинской помощи зачастую сопряжена с неопределенностью ожидаемого результата [1, 2, 3].

Безопасность является неотъемлемой составной частью охраны здоровья и организации медицинской помощи гражданам в связи с возрастающей государственной и социальной ответственностью за результаты применения широкого спектра новейших медицинских технологий, лекарственных средств, сложностью современных систем организации медицинской помощи [4, 5].

Внедрение инновационных, все более усложняющихся, технологий, методов профилактики, диагностики и лечения заболеваний на фоне возрастающих потребностей населения в качественной и безопасной медицинской помощи формирует значительное количество рисков в деятельности медицинской организации, влияющих на потери общественного здоровья [6, 7].

На сегодняшний день в научной литературе приводятся достаточно приблизительные оценки экономических затрат в связи с медицинскими ошибками и неблагоприятными событиями в деятельности медицинских организаций. Для оценки масштабов экономического ущерба необходимо располагать информацией об экономических издержках, связанных с процессами прямых и косвенных затрат государства и самих граждан на ликвидацию или минимизацию нанесенного ущерба здоровью, иметь возможность определять экономический ущерб от потерь здоровья населения различных возрастных групп с учетом видов заболеваний, групп инвалидности, потерянных лет жизни.

Обзор литературы и исследований. Проблема медицинских ошибок важна для всех без исключения стран и имеет большой общественный резонанс в силу социальной значимости профессии, особой роли медицинских работников в процессе

оказания медицинской помощи, а также значимости этических ценностей и установок, принятых в обществе [8, 9, 10, 11].

Хартия Европейского союза об основных правах человека (2007 г.) определила основные права пациентов, включая: безопасность; доступность медицинской помощи и стандарты качества; профилактику заболеваний; получение информации и информированного согласия; конфиденциальность личной информации и проч.¹

Медицинские ошибки и их последствия (неблагоприятные события), по данным мировой статистики, приводят к гибели около 4,8 млн человек в год [8].

Вероятность возникновения медицинской ошибки наблюдается у 20,2% пациентов, получающих медицинскую помощь [12].

По данным ученых из клиники Джона Хопкинса, смерти, связанные с медицинскими исходами и их последствиями, являются третьей причиной смертности населения Соединенных Штатов Америки (табл. 1) [13].

Случаи причинения вреда при оказании медицинской помощи выявляются у 10,6% госпитализированных пациентов. У 1,2% стационарных больных нанесенный вред является причиной стойкой утраты

трудоспособности, у 0,71% – приводит к непредвиденной смерти [13, 14].

Причинение вреда пациенту ведет к дополнительным прямым и косвенным экономическим затратам на ликвидацию или минимизацию нанесенного ущерба здоровью (табл. 2) [15].

Анализ дополнительных затрат в расчете на 1 неблагоприятное событие в здравоохранении развитых стран показывает, что величина прямых издержек равняется в среднем 11 366 долларов США, косвенных – 1 653 долларов США (всего – 13 019 долларов США). Ежегодные расходы в США, обусловленные развитием неблагоприятных событий, составляют 19,571 млрд долларов США [15, 16].

Научные исследования показывают, что 83% медицинских ошибок и нежелательных событий связаны с человеческим фактором, в том числе 69% из них происходят по при-

Потери общественного здоровья вследствие медицинских ошибок и смертности пациентов в США

Таблица 1

Table 1

Loss of public health due to medical errors and mortality of patients in USA

Причина смерти (2013 г.)	Число смертей	Доля (%)
Болезни сердца и сосудов	614 348	23,6 (23,6–23,7)
Новообразования	591 699	22,8 (22,7–22,8)
Вред, связанный с оказанием медицинской помощи	251 454	9,7 (9,7–9,7)
Хронические болезни органов дыхания	147 101	5,7 (5,6–5,7)
Непреднамеренные повреждения	136 053	5,2 (5,2–5,3)
Инсульт	133 103	5,1 (5,1–5,1)
Осложнения болезни Альцгеймера	93 541	3,6 (3,6–3,6)
Осложнения сахарного диабета	76 488	2,9 (2,9–3,0)
Грипп и пневмония	55 227	2,1 (2,0–2,0)
Болезни почек	48 146	1,8 (1,8–1,9)
Самоубийство	42 773	1,6 (1,6–1,7)
Другие причины	407 060	15,7 (15,6–15,7)
ВСЕГО	2 596 993	100,0%

Источник: [13].

Source: [13].

¹ Хартия Европейского союза об основных правах человека. Страсбург. 12.12.2007. URL: <https://base.garant.ru/71672404/>

Затраты, связанные с причинением дополнительного вреда пациенту

Таблица 2

Table 2

Costs associated with causing additional harm to the patient

Прямые затраты	Косвенные затраты
1. Дополнительные медицинские вмешательства в стационаре. 2. Дополнительные медицинские вмешательства в амбулаторных условиях.	1. Затраты на лечение, оплачиваемые пациентом (приобретение лекарств и др.). 2. Затраты, связанные с временной дополнительной потерей дохода вследствие временной утраты трудоспособности. 3. Затраты, связанные с потерей дохода вследствие инвалидности. 4. Затраты, связанные с потерей дохода членов семьи из-за необходимости дополнительного ухода за пациентом. 5. Затраты страховых фондов на дополнительные выплаты, связанные с временной или постоянной утратой трудоспособности. 6. Затраты на ритуальные услуги (в случае непредвиденной смерти). 7. Экономические потери, связанные с потерей экономически активных лет жизни (в случае наступления инвалидности или смерти пациента в трудоспособном возрасте).

Источник: [15].

Source: [15].

чине отклонения совершаемых действий принятым правилам и процедурам, что находит отражение в обеспечении безопасности пациентов, преимущественно – эпидемиологической, лекарственной, хирургической [6, 9].

В России, по данным общественных организаций, медицинские ошибки и дефекты оказания медицинской помощи уносят ежегодно более 50 тыс. человек [2].

Декларация о правах пациента, принятая в Российской Федерации в 2010 году I Всероссийским союзом пациентов, определила право человека на безопасное для жизни и здоровья оказание медицинской помощи, без причинения вреда здоровью вследствие недостатков медицинской помощи, дефектов и ошибок медицинской деятельности, право на доступность медицинской помощи, отвечающей стандартам качества².

Законодательное обеспечение охраны здоровья граждан Российской Федерации определяет требования к качеству медицинской помощи, связанные со своевременностью оказания медицинской помощи, правильностью выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степенью достижения запланированного результата³.

В России сформирована правовая основа реализации механизмов контрольно-надзорных функций в сфере охраны здоровья населения, включая вопросы государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности, обращения лекарственных средств и медицинских изделий, государственного санитарно-эпидемиологического надзора, и принимаются активные меры по совершенствованию мер контроля качества и безопасности медицинской деятельности⁴.

В декабре 2016 года Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии зарегистрирована Система добровольной сертификации «Качество и безопасность медицинской деятельности», позволяющая объективно оценить работу медицинских организаций по таким направлениям, как: медицинские кадры, профессиональная компетентность, система управления персоналом, идентификация личности пациента, эпидемиологическая безопасность, лекарственная безопасность, контроль качества и безопасности обращений лекарственных средств, организация экстренной и неотложной помощи в стационаре, организация работы приемного отделения, ответственность медицинской помощи, хирургическая безопасность, профилактика рисков, связанных с переливанием крови, безопасность производственной среды в медицинской организации, организация оказания медицинской помощи на основе доказательной медицины⁵.

² Декларация прав пациента в России. Первый Всероссийский конгресс пациентов. Москва 28.05.2010. URL: <https://www.opencentre.ru> (дата обращения 12.03.2019)

³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.03.2019)

⁴ Постановление Правительства РФ от 12.11.2012 № 1152 (в ред. от 05.07.2017) «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности». URL: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения 12.03.2019); Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ». URL: <http://www.base.garant.ru> (дата обращения 12.03.2019)

⁵ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Система добровольной сертификации «Качество и безопасность медицинской деятельности» 6.12.2016 № РОСС RU.В 1589.05. (дата обращения 12.03.2019)

Опубликованные данные позволяют широко использовать опыт внедрения системы контроля качества и безопасности медицинской деятельности в сфере здравоохранения [18, 19, 20, 21].

В тоже время, по мнению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ситуацию нельзя изменить лишь за счет ужесточения законодательной базы и контроля за деятельностью персонала в различных сферах медицинской деятельности. Основная причина медицинских ошибок и летальных исходов, которые можно было бы избежать, связана не с компетентностью или небрежностью медицинского персонала, а с отсутствием системы превентивных мер и контроля по обеспечению безопасности пациентов⁶.

Материалы и методы. При работе со статьей использованы системный и процессный подходы к изучению социально-экономических аспектов угроз медицинских ошибок в обеспечении безопасности пациентов в процессе оказания медицинской помощи населению. Исследование опирается на достижения мирового опыта по предотвращению медицинских ошибок и неблагоприятных событий в деятельности медицинских организаций, включая таксономические понятия, термины в области безопасности пациентов. Были применены универсальные общенаучные методы: анализ, синтез, экспресс-анализ, мета-анализ, контент-анализ, метод экспертных оценок, графического и статистического анализа. В процессе исследования использована методология функционального бенчмаркинга, включающая сбор и анализ необходимой информации, выбор отдельных функций, процессов и приемов работы медицинских организаций, работающих в похожих условиях.

При проведении настоящего исследования широко использовались законодательные и нормативные документы в области качества и безопасности медицинской деятельности.

Результаты исследования

Безопасность пациентов как глобальная проблема. Начиная с конца 60-х годов прошлого века в мире предпринимались неоднократные попытки создания глобальной системы обеспечения безопасности пациентов, включающей разработку

индикаторов качества медицинской помощи, использование процессного подхода в управлении медицинской организацией, контроль безопасности применения лекарственных препаратов и медицинских изделий, инфекционный контроль.

Создание Всемирного альянса за безопасность пациентов – значительный шаг на пути повышения безопасности пациентов в системе здравоохранения. Всемирный Альянс за безопасность пациентов считает, что обеспечение безопасности пациентов является приоритетным направлением развития любой системы здравоохранения, стремящейся к повышению качества оказания медицинской помощи; обращает внимание на скрытые системные недостатки, с которыми приходится сталкиваться на любом этапе оказания медицинской помощи – возможные негативные последствия применения лекарственных препаратов и их сочетаний, риск при использовании медицинской техники и оборудования, человеческий фактор, создание информационной системы по обеспечению безопасности пациентов. Всемирный Альянс выделяет приоритетные направления в борьбе за безопасную медицинскую помощь, а именно: «Безопасная хирургия спасает жизни», «Чистое лечение – безопасное лечение»; «Пути решения проблемы снижения чувствительности возбудителей инфекционных заболеваний к антибактериальным препаратам» и другие⁷.

Агентство по исследованиям и качеству в здравоохранении (Agency for Health Care Research and Quality – AHRQ) разработало программу комплексной стратегии исследований, включающую сбор информации по таким основным направлениям, как:

- эпидемиология ошибок в медицинских организациях различных категорий;
- инструменты повышения безопасности пациентов, например, аналитические мощности и организационная культура;
- информационные системы, разработка общей терминологии в рамках отчетности и методов оценки достигнутых результатов;
- изучение необходимых вмешательств, методов стимулирования практик, направленных на обеспечение безопасности пациентов⁸.

⁶ Качество медико-санитарной помощи: безопасность пациентов. Пятдесят пятая сессия Всемирной Ассамблеи Здравоохранения WHA55.18. 18.05.2002. URL: http://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/WHA55/rwha5518.pdf; EUNetPaS – European Union Network for Patient Safety. URL: http://ec.europa.eu/health/archive/ph_systems/docs/ev_20090924_co02_en.pdf

⁷ WHO / World Alliance for Patient Safety. Forward Programme 2005. URL: <http://www.who.int/patientsafety/taxonomy/en/>; WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations. Forty-seventh report. Technical Report Series 981. World Health Organization. Geneva. 2013. URL: https://www.who.int/medicines/areas/quality_safety/quality_assurance/expert_committee/TRS981.pdf; Quality risk management. International Council on Harmonisation of Technical Requirements for Pharmaceuticals for Human Use. 2005. URL: https://www.ich.org/fileadmin/Public_Web_Site/ICH_Products/Guidelines/Quality/Q9/Step4/Q9_Guideline.pdf

⁸ AHRQ Partnership for Patients Web page for methods. URL: <http://www.ahrq.gov/professionals/quality-patient-safety/pfp/index.html>

Токийская декларация, принятая по итогам Глобального министерского саммита по безопасности пациентов (Токио, Япония, 2018) определила, что обеспечение безопасности является фундаментальным требованием для всей системы здравоохранения и важнейшей составляющей для достижения всеобщего доступа к медицинским услугам и достижения целей ООН в области устойчивого развития до 2030 года. Токийская декларация признала необходимость создания пациентоориентированного подхода, разработки международных стандартов в оказании безопасной медицинской помощи, непрерывному обучению кадров культуры безопасности пациента⁹.

Современная наука имеет достаточное количество инструментов идентификации проблемы безопасности медицинской деятельности, но, к сожалению, ни один из них не является универсальным детектором. Сохраняется потребность в стандартизации терминов и определений, методов измерения и регистрации показателей, публикации полученных данных о медицинских ошибках и нежелательных событиях¹⁰.

Принятые в международной практике таксономические понятия, термины в области безопасности пациентов – как, например: безопасность пациента (patient safety), неблагоприятное событие или вред (adverse event or harm), предотвратимое неблагоприятное событие (preventable adverse event), неблагоприятное событие вследствие небрежности или халатности (negligent adverse event), инцидент (patient safety incident), медицинская ошибка (medical error), риск (risk), латентная угроза (latent failure) [22]¹¹ – требуют уточнения для анализа и возможного использования в отечественной практике.

Собственные результаты. Создание пациентоориентированной системы, функционирующей в рамках единых требований к качеству, доступности и безопасности медицинской помощи, является приоритетной задачей государственной политики в сфере здравоохранения.

Процесс оказания медицинской помощи неизбежно сопровождается определенными проблемами, связанными с обеспечением безопасности па-

циентов, достижением максимально возможного соответствия клинических результатов и исходов лечения ожиданиям врача и пациента при минимальном риске отрицательных последствий медицинских вмешательств.

Анализ опубликованных материалов, собственный опыт в области организации здравоохранения позволил авторам выделить ряд основных подходов и областей в организации медицинской помощи населению, связанных с возникновением медицинских ошибок и их неблагоприятных последствий: профилактический, лечебно-диагностический, клинико-фармакологический, эпидемиологический, компетентностный, психофизиологический, технологический, организационно-тактический.

Профилактический – подход, выявляющий ошибки, связанные с низкой эффективностью превентивных мер по профилактике факторов риска заболеваний, поздней диагностикой заболеваний. К сожалению, в научной литературе этот подход, связанный с недостаточной профилактической работой с пациентами, включая профессиональное консультирование, мало изучен. В то же время, по результатам диспансеризации (данные Минздрава России) за последние три года численность пациентов, имеющих первую и вторую группы здоровья, имеет тенденцию к сокращению, что говорит о необходимости акцентирования работы с пациентами по профилактике факторов риска (табл. 3).

Процесс диспансеризации населения часто сопровождается определенными ошибками, связанными с неполностью выполненными в соответствии с требованиями мероприятиями, предусмотренными 1 и 2 этапами диспансеризации, недооценкой факторов риска здоровья, ошибками при проведении профилактического консультирования, отсутствием должного контроля (на уровнях субъекта и медицинской организации) и др.

Медицинские ошибки и упущения в процессе профилактической работы ведут к определенному скрытому ущербу от предотвратимых причин потери здоровья граждан.

Лечебно-диагностический – подход, связанный с ошибками на этапах диагностики и лечения за-

⁹ Токийская декларация по безопасности пациентов. Токио. 20 апреля 2018. Третий глобальный министерский саммит по безопасности пациентов. URL: <https://ria-stk.ru/mkvm/adetail.php?ID=172471> (дата обращения 12.01.2019)

¹⁰ WHO/World Alliance for Patient Safety. Forward Programme 2005. URL: <http://www.who.int/patientsafety/taxonomy/en/>; WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations. Forty-seventh report. Technical Report Series 981. World Health Organization. Geneva. 2013. URL: https://www.who.int/medicines/areas/quality_safety/quality_assurance/expert_committee/TRS981.pdf; Quality risk management. International Council on Harmonisation of Technical Requirements for Pharmaceuticals for Human Use. 2005. URL: https://www.ich.org/fileadmin/Public_Web_Site/ICH_Products/Guidelines/Quality/Q9/Step4/Q9_Guideline.pdf; AHRQ Partnership for Patients Web page for methods. URL: <http://www.ahrq.gov/professionals/quality-patient-safety/pfp/index.html>

¹¹ National Institute For Health And Care Excellence. Indicators Process Guide. 2014. URL: <https://www.nice.org.uk/media/default/Get-involved/Meetings-In-Public/indicator-advisory-committee/iocprocess-guide.pdf> (дата обращения: 13.01.2019)

**Распределение населения по группам здоровья
по результатам диспансеризации**

**Distribution of population by health groups according
to the results of medical examination**

Группы здоровья	Численность населения (млн человек)	
	2015 год	2017 год
Первая	30,9	29,5
Вторая	18,3	17,0
Третья (А и Б)	50,8	53,5

Источник: Ежегодные отчеты Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/> (дата обращения 12.01.2018)

Source: Annual reports of the Ministry of health of the Russian Federation. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/> (accessed 12.01.2019)

болевание, включающий инструментальные и лабораторные исследования, исследования с использованием медицинского, в том числе высокотехнологичного, оборудования, неправильно выбранную тактику лечения пациента, выполнение оперативных вмешательств, переливание крови, организацию ухода за пациентами – и этот перечень можно было бы продолжить [30, 31, 32].

Клинико-фармакологический – ошибки, связанные с лекарственной безопасностью, неправильным применением лекарственных препаратов, включая показания и противопоказания к назначению, совместимость с другими препаратами, неправильным хранением и распределением препаратов, неподтвержденными данными доказательной медицины, безопасностью обращения медицинских изделий, проблемами в фармакологической подготовке и практике медицинских работников [33, 34].

В табл. 4 представлены фактические данные, свидетельствующие о нарастающей динамике сообщений о нежелательных реакциях при применении лекарственных препаратов на протяжении 2010–2017 годов.

Эпидемиологический – ошибки, связанные с недостаточно хорошо организованной системой про-

Таблица 3

Table 3

филактики инфекций при оказании медицинской помощи [32].

Компетентностный – ошибки, связанные с качеством реализации трудовых действий медицинским персоналом, несоответствием имеющихся общекультурных и профессиональных компетенций работников современным требованиям организации медицинской деятельности (т.е. способности, имеющиеся знания, коммуникативные, инструментальные умения и навыки, этические установки, вырабатываемые в процессе обучения и опыта профессиональной деятельности, имеют определенные проблемы, ведущие к рискам для деятельности

медицинской организации) [6].

Кадровые риски могут носить случайный характер, обусловленный неправильно принятыми организационными решениями или случайными ошибками в работе персонала. Но кадровые риски могут носить латентный и повторяющийся характер, связанный с реальными проблемами в области профессиональной компетенции персонала.

Психофизиологический – ошибки, связанные с характером поведения персонала или пациента. Со стороны персонала – это личные проблемы, состояние здоровья, большая нагрузка, рутинный характер работы, недостаточный уровень мотивации, усталость и равнодушие, самонадеянность, проявляющиеся при общении с сотрудниками, пациентами и родственниками пациентов. Психофизиологическими угрозами со стороны пациента могут быть характерологические особенности личности, состояние здоровья, низкий образовательный уровень, отсутствие мотивации и приверженности к выполнению врачебных назначений.

Технологический – связан с отсутствием должного контроля и мониторинга организационно-технологических процессов медицинской деятельности, идентификацией личности пациента, перевода

Таблица 4

**Динамика сообщений о нежелательных реакциях при применении лекарственных препаратов
в Российской Федерации**

Table 4

Dynamics of reports of adverse reactions in the application medicines in the Russian Federation

Годы	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.
Число сообщений	10 181	13 744	21 639	27 512	27 976

Источник: Материалы Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://www.roszdravnadzor.ru/drugs/monitpringlp/> (дата обращения 12.01.2019).

Source: Materials of the Federal service for supervision in the field of health. URL: <https://www.roszdravnadzor.ru/drugs/monitpringlp/> (accessed 12.01.2019).

пациентов в рамках одной медицинской организации, трансферта в другие медицинские организации, эксплуатацией зданий и сооружений, медицинского оборудования и медицинских изделий, организацией рабочих мест, обеспечением защиты информации [32].

Организационно-тактический – ошибки, связанные с отсутствием системы управления и контроля за реализацией превентивных мер по предотвращению потенциальных латентных угроз, выполнению требований по планированию, организации, координации действий персонала, наличием необходимой численности и структуры персонала, распределением их функций, уровнем горизонтальных и вертикальных коммуникаций, эффективностью управленческих решений и использования рабочего времени, уровнем развития организационной культуры, созданием безопасной медицинской среды [32, 35].

Система здравоохранения функционирует в условиях высокого спроса населения на медицинские услуги и ограниченного бюджета, направляемого на их оказание. Определение оптимальных способов использования ресурсного обеспечения является фундаментальной задачей здравоохранения, включая принятие решений на микроуровне, т.е. на уровне медицинской организации. В качестве основополагающего принципа в этом случае можно рассматривать максимальное увеличение соотношения стоимости и качества медицинских услуг. Общепринятый подход в распределении ресурсов заключается в увеличении эффективности медицинских услуг в условиях бюджетных ограничений системы здравоохранения¹².

Стремление к повышению медицинской и социально-экономической эффективности медицинских услуг, обеспечение качества и безопасности медицинской деятельности является одной из ключевых задач политики в области здравоохранения в связи с тем, что:

- медицинские ошибки и неблагоприятные события ведут к снижению качества медицинской помощи, необоснованному ухудшению показателей здоровья населения;
- неэффективность профилактической работы с населением ведет к сокращению лет жизни граждан в состоянии полного здоровья, увеличению лет жизни, сопровождающихся ухудшением здоровья; отражается на характере спроса на лечебные услуги;

- неэффективность лечебно-диагностических и реабилитационных мероприятий ведет к необоснованному увеличению нагрузки на больничный сектор, увеличению количества повторных госпитализаций;

- техническая неэффективность связана с неэффективным использованием имеющихся ресурсов, устаревшими технологиями, плохой внутренней логистикой и отсутствием координации в работе различных служб.

Таким образом, говоря о медицинской и социально-экономической эффективности, следует говорить о соотношении расходов и значимых показателей деятельности системы здравоохранения, исходов лечения, которые часто выражаются как отношение расходов на здравоохранение к сохранным годам жизни с поправкой на качество.

В настоящее время отсутствует целостная методика проведения подобных оценок, позволяющая определять экономический ущерб от потерь здоровья граждан различных возрастных групп и влияющая на эффективность социально-экономической политики государства¹³.

Прямые экономические издержки предусматривают затраты, связанные с использованием ресурсного обеспечения медицинской организации и предоставления медицинских услуг в процессе оказания медицинской помощи, включая профилактику, диагностику, лечение заболеваний, проведение реабилитации и восстановительного лечения, использование лекарственных препаратов и изделий медицинского назначения, диетического питания, транспортные расходы, помощь на дому и проч.

В табл. 5 приведены данные по стратификации инцидентов в зависимости от тяжести нанесенного вреда для здоровья пациентов, который приводит к дополнительным затратам, связанным с увеличением сроков лечения. В этой таблице также приведены данные о численности персонала, причастного к возникновению инцидентов различной тяжести [36].

Косвенные экономические издержки тесно связаны с экономическими потерями, обусловленными выплатой пособий по временной утрате трудоспособности, пенсий по инвалидности, с числом непрожитых трудоспособных лет жизни, уменьшением производства ВВП, переобучением инвалидов в связи с перекалфикацией и оказанием различного рода других льгот социального характера, и т.д.

¹² Health system performance assessment in the WHO European Region: which domains and indicators have been used by Member States for its measurement? / WHO Health Evidence Network synthesis report 55. World Health Organization. Geneva. 2017. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/365386/hen-55-eng.pdf; Шамшури В.И., Шамшурина Н.Г., Решетников А.В. Экономика и управление здравоохранением. Учебник. Москва. 2017. 303 с.

¹³ Там же.

Таблица 5

Стратификация инцидентов по тяжести нанесенного вреда для здоровья пациентов

Table 5

Stratification of incidents by severity harm to the health of patients

Инцидент	Рейтинг	Исход для Пациента	Число персонала, причастного к инциденту	Дополнительные сроки лечения
Незначительный	1	Без последствий	0–1	–
Легкой степени	2	Нарушение функций организма легкой степени, подлежащие коррекции в период лечения основного заболевания	1–2	1–7 суток стационарного и 1–7 суток амбулаторного лечения
Средней степени	3	Серьезные нарушения с временной утратой функций организма, средней степени тяжести, необходимость в небольшой интервенции.	3–15	8–15 суток стационарного и 1–7 суток амбулаторного лечения
Тяжелой степени	4	Инвалидность, большая повторная интервенция, протезирование функции органа, перевод в отделение интенсивной терапии	16–50	Более 15 суток стационарного лечения
Необратимый	5	Непредвиденная смерть	Более 50	–

Источник: [36].

Source: [36].

Наиболее ощутим экономический ущерб среди граждан трудоспособного возраста. Его причинами являются снижение производительности труда вследствие заболевания, временной или стойкой утраты трудоспособности, досрочный выход на

пенсию, преждевременная смерть. В табл. 6 приведены систематизированные данные о величине экономического ущерба, связанного с потерей здоровья гражданами трудоспособного возраста.

Таблица 6

Оценка экономического ущерба от потерь здоровья гражданами трудоспособного возраста

Table 6

Assessment of economic damage from health losses by citizens working age

Основные показатели здоровья	Характеристика экономического ущерба вследствие потерь здоровья гражданами трудоспособного возраста
Медико-демографические показатели	Экономический ущерб, обусловленный низкой рождаемостью и высокой смертностью населения: • социальные выплаты в связи с потерей кормильца, • упущенная выгода в производстве ВВП в связи с уменьшением численности граждан, занятых производством экономического продукта, • стоимость потерянных (непрожитых) лет жизни.
Заболеваемость	Экономический ущерб, обусловленный заболеваемостью населения: • расходы на лечение, • выплаты по социальному страхованию за период временной нетрудоспособности, • упущенная выгода в производстве ВВП в связи с уменьшением численности граждан, занятых производством экономического продукта.
Инвалидность	Экономический ущерб, обусловленный инвалидностью населения: • пенсии по инвалидности, • расходы на лечение, • упущенная выгода в производстве ВВП в связи со стойкой утратой трудоспособности
Физическое развитие	Экономический ущерб, обусловленный недостаточным физическим развитием граждан: • упущенная выгода в производстве ВВП в связи с уменьшением численности занятых производством экономического продукта, • стоимость потерянных (непрожитых) лет жизни.

Составлено авторами по материалам [1, 33].

Compiled by the authors on the basis [1, 33].

Рассчитав суммарный экономический ущерб вследствие заболеваемости, инвалидности, смертности

граждан в трудоспособном возрасте, можно определить потенциальный экономический эффект (от

предотвращенного экономического ущерба) деятельности системы здравоохранения. Он рассчитывается как разность суммарного экономического ущерба до и после реализации комплекса мероприятий по снижению потерь здоровья по формуле¹⁴:

$$\mathcal{E} = Y_1 - Y_2,$$

где $\mathcal{E}$ – экономический эффект (предотвращенный экономический ущерб) деятельности системы здравоохранения; Y_1 – суммарный экономический ущерб до реализации комплекса мероприятий; Y_2 – суммарный экономический ущерб после реализации комплекса мероприятий по снижению потерь здоровья.

Управление безопасностью медицинской помощи предусматривает проактивный (программно-целевой) подход к управлению системными причинами медицинских ошибок и их последствий – латентными угрозами. В качестве основных фокусов внимания при этом выбираются деятельность субъекта управления, необходимые ресурсы, внешние факторы воздействия, взаимосвязь с другими элементами системы, промежуточные и конечные результаты [18, 33]¹⁵.

Эффективность использования вложения затраченных ресурсов определяется полученными результатами медицинской деятельности, необходимостью дополнительных затрат на ликвидацию или минимизацию нанесенного вреда здоровью вследствие медицинских ошибок или неблагоприятных событий (рис. 1).

Составлено авторами по материалам: Health system performance assessment in the WHO European Region: which domains and indicators have been used by Member States for its measurement? / WHO Health Evidence Network synthesis report 55. World Health Organization. Geneva. 2017. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/365386/hen-55-eng.pdf

Рис. 1. Эффективность экономических затрат на оказание медицинской помощи

Compiled by the authors on the basis: Health system performance assessment in the WHO European Region: which domains and indicators have been used by Member States for its measurement? / WHO Health Evidence Network synthesis report 55. World Health Organization. Geneva. 2017. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/365386/hen-55-eng.pdf

Fig. 1. Efficiency of economic costs of medical care

¹⁴ Health system performance assessment in the WHO European Region: which domains and indicators have been used by Member States for its measurement? / WHO Health Evidence Network synthesis report 55. World Health Organization. Geneva. 2017. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/365386/hen-55-eng.pdf; Шамшуринов В.И., Шамшурина Н.Г., Решетников А.В. Экономика и управление здравоохранением. Учебник. Москва. 2017. 303 с.

¹⁵ WHO Expert Committee on Specifications for Pharmaceutical Preparations. Forty-seventh report. Technical Report Series 981. World Health Organization. Geneva. 2013. URL: https://www.who.int/medicines/areas/quality_safety/quality_assurance/expert_committee/TRS981.pdf

квалификации, недостаточно сформированными профессиональными умениями и навыками;

3. Состояние медицинской среды:

- состояние общественной среды, организационной культуры и организационного микроклимата медицинской организации,
- состояние производственной среды (инфраструктура, рабочее место и рабочее пространство, отлаженность и логистика производственных процессов, наличие систем управления зданием и инженерными системами, стандартов поведения персонала в чрезвычайных ситуациях).

Выводы

Безопасность – основополагающий принцип оказания медицинских услуг пациентам и критический компонент системы управления качеством медицинской помощи. Для снижения потерь общественного здоровья, прямых и косвенных социально-экономических издержек государства необходимы комплексные усилия, направленные на снижение рисков, угрожающих безопасности пациентов, и совершенствование деятельности медицинских организаций.

Проблема регулирования потенциальных угроз применительно к стратегической концепции обеспечения безопасности медицинской помощи гражданам на уровне медицинской организации изучена недостаточно хорошо, содержит много трактовок и требует:

- совершенствования таксономических понятий, внедрения единых подходов к выявлению, измерению, регистрации данных о медицинских ошибках и неблагоприятных событиях,
- совершенствования единой методологии оценок, позволяющих определять экономический ущерб от потерь здоровья граждан различных возрастных групп,
- внедрения единых квалификационных требований к специалистам, осуществляющим внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности,
- совершенствования системы взаимодействия медицинских организаций, органов управления здравоохранением и контрольно-надзорных органов.

Список литературы

1. Безопасность пациента: пер. с англ.; под ред. Е.Л. Никонова; М.: ГЭОТАР-Медиа. 2010. 184 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19550316>
2. Мурашко М.А. Качество медицинской помощи: пора меняться // Вестник Росздравнадзора. 2017. № 1. С. 10–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29185574>
3. Власов В.В. Безопасность пациентов // Международный журнал медицинской практики. 2005. № 6. С. 15–18. URL: <https://www.mediasphera.ru/journals/mjmp/2005/6/05.pdf>
4. Шарабчиев Ю.Т. Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: социально-экономические аспекты и потери общественного здоровья // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2013. № 6 (6). С. 14–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21396460>
5. Лукьянцева Д.В., Сухоруких О.А., Омеляновский В.В. Обзор мирового опыта разработки показателей оценки качества медицинской помощи для амбулаторного этапа ее оказания // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2018. Т. 11. № 1. С. 45–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34998862>. DOI: <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2018.11.1.045-049>
6. Mitchell R.J., Williamso A.M., Molesworth B., Chung A.Z.Q. A review of the use of human factors classification frameworks that identify causal factors for adverse events in the hospital setting // Ergonomics. 2014. Vol. 57. Iss. 10. P. 1443–1472. DOI: <http://doi.org/10.1080/00140139.2014.933886>
7. Палевская С. Как разработать систему идентификации пациента. Пошаговый алгоритм // Заместитель главного врача. 2017. № 12. С. 22–31. URL: <https://e.zamglvracha.ru/article.aspx?aid=602991>
8. Лудупова Е.Ю. Врачебные ошибки. Литературный обзор // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 2. С. 6–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25895895>
9. Гнатюк О.П. Врачебные ошибки и профессиональные правонарушения. Ответственность медицинских работников и меры предупреждения // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 2. С. 16–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25895896>
10. Wachter R.M., Gupta K. Understanding patient safety / 3rd Edition. New York: McGraw-Hill Education. 2018. 528 p.
11. La Pietra L., Calligaris L., Molendini L., Quattrin R., Brusaferrro S. Medical errors and clinical risk management: state of the art // Acta otorhinolaryngologica Italica. 2005. № 25(6). P. 339–346. URL: <https://www.actaitalica.it/issues/2005/6-05/Lapietra.pdf>
12. O'Hagan J., MacKinnon N.J., Persaud D., Etchegary H. Self-Reported Medical Errors in Seven Countries: Implications for Canada // Healthcare Quarterly. 2009. Vol. 12. Special Issue. P. 55–61. DOI: <http://doi.org/10.12927/hcq.2009.20967>
13. Makary M.A., Daniel M. Medical Error – the Third Leading Cause of Death in the US // BMJ. 2016. № 353 (3). P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.i2139>
14. Deilå E.T., Bukholm G., Lindstrøm J.C., Haugen M. Monitoring adverse events in Norwegian hospitals from 2010 to 2013 // BMJ Open. 2015. № 5. P. 1–6. DOI: [10.1136/bmjopen-2015-008576](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2015-008576)
15. Mello M., Studdert D., Thomas E., Yoon C., Brennan T. Who pays for medical errors? An analysis of

- adverse event costs, the medical liability system, and incentives for patient safety improvement // *Journal of Empirical Legal Studies*. 2007. № 4. P. 835–860. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1740-1461.2007.00108.x>
16. *Andel C., Davidow S.L., Hollander M., Moreno D.A.* The economics of health care quality and medical errors // *Journal of health care finance*. 2012. № 39(1). P. 39–50. URL: https://www.researchgate.net/publication/233533297_The_economics_of_health_care_quality_and_medical_errors
 17. *Shreve J., Van Den Bos J., Gray T., Halford M., Rustagi K., Ziemkiewicz E.* The economic measurement of medical errors. Schaumburg, IL: The Society of Actuaries. 2010. 274 p. URL: <https://psnet.ahrq.gov/resources/resource/18975>
 18. *Мурашко М.А., Серегина И.Ф., Матыцин Н.О.* Методические основы применения рискориентированного подхода при осуществлении государственного контроля в сфере здравоохранения // *Вестник Росздравнадзора*. 2017. № 3. С. 9–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29799553>
 19. *Хайруллин И.И., Курyleв В.А., Капустина И.О.* Организация внутреннего аудита медицинской организации как инструмент повышения ее результативности и эффективности // *Вестник Росздравнадзора*. 2015. №3. С. 33–38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23639798>
 20. *Мухортова С.А., Куличенко Т.В., Намазова-Баранова Л.С., Пискунова С.Г., Беседина Е.А., Прометной Д.В.* Поддерживающий мониторинг больниц как технология повышения качества стационарной медицинской помощи // *Педиатрическая фармакология*. 2017. Т. 14. № 3. С. 192–197. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29771625>. DOI: <http://dx.doi.org/10.15690/pf.v14i3.1744>
 21. *Князев Е., Таевский Б., Таевский А., Елисеева Е.* Что изменить в системе внутреннего контроля в 2018 году // *Заместитель главного врача*. 2017. № 12. С. 14–21. URL: <https://e.zamglvracha.ru/article.aspx?aid=602990>
 22. *Davis P., Lay-Yee R., Briant R., Ali W., Scott A., Schug S.* Adverse events in New Zealand public hospitals I: occurrence and impact // *The New Zealand medical journal*. 2002. № 115 (1167). P. U271. URL: https://www.researchgate.net/publication/10930999_Adverse_Events_in_New_Zealand_Public_Hospitals_I
 23. *Zegers M., Bruijne M.C., Wagner C., Hoonhout L.H.F., Waaijman R., Smits M., Hout F.A.G., Zwaan L., Christiaans-Dingelhoff I., Timmermans D.R.M., Groenewegen P.P., Van der Wal G.* Adverse events and potentially preventable deaths in Dutch hospitals: results of a retrospective patient record review study // *BMJ Quality & Safety*. 2009. Vol. 18. Iss. 4. P. 297–302. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qshc.2007.025924>
 24. *Brennan T.A., Leap L.L., Larid N.M., Hebert L., Localio A.R., Lawthers A.G., Newhouse J.P., Weiler P.C., Hiatt H.H.* Incidence of adverse events and negligence in hospitalized patients: results of the Harvard Medical Practice Study I. // *BMJ Quality & Safety*. 2004. Vol. 13. Iss. 2. P. 145–152. URL: <https://qualitysafety.bmj.com/content/qhc/13/2/145.full.pdf>. DOI: <http://doi.org/10.1136/qshc.2002.003822>
 25. *Shaw R., Drever F., Hughes H., Osborn S., Williams S.* Adverse events and nearmiss reporting in the NHS // *BMJ Quality & Safety*. 2005. Vol. 14. Iss. 4. P. 279–283. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qshc.2004.010553>
 26. *Runciman W., Hibbert P., Thomson R., Schaaf T.V.D., Sheman H., Lewalle P.* Towards an International Classification for Patient Safety: key concepts and terms // *International Journal for Quality in Health Care*. 2009. Vol. 21. Iss. 1. P. 18–26. DOI: <http://doi.org/10.1093/intqhc/mzn057>
 27. *Leape L.L., Brennan T.A., Laird N., Lawthers A.G.* The Nature of Adverse Events in Hospitalized Patients. Results of the Harvard Medical Practice Study II // *New England Journal of Medicine*. 1991. № 324. P. 377–384. URL: <http://hdl.handle.net/10822/845243>
 28. *Thomas E.J., Studdert D.M., Burstin H.R., Orav E.J., Zeena T., Williams E., Howard K., Weiler P., Brennan T.A.* Incidence and types of adverse events and negligent care in Utah and Colorado // *Medical Care*. 2000. № 38 (3). P. 261–271. URL: <https://psnet.ahrq.gov/resources/resource/1538>. DOI: <http://doi.org/10.1097/00005650-200003000-00003>
 29. *Van Beuzekom M., Boer F., Akerboom S., Hudson P.* Patient safety in the operating room: an intervention study on latent risk factors // *British Journal of Anaesthesia*. 2010. № 105(1). P. 52–59. URL: <https://bmcsurg.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2482-12-10>. DOI: <http://doi.org/10.1186/1471-2482-12-10>
 30. *Lawton R., Carruthers S., Gardner P., Wright J., McEachan R.R.C.* Identifying the latent failures underpinning medication administration errors: an exploratory study // *Health Services Research*. 2012. № 47(4). P. 1437–1459. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2012.01390.x>
 31. *James J.T.* A new evidence-based estimate of patient harms associated with hospital care // *J. Patient Saf.* 2013. Vol. 9. Iss. 3. P. 122–128. URL: <https://amazonaws.com./documentcloud.org./documents/781687>
 32. *Classen D.C., Resar R., Griffin F., Federico F., Frankel T. et al.* Global trigger tool» shows that adverse events in hospitals may be ten times greater than previously measured // *Health Affairs*. 2011. Vol. 30. № 4. P. 581–589. DOI: <http://doi.org/10.1377/hlthaff.2011.0190>
 33. *Munn Z., Scarborough A., Pearce S. et al.* The implementation of best practice in medication administration across a health network: a multisite evidence-based audit and feedback project // *JBHI Database of Systematic Reviews and Implementation Reports*. 2015. № 13(8).

- P. 338–352. DOI: <http://doi.org/10.11124/jbisir-2015-2315>
34. Lucado J., Paez K., Elixhauser A. Medication-Related Adverse Outcomes in U.S. Hospitals and Emergency Departments, 2008: statistical brief #109. In: Healthcare cost and utilization project (HCUP) statistical briefs. Rockville, MD: Agency for Healthcare Research and Quality (US). 2011
 35. Adverse Events in Hospitals: Methods for Identifying Events. Washington, DC: Department of Health and Human Services. 2010. 60 p. URL: <http://www.oig.hhs.gov/oei/reports/oei-06-08-00221.pdf>
 36. Shaw R., Drever F., Hughes H., Osborn S., Williams S. Adverse events and near miss reporting in the NHS // BMJ Quality & Safety. 2005. Vol. 14. Iss. 4. P. 279–283. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qshc.2004.010553>
 37. Stoyanova R.G., Raycheva R.D., Dimova T.Z. Economic aspects of medical errors // Folia Medica. 2012. Vol. 54. Iss. 1. P. 58–64. DOI: <http://doi.org/10.2478/v10153-011-0079-5>
 38. Murff H.J., Patel V.L., Hripcsak G., Bates D.W. Detecting adverse events for patient safety research: a review of current methodologies // Journal of biomedical informatics. 2003. Vol. 36. Iss. 1–2. P. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2003.08.003>

Об авторах:

Задворная Ольга Леонидовна, заведующая кафедрой организации здравоохранения и общественного здоровья, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (125993, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1), доктор медицинских наук, профессор, ORCID: 0000-0002-3292-4668, olga-l-zadvornaya@mail.ru

Восканян Юрий Эдуардович, профессор кафедры, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (125993, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1), доктор медицинских наук, профессор, ORCID: 0000-0003-2962-2818, Voskanyanue_mmch@mail.ru

Шикина Ирина Борисовна, главный научный сотрудник, Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Минздрава России (127254, г. Москва, улица Добролюбова, д. 11), доктор медицинских наук, профессор, ORCID: 0000-0003-1744-9528, shikina_irina@mail.ru

Борисов Константин Николаевич, доцент кафедры, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (125993, г. Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1), кандидат медицинских наук, bknpbknp@mail.ru

Вклад соавторов: Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Patient safety / Ed. E.L. Nikonov. Translation from English. Moscow: GEOTAR-Media. 2010. 184 p. (in Russ.)
2. Murashko M.A. Quality of medical care: it is time to change. *Vestnik Roszdravnadzora = Messenger Roszdrav.* 2017; (1):10–21 (in Russ.)
3. Vlasov V.V. Patient Safety. *Mezhdunarodnyj zhurnal medicinskoj praktiki = International Journal of Medical Practice.* 2005; (6):15–18 (in Russ.)
4. Sharabchiev Yu.T. Medical errors and defects in the provision of medical care: socio-economic aspects and loss of public health. *Mezhdunarodnye obzory: klinicheskaya praktika i zdorov'e. = International reviews: clinical practice and health.* 2013; 6(6):14–31 (in Russ.)
5. Lukyantseva D.V., Sukhorukikh O.A., Omelyanovsky V.V. Medical care of ambulatory patients and its assessment: a review of international experience. *PHARMACOECONOMICS. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology.* 2018; 11(1):45–49. DOI: <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2018.11.1.045-049> (in Russ.)
6. Mitchell R.J., Williamso A.M., Molesworth B., Chung A.Z.Q. A review of the use of human factors classification frameworks that identify causal factors for adverse events in the hospital setting. *Ergonomics.* 2014; 57(10):1443–1472. DOI: <http://doi.org/10.1080/00140139.2014.933886> (in Eng.)
7. Palevskaya S. How to develop a patient identification system. Step-by-step algorithm. *Zamestitel' glavnogo vracha = Deputy Head Physician.* 2017; (12):22–31 (in Russ.)
8. Ludupova E.Y. Medical errors. Literature review. *Vestnik Roszdravnadzora = Messenger Roszdrav.* 2016; (2):6–15 (in Russ.)
9. Gnatyuk O.P. Medical errors and professional misconduct. Responsibility of health workers and preventive measures. *Vestnik Roszdravnadzora = Messenger Roszdrav.* 2016; (2):16–21 (in Russ.)
10. Wachter R., Gupta K. Understanding patient safety / 3rd Edition. New York: McGraw-Hill Education. 2018. 528 p. (in Eng.)
11. La Pietra L., Calligaris L., Molendini L., Quattrin R., Brusaferrero S. Medical errors and clinical risk management: state of the art. *Acta otorhinolaryngologica*

- Italica*. 2005; 25(6):339–346. Available from: <https://www.actaitalica.it/issues/2005/6-05/Lapietra.pdf> (accessed 10 March 2019) (in Eng.)
12. O'Hagan J., MacKinnon N.J., Persaud D., Etchegary H. Self-Reported Medical Errors in Seven Countries: Implications for Canada. *Healthcare Quarterly*. 2009. 12(Special Issue):55–61. DOI: <http://doi.org/10.12927/hcq.2009.20967> (in Eng.)
13. Makary M.A., Daniel M. Medical Error – the Third Leading Cause of Death in the US. *BMJ*. 2016; 353(3):1–5. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.i2139> (in Eng.)
14. Deilkås E.T., Bukholm G., Lindstrøm J.C., Haugen M. Monitoring adverse events in Norwegian hospitals from 2010 to 2013. *BMJ Open*. 2015; (5):1–6. DOI: [10.1136/bmjopen-2015-008576](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2015-008576) (in Eng.)
15. Mello M., Studdert D., Thomas E., Yoon C., Brennan T. Who pays for medical errors? An analysis of adverse event costs, the medical liability system, and incentives for patient safety improvement. *Journal of Empirical Legal Studies*. 2007; (4):835–860. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1740-1461.2007.00108.x> (in Eng.)
16. Andel C., Davidow S.L., Hollander M., Moreno D.A. The economics of health care quality and medical errors. *Journal of health care finance*. 2012; 39(1):39–50. Available from: https://www.researchgate.net/publication/233533297_The_economics_of_health_care_quality_and_medical_errors (in Eng.)
17. Shreve J., Van Den Bos J., Gray T., Halford M., Rustagi K., Ziemkiewicz E. The economic measurement of medical errors. Schaumburg, IL: The Society of Actuaries. 2010. 274 p. Available from: <https://psnet.ahrq.gov/resources/resource/18975> (in Eng.)
18. Murashko M.A., Seregina I.F., Matytsin N.O. Methodological foundations for applying risk-oriented approach in exerting state control in health care. *Vestnik Roszdravnadzor = Messenger Roszdrav*. 2017; (3):9–13 (in Russ.)
19. Khayrullin I.I., Kurylev V.A., Kapustina I.O. Organization of internal audit medical organizations as a tool to improve the effectiveness and efficiency. *Vestnik Roszdravnadzor = Messenger Roszdrav*. 2015; (3):33–38 (in Russ.)
20. Mukhortova S.A., Kulichenko T.V., Namazova-Baranova L.S., Piskunova S.G., Besedina E.A., Prometnoy D.V. Supportive Supervision as a Technology of Improving the Quality of Hospital Care Delivery. *Pediatricskaya farmakologiya = Pediatric pharmacology*. 2017; 14(3): 192–197. DOI: [10.15690/pf.v14i3.1744](https://doi.org/10.15690/pf.v14i3.1744) (in Russ.)
21. Knyazev E., Tayevsky B., Tayevsky A., Yeliseyeva E. What to change in the system of internal control in 2018. *Zamestitel' glavnogo vracha = Deputy Head Physician*. 2017; (12):14–21 (in Russ.)
22. Davis P., Lay-Yee R., Briant R., Ali W., Scott A., Schug S. Adverse events in New Zealand public hospitals I: occurrence and impact. *The New Zealand medical journal*. 2002; 115(1167):U271. Available from: https://www.researchgate.net/publication/10930999_Adverse_Events_in_New_Zealand_Public_Hospitals_I (accessed Mar 13 2019) (in Eng.)
23. Zegers M., Bruijine M.C., Wagner C., Hoonhout L.H.F., Waaijman R., Smits M., Hout F.A.G., Zwaan L., Christiaans-Dingelhoff I., Timmermans D.R.M., Groenewegen P.P., Van der Wal G. Adverse events and potentially preventable deaths in Dutch hospitals: results of a retrospective patient record review study. *BMJ Quality & Safety*. 2009; 18(4):297–302. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qshc.2007.025924> (in Eng.)
24. Brennan T.A., Leap L.L., Larid N.M., Hebert L., Localio A.R., Lawthers A.G., Newhouse J.P., Weiler P.C., Hiatt H.H. Incidence of adverse events and negligence in hospitalized patients: results of the Harvard Medical Practice Study I. *BMJ Quality & Safety*. 2004; 13(2):145–152. Available from: <https://qualitysafety.bmj.com/content/qhc/13/2/145.full.pdf>. DOI: <http://doi.org/10.1136/qshc.2002.003822> (in Eng.)
25. Shaw R., Drever F., Hughes H., Osborn S., Williams S. Adverse events and nearmiss reporting in the NHS. *BMJ Quality & Safety*. 2005. 14(4):279–283. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qshc.2004.010553> (in Eng.)
26. Runciman W., Hibbert P., Thomson R., Schaaf T.V.D., Sheman H., Lewalle P. Towards an International Classification for Patient Safety: key concepts and terms. *International Journal for Quality in Health Care*. 2009; 21(1):18–26. DOI: <http://doi.org/10.1093/intqhc/mzn057> (in Eng.)
27. Leape L.L., Brennan T.A., Laird N., Lawthers A.G. The Nature of Adverse Events in Hospitalized Patients. Results of the Harvard Medical Practice Study II. *New England Journal of Medicine*. 1991; (324):377–384. Available from: <http://hdl.handle.net/10822/845243> (in Eng.)
28. Thomas E.J., Studdert D.M., Burstin H.R., Orav E.J., Zeena T., Williams E., Howard K., Weiler P., Brennan T.A. Incidence and types of adverse events and negligent care in Utah and Colorado. *Medical Care*. 2000; 38(3):261–271. Available from: <https://psnet.ahrq.gov/resources/resource/1538>. DOI: [10.1097/00005650-200003000-00003](https://doi.org/10.1097/00005650-200003000-00003) (in Eng.)
29. Van Beuzekom M., Boer F., Akerboom S., Hudson P. Patient safety in the operating room: an intervention study on latent risk factors. *British Journal of Anaesthesia*. 2010; 105(1):52–59. Available from: <https://bmcsurg.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2482-12-10>. DOI: <http://doi.org/10.1186/1471-2482-12-10> (in Eng.)
30. Lawton R., Carruthers S., Gardner P., Wright J., McEachan R.R.C. Identifying the latent failures underpinning medication administration errors: an exploratory study. *Health Services Research*. 2012; 47(4):1437–1459. DOI: <http://doi.org/10.1111/j.1475-6773.2012.01390.x> (in Eng.)

31. James J.T. A new evidence-based estimate of patient harms associated with hospital care. *J. Patient Saf.* 2013; 9(3):122–128. Available from: <https://amazonaws.com./documentcloud.org./documents/781687> (in Eng.)
32. Classen D.C., Resar R., Griffin F., Federico F., Frankel T. et al. Global trigger tool» shows that adverse events in hospitals may be ten times greater than previously measured. *Health Affairs.* 2011; 30(4):581–589. DOI: <http://doi.org/10.1377/hlthaff.2011.0190> (in Eng.)
33. Munn Z., Scarborough A., Pearce S. et al. The implementation of best practice in medication administration across a health network: a multisite evidence-based audit and feedback project. *JBI Database of Systematic Reviews and Implementation Reports.* 2015; 13(8):338–352. DOI: <http://doi.org/10.11124/jbisrir-2015-2315> (in Eng.)
34. Lucado J., Paez K., Elixhauser A. Medication-Related Adverse Outcomes in U.S. Hospitals and Emergency Departments, 2008: statistical brief #109. In: Healthcare cost and utilization project (HCUP) statistical briefs. Rockville, MD: Agency for Healthcare Research and Quality (US). 2011 (in Eng.)
35. Adverse Events in Hospitals: Methods for Identifying Events. Washington, DC: Department of Health and Human Services. 2010. 60 p. Available from: <http://www.oig.hhs.gov/oei/reports/oei-06-08-00221.pdf> (in Eng.)
36. Shaw R., Drever F., Hughes H., Osborn S., Williams S. Adverse events and near miss reporting in the NHS. *BMJ Quality & Safety.* 2005; 14(4):279–283. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qshc.2004.010553> (in Eng.)
37. Stoyanova R.G., Raycheva R.D., Dimova T.Z. Economic aspects of medical errors. *Folia Medica.* 2012; 54(1):58–64. DOI: <http://doi.org/10.2478/v10153-011-0079-5> (in Eng.)
38. Murff H.J., Patel V.L., Hripcsak G., Bates D.W. Detecting adverse events for patient safety research: a review of current methodologies. *Journal of biomedical informatics.* 2003; 36(1–2):131–143. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2003.08.003> (in Eng.)

About the authors:

Olga L. Zadornaya, Department of health organization and public health, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education (RMACPE) (2/1, Barrikadnaya st., Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Professor, **ORCID: 0000-0002-3292-4668**, olga-l-zadornaya@mail.ru

Yuriy E. Voskanyan, Department of health organization and public health, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education (RMACPE) (2/1, Barrikadnaya st., Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Professor, **ORCID: 0000-0003-2962-2818**, Voskanyanue_mmch@mail.ru

Irina B. Shikina, Chief Researcher, Federal Research Institute for Health Organization and Informatics of Ministry of Health of the Russian Federation (11, Dobrolubov st., Moscow, 127254), Moscow, Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Professor, **ORCID: 0000-0003-1744-9528**, shikina_irina@mail.ru

Konstantin N. Borisov, Department of health organization and public health, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education (RMACPE) (2/1, Barrikadnaya st., Moscow, 125993), Moscow, Russian Federation, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, bknbpkn@mail.ru

Contribution of co-authors:

The authors made an equivalent contribution to the publication.

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 334.72, 338.012
JEL: L31

DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.1.114-132

Социальное предпринимательство в России: текущее состояние и особенности развития

Наталья Павловна Иващенко¹, Наталья Ивановна Булыгина²

¹⁻² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

E-mail: nivashenko@mail.ru; ni.bulygina@yandex.ru

Поступила в редакцию: 26.07.2018; одобрена: 07.03.2019; опубликована онлайн: 28.03.2019

Аннотация

Цель: Данная работа ставит целью проанализировать текущее состояние явления социального предпринимательства в России, выявить характерные особенности, сопровождающие его развитие, а также исследовать устойчивость современных российских социальных предприятий.

Методология проведения работы: Для достижения обозначенной цели в работе были использованы методы теоретического исследования – абстрагирование, анализ и синтез. С помощью указанных методов исследована, прежде всего, теоретическая база понятия (выполнен обзор и оценка существующих подходов к определениям его и близких/сходных понятий, а также разработано авторское определение для целей исследования), выявлена проблематика понятийного аппарата и критериев на практике. Как следствие – рассмотрены вопросы качественного и количественного исследования явления в России, а также проведен сравнительный анализ совокупности социальных предприятий, отобранных специализированным фондом поддержки социальных инициатив в 2015 году, с применением возможностей базы данных «Спарк». Кроме того, в работе были применены методы эмпирического исследования, экономического и, в отдельных случаях, финансового анализа, а именно, сравнение компаний, входящих в интересующую выборку, с применением общей методологии финансового сопоставления предприятий. В рамках исследования анализируется состав, направленность и срок жизни социально-предпринимательских проектов на примере специфической выборки, а также подробно рассматривается формальное, юридически оформленное представление предприятий социального предпринимательства в базе данных «Спарк».

Результаты работы: Исследование показало, что на текущий момент анализ деятельности многих социальных предприятий существенно затруднен из-за выбранной ими организационно-правовой формы деятельности. Сегодня многие предприятия выборки являются нестабильными или прекратили свою деятельность. Тем не менее, данный результат может быть использован преимущественно для построения гипотез для последующих исследований, ввиду ограничений выборки и статистических провалов в отношении предприятий, относящихся к социальному предпринимательству.

Выводы: В рамках исследования было установлено, что современные социальные предприятия имеют неоднородный состав и часто весьма нестабильное финансовое положение спустя несколько лет после получения поддержки. Исследование позволяет сделать вывод о необходимости проверки первоначальных гипотез на более крупной выборке. Так, нуждается в дальнейшем изучении обусловленность продолжительности деятельности социального предприятия первоначальными параметрами предприятия, такими как, например, организационно-правовая форма, а также зависимость продолжительности активной предпринимательской деятельности от избранной социальной направленности – ведь малые и средние предприятия сами по себе являются довольно нестабильными структурами. На основании проведенного исследования также выдвигается гипотеза о необходимости комплексной и продолжительной поддержки социально-предпринимательских проектов со стороны государства и специализированных фондов.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, инновация, региональное развитие, социальная проблема, социальное предприятие, благотворительность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Иващенко Н. П., Булыгина Н. И. Социальное предпринимательство в России: текущее состояние и особенности развития // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 1. С. 114–132.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.114-132>

© Иващенко Н. П., Булыгина Н. И., 2019

Social entrepreneurship in Russia: current state and development features

Natalia P. Ivashchenko¹, Natalia I. Bulygina²

¹⁻² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

1, Leninskie gory, Moscow, 119991

E-mail: nivashenko@mail.ru; ni.bulygina@yandex.ru

Submitted 26.07.2018; revised 07.03.2019; published online 28.03.2019

Abstract

Purpose: this work aims to analyze the current development of social entrepreneurship in Russia, identify the characteristic features that accompany the development of the phenomenon, and analyze the financial sustainability of modern Russian social enterprises.

Methods: to achieve the stated goal, theoretical research methods – abstraction, analysis and synthesis were used. With the help of these methods, first of all, for the theoretical basis of the concept (review and evaluation of existing approaches to the definition of a phenomenon and similar concepts, as well as developing definition for research purposes), identifying problems of the conceptual apparatus and criteria in practice. As a result, the issues of qualitative and quantitative research of the phenomenon in Russia, as well as for a comparative analysis of social enterprises, supported by a specialized fund in 2015 (data provided by SPARK database). The paper also applied methods of empirical research, economic and, in some cases, financial analysis, namely, a comparison of companies in the sample of interest using the general methodology of financial comparison of enterprises. Within the framework of the study, the composition, direction and lifetime of social and entrepreneurial projects are analyzed using the example of a specific sample, and a formal, legally formalized representation of enterprises of social entrepreneurship in the Spark database.

Results: the study showed that at the current time the analysis of the activities of many social enterprises is significantly hampered by their chosen organizational and legal form of activity, many enterprises are unstable or have ceased operations.

Conclusions and Relevance: the study found that modern social enterprises have a heterogeneous composition and often a very unstable financial situation several years after receiving support. This result allows us to conclude that it is necessary to test the initial hypotheses on a larger sample. So, the further study of the conditionality of the duration of the "life" of the social enterprise with the initial parameters of the enterprise, such as, for example, the organizational legal form, and also the dependence of the duration of active entrepreneurial activity on the chosen social orientation – after all, small and medium enterprises themselves are rather unstable structures. Based on the conducted research, a hypothesis is also put forward on the need for comprehensive and long-term support of social and entrepreneurial projects.

Keywords: social entrepreneurship, innovation, regional development, social problem, social enterprise, charity

Conflict of Interes. The Authors declares that there is no Conflict of Interest.

For citation: Ivashchenko N. P., Bulygina N. I. Social entrepreneurship in Russia: current state and development features. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2019; 10(1):114–132.

DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.114-132>

Введение

Сфера социального предпринимательства в экономической науке представляет собой перспективную и высоко проблематизированную область, как в плане практического исследования, так и в разрезе теоретических изысканий. Сама концепция социального предпринимательства для России достаточно нова – в современном виде ей не более 20-ти лет. Отчасти она была заимствована из-за рубежа, и, несмотря на всю практическую значимость социального предпринимательства, по-прежнему существуют достаточно серьезные разногласия в части терминологии явления. Так, в процессе исследования обнаружено множество критериев и определений социального предпринимательства, из которых лишь одно в России является официальным, но и оно имеет свою серьезную специфику, так как приспособлено для целей конкретного законодательного акта и не охваты-

вает всего многообразия социального предпринимательства. Также существует множество явлений, близких к концепции социального предпринимательства – это, прежде всего, такие понятия как «социальный активизм» и «социальный бизнес», а также понятие «предприятие социальной сферы».

Кроме обозначенных проблем существует целый ряд сложностей, связанных с определением практической базы исследования социального предпринимательства, особенно в России. Так, из размытости критериев отнесения к социальному предпринимательству абсолютно закономерно рождаются разногласия при отнесении того или иного предприятия к социальному. Мало того, данная тема сопряжена с целым рядом морально-этических вопросов, которые не всегда могут быть однозначно определены и зачастую являются поводом для дискуссии.

Еще один пласт проблем связан с практической реализацией проектов, в частности, на территории Российской Федерации. Данное исследование в основном посвящено именно этим аспектам, а также отражению социальных предприятий в системах коммерческих баз данных. Тем не менее, перечисленные выше вопросы в равной степени заслуживают внимания академического сообщества, и частично будут затронуты в рамках исследования.

Обзор литературы и исследований. В российской научной литературе существует множество статей, посвященных социальному предпринимательству. Однако большая часть из них рассматривает конкретные аспекты явления, и, в том случае, если и затрагивает определение социального предпринимательства, то, как правило, останавливается на обзоре различных зарубежных подходов [1] к определению социального предпринимательства [2], не формулируя новых и не уточняя ни одно из уже имеющихся определений [3, 4]. Вероятнее всего, это связано с относительной новизной явления для России. Если в Европе определение формулировалось на основе обширной практической базы, то для России характерно скорее обратное движение: несмотря на то, что социальное предпринимательство как таковое в стране есть, оно существует в некотором отрыве от теории, большей частью заимствованной из-за рубежа. По этой простой причине значительная часть определений в научной литературе содержит критерии и особенности, характерные для одного из зарубежных подходов.

Тем не менее, существует и множество более обстоятельных работ, наиболее полно раскрывающих суть социального предпринимательства как с теоретической, так и с практической точек зрения – например, работы А.А. Московской [5], Ю.Н. Арай [6] и Н.И. Зверевой [7], которые, во многом, составляют теоретическую базу представленной работы. Кроме того, в настоящий момент проводятся исследования стадии развития социального предпринимательства [8, 9]. Здесь отдельно стоит отметить работы А.И. Албутовой [10] и сотрудников фонда поддержки социальных инициатив «Наше Будущее»¹.

Настоящая работа сужает и углубляет данное направление исследования. Статья в значительной степени посвящена анализу состава и характеристик социального предпринимательства на примере специфической выборки проектов, поддержанных Фондом «Наше Будущее» в 2015 году, анализу соответствия предприятий выделенным на основании теоретического разбора критериям социальных предприятий, а также оценке деятельности компаний по завершению конкурсных мер поддержки.

Материалы и методы. Исследование включает в себя несколько взаимосвязанных частей, первая из которых посвящена анализу теоретических аспектов явления на основе тематических публикаций и монографий последних лет, вторая – исследованию разнообразия и применимости различных источников информации о социальном предпринимательстве, а последняя – выявлению особенностей и характеристик современного российского социального предпринимательства на основании выборки проектов 2015 года.

Для проведения соответствующих работ были использованы методы теоретического, экономического и, в отдельных случаях, финансового анализа. Был задействован ряд материалов теоретического и практического характера – публикации и исследования на выбранную тему, включая материалы, касающиеся мер поддержки [11, 12] и законодательного определения социального предпринимательства в вопросе постановки гипотез исследования [13, 14], специфические источники данных в виде электронного Каталога социальных предприятий России², а также базы данных Фонда «Наше Будущее»³, содержащие информацию о поддержанных на конкурсной основе социальных инициативах и социально-предпринимательских проектах.

Для изучения финальной выборки была использована также коммерческая база данных «Спарк»⁴, содержащая актуальную информацию о российских компаниях, включая регистрационные, финансовые и прочие данные.

¹ Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее». 2007–2016. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/> (дата обращения: 21.03.2018)

² Каталог предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014–2018. URL: <http://soindex.ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

³ Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее». 2007–2016. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/> (дата обращения: 21.03.2018)

⁴ Сайт коммерческой базы данных «Спарк». URL: http://www.spark-interfax.ru/ru/about#_top (дата обращения: 22.03.2018)

Результаты работы

Отсутствие единого общепринятого определения социального предпринимательства вызывает разногласия не только среди исследователей. Среди тех, кто не занимается непосредственно тематикой социального предпринимательства или не сталкивался с явлением лично, распространен ряд заблуждений и предубеждений. Так, социальное предпринимательство путают с благотворительностью, отождествляют с формой некоммерческих организаций или совмещают с понятиями «социальной ответственности бизнеса» или «корпоративной социальной ответственности». По данным проведенного среди студенческого и профессорско-преподавательского состава университетов авторского опроса, обозначенное словосочетание может вызывать длинные ассоциативные цепочки, вплоть до негативно окрашенных, что само по себе является достаточно серьезной проблемой на пути развития социального предпринимательства в России, поскольку подрывает один из важнейших ресурсов социального предпринимательства – доверие к нему.

В научной и научно-популярной зарубежной литературе прослеживается множественность подходов при определении социального предпринимательства. Так, например, Ю.Н. Арай [6] предлагает разделять все дефиниции, данные зарубежными авторами, на две большие группы – определения социального предпринимательства в узком и широком смыслах. К первой группе относятся те, которые характеризуют социальное предпринимательство как применение некоммерческими организациями инновационных подходов с целью получения дохода. Определения социального предпринимательства в широком смысле делают акцент на более общих признаках социального предпринимательства: оно «понимается как социально ориентированная инновационная деятельность как в коммерческом (социально ориентированные коммерческие компании, корпоративное социальное предпринимательство), так и в некоммерческом секторе, либо на стыке – в организациях смешанного типа» [6, с. 113]. Данного типа определений придерживались исследователи Emerson, Twersky [15], Dees [16], Johnson [17], Certo, Miller [18]. Стоит сразу заметить, что для целей исследования не подойдет ни первая, ни вторая группа, поскольку все эти определения делают акцент на организационно-правовой форме предприятия и не уделяют должного внимания качественным характеристикам, т.е. не являются достаточно полными.

Конечно, существуют и другие подходы к характеристике социального предпринимательства. В частности, рядом исследователей были предпри-

няты попытки определить социальное предпринимательство исходя из его различий с традиционным, коммерческим предпринимательством. В частности, такой подход использовали Остин Дж., Стивенсон Г. и Вэй-Скиллерн Дж. Так, они считают, что социальное предпринимательство, в отличие от коммерческого, направлено на «создание социальной ценности для блага общества, в то время как коммерческое предпринимательство направлено на поддержание прибыльных операций в личных целях» [19]. Однако, как отмечают, в том числе, сами авторы, различие между социальным и коммерческим предпринимательством сильно преувеличивается: ведь коммерческое предпринимательство также может решать довольно серьезные социальные проблемы. Например, коммерческий предприниматель может выступать поставщиком рабочих мест, товаров и услуг (в том числе социального назначения) – но это не является основной целью и мотивом его деятельности. То есть решение проблемы происходит параллельно с достижением предприятием своей основной цели – максимизации прибыли, коммерческого успеха продукта и компании в целом.

Некоторые исследователи выделяют социальное предпринимательство как один из видов предпринимательства в целом [16]. Все определения социального предпринимательства можно также разделить на направления в рамках европейского и англо-американского подхода, чего придерживаются многие исследователи [5, 20].

Наиболее полно явление социального предпринимательства раскрывается одной из ведущих исследователей социального предпринимательства в России, А.А. Московской, которая использует несколько скорректированный подход англо-американской традиции [5, с. 288], о чем прямо говорится в тексте ее работ [5, с. 107]. Определение, которое использует А.А. Московская, базируется на формулировке Ким Алтер [21] и звучит следующим образом: «Социальное предпринимательство – это новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости» [5, с. 15]. В качестве существенных черт социального предпринимательства приводятся следующие характеристики: преобладание социальной миссии над коммерческой (т.е. целенаправленное решение социальных проблем); самоокупаемость и финансовая независимость предприятий (хотя гранты и прочие источники финансирования допускаются в качестве дополнительных источников финансирования); инновационный, предпринимательский подход к решению проблем; этическая безупречность лидера и культуры организации.

Тем не менее, есть и другие подходы. Так, Ю.Н. Арай формулирует следующее определение: «социальное предпринимательство – это безубыточная предпринимательская деятельность, движимая основной миссией компании – созданием социальной ценности – и направленная на решение проблем общества» [6, с. 118]. Стоит отметить, что в данном определении важным критерием выступает самокупаемость, что действительно важно в российских условиях. А.А. Московская также делает акцент на самокупаемости социального предпринимательства [5, с. 22], подчеркивая различие в подходах к определению социального предпринимательства с фондом Ashoka – данным фондом было признано множество проектов, частично или полностью опирающихся на благотворительность. Однако в России благотворительность не настолько развита, и, в случае нехватки средств от благотворительности, есть риск возникновения зависимости проекта от государственных источников финансирования, что представляет собой не решение проблемы, а усугубление ее, ведь социальное предпринимательство возникает именно там, где государство и бизнес не решают или недостаточно эффективно решают социальные проблемы. Таким образом, критерий преимущественного производства товаров и предоставления услуг, а также самокупаемости проекта на этой основе представляет особую важность для отнесения предпринимательских проектов в категорию социального предпринимательства.

Несмотря на обилие теоретических работ по социальному предпринимательству, имеющих целью определение и углубление понимания границ явления [22, 23], научная дискуссия в этом направлении еще далека от завершения, равно как и в отношении вопросов о многообразии подходов к социальному предпринимательству [24]. В связи с этим интересно обратиться также к опыту российского социального предпринимательства, ведь для данной области определение и критерии отнесения к социальному предпринимательству представляют не только научный, но и практический интерес.

Центр социального предпринимательства и социальных инноваций при НИУ «Высшая школа экономики» дает обзор зарубежных определений и, наравне с ними, использует следующие критерии социального предпринимательства: «Социальное предприятие как субъект социального предприни-

мательства отличается тремя важными свойствами, которые присутствуют в нем одновременно: оно создано специально для решения социальной проблемы или уменьшения ее остроты; оно предлагает качественно новый продукт (услугу) или качественно новую модель его предоставления; его деятельность экономически устойчива, то есть большая часть дохода приобретается за счет продажи товаров или услуг, а не грантов, пожертвований и прочих донорских средств»⁵.

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее» дает собственное определение социального предпринимательства и несколько более развернутые критерии, хотя суть их остается довольно близкой к примерам, рассмотренным ранее: «Социальное предпринимательство – это новаторская деятельность, изначально направленная на решение или смягчение социальных проблем общества на условиях самокупаемости и устойчивости»⁶. При этом предприятие может быть отнесено к категории социального предпринимательства, если оно удовлетворяет одновременно следующим критериям: предприятие существует ради воплощения в жизнь его социальной миссии; практикует предпринимательский подход; является инновационным (новаторство в решении социальной проблемы является важным требованием, оно понимается как использование новой комбинации ресурсов или разработка нового товара или услуги для региона, и данный критерий обращен в сторону шumpетерианского подхода к определению социального предпринимательства); обладает свойством тиражируемости, самокупаемости, и при этом устойчиво в финансовом плане. Интересно, что данное определение практически в неизменном виде порой встречается и в теоретических работах [25].

На наш взгляд, необходимо уточнить определение социального предпринимательства следующим образом: социальное предпринимательство – это инновационный способ решения социальных, экономических или экологических проблем, направленный на достижение нового, более эффективного социального равновесия и воплощенный путем создания самокупаемого предпринимательского проекта, не зависящего от внешних источников финансирования.

Важным критерием, уточняющим данное определение, является преимущественное направление

⁵ Определение социального предпринимательства / НИУ ВШЭ. 1993–2016. URL: https://socentr.hse.ru/opredelenie_socialnogo_predprinimatelstva (дата обращения: 18.03.2018)

⁶ Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее». 2007–2016. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/> (дата обращения: 21.03.2018)

прибыли предприятия на выполнение его социальной миссии. Стоит отметить, что социальное предпринимательство не обязательно является инновационной деятельностью в плане производства нового продукта или услуги, ведь главное в данном явлении – это решение социальной проблемы, вне зависимости от оригинальности найденной идеи. Таким образом, неинновационный проект также может относиться к социальному предпринимательству, хотя, безусловно, проекты, предлагающие новые и неординарные решения, казалось бы, давно известных проблем, всегда привлекают больше внимания и представляют собой яркие и наглядные иллюстрации явления социального предпринимательства.

При этом также следует разграничить социальные предприятия и другие формы решения или смягчения социальных проблем. Стоит уделить внимание понятиям, близким понятию социального предпринимательства – это, в первую очередь, понятия «социальный бизнес», «социальная инновация» и «благотворительность». Также стоит отдельно рассмотреть и разграничить социальное предпринимательство и так называемую «социальную ответственность бизнеса» или «корпоративную социальную ответственность».

Понятие «социальный бизнес» является одним из самых близких к понятию социального предпринимательства. Тем не менее, в рамках настоящей работы эти понятия не только не являются синонимичными, но в некотором смысле противопоставляются друг другу. Социальный бизнес мы будем далее понимать как бизнес, который в первую очередь ориентирован на получение прибыли и коммерческий успех, но попутно он может решать или способствовать решению социальной проблемы. То есть социальный эффект социального бизнеса – это некоторое дополнение к его основной деятельности. Таким образом, это понятие скорее ближе к понятию «корпоративной социальной ответственности». Под данным термином будет пониматься дополнительная деятельность коммерческих предприятий, не связанная напрямую с их основной деятельностью, которая подразумевает признание компанией ответственности за свою деятельность, выходящей за рамки соблюдения официального законодательства. Такая деятельность направлена на решение определенных социальных проблем, повышение уровня жизни общества в целом. Она представляет собой общественно одобряемую деятельность и, в первую очередь, позволяет извлекать репутационную выгоду. В соответствии с рассуждениями Ю.Н. Арай [6, с. 115], программы корпоративной социальной ответственности получили распространение как ответная реакция на давление общества и являются скорее защитной мерой компаний, нежели действительно самосто-

ятельной инициативой. Таким образом, становятся очевидны отличия социального предпринимательства от явления корпоративной социальной ответственности.

Еще одно понятие, близкое социальному предпринимательству – это «благотворительность», безвозмездная помощь нуждающимся лицам. Данное явление носит скорее добровольный и несистематический характер. Используя концепцию Ким Алтер [21], можно констатировать, что благотворительность также направлена скорее на совершенствование уже существующего равновесия, а не на переход к новому. Кроме того, в благотворительности нет предпринимательских черт как таковых, что также позволяет отделить данное понятие от интересующего нас термина.

Существует также термин «социальные инновации», который непосредственно связан с социальным предпринимательством, и в рамках данной работы будет пониматься как инновационная составляющая социального предпринимательства – это те идеи, механизмы и новые решения, которые могут быть применены для сглаживания острых социальных проблем. Для данного исследования социальные инновации являются одним из ключевых понятий. Социальные инновации могут быть задействованы и в социальном бизнесе, и в рамках корпоративной социальной ответственности.

Итак, дальнейшими задачами исследования являются: определение устойчивости социально-предпринимательской деятельности в текущих социально-экономических условиях России, выявление тенденций в сфере социального предпринимательства, а также анализ количественных и качественных характеристик развития явления в России на основании сравнительного анализа социальных предприятий России в 2015 году.

Россия представляет собой совершенно особую среду для развития социального предпринимательства. С одной стороны, в стране существуют все необходимые предпосылки для развития данного явления: это и достаточное количество социальных проблем, которые не решаются, или недостаточно эффективно решаются государством в силу огромной территории страны и ограниченных бюджетных возможностей, и отсутствие адекватного негосударственного механизма их решения. С другой стороны, для существования и эффективного развития социального предпринимательства требуется наличие благоприятной экономической и институциональной среды. Стоит отдельно отметить, что социальное предпринимательство существует только пока присутствует проблема. К примеру, первая аптека в отдаленной от больших городов деревне – это социальное предпринимательство, а вот новая аптека в большом городе, которая

лишь увеличивает конкуренцию между аптечными пунктами – нет. В этом смысле каждый случай социального предпринимательства уникален. Вышеописанная характеристика социального предпринимательства создает существенные препятствия для его исследования – статистика на данный момент не учитывает социальные предприятия в рамках отдельной категории предприятий, а их уникальность затрудняет сбор статистических данных о них в рамках формализованной выборки, например, из коммерческих баз данных. Ввиду этого для исследования социальных предприятий целесообразно воспользоваться специализированными источниками информации, наиболее релевантными из которых являются каталог «Социальное предпринимательство России»⁷ и база поддержанных проектов фондов, например, фонда региональных социальных программ «Наше Будущее»⁸.

Ранее в российской исследовательской среде уже предпринимались попытки качественного и количественного исследования состава социальных предприятий России. Научное сообщество обратило свое внимание на отдельные социальные предприятия и на само явление в 2006–2008 годах, хотя отдельные примеры предприятий существовали еще с начала 2000-х и даже ранее (при том, что в большинстве случаев они просто не идентифицировали себя как социальные предприятия, т.е. имеет место быть проблема самоопределения). Исследователи Центра социального предпринимательства и социальных инноваций при НИУ ВШЭ связывают это с тем, что для становления социального предпринимательства требуется определенный уровень развития экономики и общественного самосознания [5, с. 111]. Наиболее полное исследование российских социальных предприятий было проведено в 2013 году А.И. Албутовой [10] на основе информации о поданных заявках в Фонд региональных социальных проектов «Наше будущее». Определение и критерии социального предпринимательства, принятые Фондом, совпадают с наиболее распространенным европейским определением, а также с определением, наиболее часто встречающимся в российских работах по социальному предпринимательству.

По данным исследования А.И. Албутовой, российские социальные предприятия представляли собой относительно молодые организации: по состоянию на 2010 год их возраст в среднем составлял

8 лет. Об этом же упоминает А.А. Москвитин в своем исследовании [5, с. 115]: российские социальные предприятия, по большей части – это стартапы, относительно молодые и малые формы, которые, в силу существования определенных барьеров роста, не могут значительно расширить масштаб своего функционирования. Преимущественно социальное предпринимательство было представлено малыми или средними предприятиями (97%), на которых занято до 250-ти человек. Проекты, как правило, решали проблемы занятости населения (всего 51 проект, при этом из них 34 проекта были связаны с образованием и 23 с здравоохранением), при средней стоимости проекта в 6 млн рублей и сроке реализации в 2,5 года. Предприятия были зарегистрированы в самых разных организационно-правовых формах (35 форм по указанию исследователя), преимущественно, это ООО (в данной форме зарегистрировано 50 предприятий из 186-ти исследованных) или индивидуальные предприниматели (42 предприятия), а также довольно часто встречаются некоммерческие партнерства и региональные общественные организации (по 14 предприятий).

Отдельные характеристики социального предпринимательства, выявленные в указанном исследовании, можно сопоставить с результатами текущей работы. Как было обозначено ранее, исследование А.И. Албутовой базировалось на основе информации о поданных в Фонд региональных социальных проектов «Наше будущее» заявках на поддержку. Данные предприятия, таким образом, самостоятельно определяли себя как социальные предприятия, и, вероятно, не все из них действительно удовлетворяли строгим критериям социального предпринимательства. С другой стороны, имеет смысл обратиться к базе уже поддержанных проектов социального предпринимательства, прошедших определенный отбор и критическую оценку со стороны сотрудников Фонда.

Альтернативным возможным источником данных для исследования является каталог социальных предприятий России. Однако при ближайшем рассмотрении был выявлен ряд серьезных ограничений использования такого источника информации. Так, в указанный каталог собраны «исключительно работающие проекты, самоопределяющиеся как проекты в области социального предпринимательства»⁹. Таким образом, требуется критическая

⁷ Каталог предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014–2018. URL: <http://soindex.ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

⁸ Фонд региональных социальных программ «Наше Будущее». 2007–2016. URL: <http://www.nb-fund.ru/about-us/> (дата обращения: 21.03.2018)

⁹ Каталог предприятий, товаров и услуг социальных предпринимателей / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014–2018. URL: <http://soindex.ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

оценка «социальности» предприятий и их четкая классификация (поскольку классификация, например, по целевой аудитории носит нечеткий характер – многие предприятия не выделяют или не конкретизируют свою целевую аудиторию, и относятся, таким образом, сразу ко всем, что затрудняет выборочный анализ). Также в каталоге может отсутствовать подробное описание проекта и год его добавления в базу. Кроме того, на наш взгляд, часть «социальных предприятий», указанных там в 2016 году, вообще не могли быть отнесены к проектам социального предпринимательства, исходя из предоставленной ими информации: в ней не только не содержится хоть сколько-нибудь полного описания проекта, но и не прослеживается социальная миссия как таковая. Это, например, так называемый «Сервис поиска попутчиков»¹⁰, ИП Лопакова Светлана Владимировна¹¹ (в описании указано лишь «Предоставление гостиничных услуг в с. Кожевниково») или АНО «Репетиционный центр «Логос»¹², разрабатывающий приключенческие туристические маршруты. По каждому из таких проектов требовался сбор дополнительной информации, и на тот момент, по нашему мнению, указанные проекты не попадали в категорию социальных предприятий.

В рамках авторского исследования 2016 года были отдельно рассмотрены социальные предприятия каталога, целевой аудиторией которых являлись студенты. В результате анализа было сделано заключение о том, что реальные проблемы студентов и выпускников фактически не решались ни одним из указанных в категории социальных предприятий¹³. В каталоге на тот момент (январь-март 2016 года) значилось 96

социальных предприятий, обозначивших своей целевой аудиторией студентов. Однако фактически целевыми группами большей части предприятий являются практически все граждане России. В данную «группу» предприятий входят самые различные экономические субъекты, реализующие проекты в самых разных областях – начиная от энергетических¹⁴ и экологических¹⁵ до туристических, образовательных (так, «Сема»¹⁶ – сеть развивающих детских центров для детей от 9-ти месяцев до 7-ми лет, также указывает в качестве своей целевой аудитории студентов) и проектов в области здравоохранения (например, отличный по сути проект ООО «Республика»¹⁷, который занимается производством так называемых «браслетов помощи», содержащих необходимую медицинскую информацию для оказания первой помощи конкретному больному в случаях, когда ему внезапно стало плохо на улице, но определяет свою сферу как «Вовлечение в социально-активную деятельность социально незащищенных групп»). В действительности, студенты как целевая аудитория упоминаются лишь в нескольких развернутых описаниях проектов. Причем чаще всего такие проекты предлагают волонтерские¹⁸ позиции для студентов, услуги по профориентации¹⁹ или же продукты и услуги, которые могут быть потреблены практически любой аудиторией (например, в качестве аудитории указываются: «Пожилые люди, Родители с детьми, Люди с ограниченными возможностями, инвалиды, Социально-незащищенные жители, Дети-сироты, приемные семьи, Молодежь, Дошкольники, Учащиеся младших классов, Учащиеся средней школы, Студенты, Работающая молодежь, Добровольцы, сторонники НКО, Взрослые от 30 до 45 лет, Взрослые от 45 до 60 лет, Неполные семьи, Некоммерческие организации»²⁰).

¹⁰ Сервис поиска попутчиков / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/275> (дата обращения: 22.04.2018)

¹¹ ИП Лопакова Светлана Владимировна / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/304> (дата обращения: 22.04.2018)

¹² АНО «Репетиционный Центр Логос» / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/253> (дата обращения: 22.04.2018)

¹³ Социальные предприятия, целевой аудиторией которых являются студенты / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: http://coindex.ru/companies/index/sort:Category.title/direction:desc/audience_id:11 (дата обращения: 22.04.2018)

¹⁴ Восточно-сибирский центр энергосбережения / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/69> (дата обращения: 22.04.2018)

¹⁵ «Мико», натуральная косметика и экологичные средства для дома / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/50> (дата обращения: 22.04.2018)

¹⁶ «Сема», сеть развивающих детских центров / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/24> (дата обращения: 22.04.2018)

¹⁷ ООО «Республика» / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/141> (дата обращения: 22.04.2018)

¹⁸ Росомеха, камчатский центр молодежного туризма / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/64> (дата обращения: 22.04.2018)

¹⁹ Молодежный центр профориентации «Мой выбор» / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/331> (дата обращения: 22.04.2018)

Таким образом, данный источник не позволял выделить действительную целевую группу социального предприятия, что чрезвычайно затрудняло работу с каталогом. Интересно проследить, как изменилась ситуация к 2018 году: студентов в качестве своей целевой аудитории указало уже 185 предприятий, при этом по-прежнему сохраняется проблема с четким ограничением целевой аудитории – студенты попадают в целевую группу «за компанию», и практически нет предприятий, действительно решающих проблемы студенческого сообщества.

Из всего вышесказанного следует несколько выводов. В первую очередь, это вывод об ограниченных возможностях использования каталога социального предпринимательства и необходимости критической оценки данных, полученных из данного источника. Исходя из результатов предварительного исследования, было принято решение об отказе от использования информации из каталога социального предпринимательства в целях иных, чем поиск справочной информации о существовании того или иного проекта и его организационно-правовой форме, в связи с тем, что, на наш взгляд, данный каталог, равно как и классификация социальных предприятий, нуждается в значительной доработке и удалении нерелевантных и не адекватных определению социального предпринимательства экономических субъектов. Таким образом, в качестве основного источника информации было решено использовать базу проектов, поддержанных фондом региональных социальных программ «Наше Будущее». Такой подход имеет несколько значительных преимуществ:

- Проекты, победившие в конкурсе, прошли определенный отбор и тестирование на предмет соответствия определению и критериям социального предпринимательства;
- Проекты являются гарантированно финансово устойчивыми (по крайней мере, потенциально);
- Проекты получили средства на развитие, и здесь можно говорить об определенном достижимом социальном эффекте;
- По проектам имеется достаточный объем информации, размещенный на сайте фонда.

Представляется целесообразным рассмотреть социальные проекты, поддержанные Фондом в 2015 году, как некий «срез» со-

временных социальных предприятий – это наиболее активные и потенциально результативные проекты за этот год.

Таким образом, цель первого этапа работы – проанализировать современные социальные предприятия на основе данных о проектах, поддержанных Фондом «Наше Будущее» в 2015 году, установить их сферы деятельности и проверить гипотезы в отношении распределения проектов социального предпринимательства по тематикам в 2015 году. Были рассмотрены и проверены следующие гипотезы:

1. О преимущественно репликативном характере моделей социальных предприятий;
2. О неопределенности в обосновании социальной проблемы: в ряде случаев авторы придерживаются мнения о преувеличении социальной проблемы;
3. О неравномерном распределении предприятий по сферам деятельности. Большая часть проектов, действительно, относится к сферам образования и здравоохранения. Итоговое распределение социальных предприятий по решаемым ими проблемам в 2015 году представлено на рис. 1;

Разработано авторами.

Рис. 1. Современные социальные предприятия России (по данным 2015 г.)

Developed by authors.

Fig. 1. Modern social enterprises of Russia (according to 2015)

²⁰ Благотворительный магазин «Danke-shop» / Социальное предпринимательство России, Гран При. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/184> (дата обращения: 22.04.2018)

²¹ Сайт коммерческой базы данных «Спарк». URL: http://www.spark-interfax.ru/ru/about#_top (дата обращения: 22.03.2018)

4. По ряду проектов у авторов возникают сомнения в их соответствии критериям социального предпринимательства;

5. В отношении проектов в сфере здравоохранения и образования у авторов возникают вопросы о качестве предоставляемых услуг.

На втором этапе исследования необходимо проанализировать перечисленные выше предприятия на предмет действительной финансовой устойчивости с использованием финансовой информации из базы данных «Спарк»²¹, содержащей финансовые данные более чем 11-ти миллионов компаний.

Итак, нами был проведен поиск соответствующих компаний в базе данных «Спарк» по их названиям, и в случае, если компаний с одинаковым названием было несколько, были идентифицированы поддерживаемые предприятия. В качестве доказательства идентификации была использована информация о месторасположении компании (по данным Фонда), руководителях проектов, сумме оказанной помощи, прошедшей по балансу компании, а также о других косвенных признаках. С учетом обнаруженных данных также можно уточнить классификацию предприятий. В качестве дополнительного источника информации были использованы интернет-ресурсы соответствующих предприятий, а также новостные источники, которые могут помочь в определении уровня активности предприятий сейчас, 2 года спустя после финансирования.

Остановимся на каждом из предприятий подробнее.

1. Общество с ограниченной ответственностью «Усадьба Варшкен». Сайт компании по-

прежнему работает, последняя новость от 26.02.2018²², профиль деятельности остался прежним, однако прослеживаются определенные проблемы с финансовой устойчивостью. Так, за период 2013–2016 годов компания получила прибыль лишь в 2014 году, но причиной было не хорошее финансовое состояние, а себестоимость услуг, равная в этом периоде нулю. В случае, если бы показатель был на уровне всех других лет, компания была бы стабильно убыточной (табл. 1).

2. Автономная некоммерческая организация «Центр социальной защиты и поддержки пожилых людей». По информации базы данных «Спарк», некоммерческая организация была ликвидирована по решению суда (ЕГРЮЛ 10.03.2017). Финансовые данные не доступны ни за один год из периода 2013–2015. Сайт, ранее принадлежавший компании, более не работает – был перепродан и теперь на нем содержатся данные стороннего ресурса. По информации всемирного архива сети Интернет, последний раз сайт работал в январе 2017 года²³.

3. «Школа радости». Функционирует как ИП Сычугов Игорь Геннадьевич. В отношении индивидуальных предпринимателей база данных «Спарк» не содержит финансовых данных. Таким образом, отследить финансовую устойчивость на протяжении анализируемого периода не представляется возможным, но можно попробовать извлечь информацию из открытых источников, а также связанных предприятий. Анализ данных показал, что данное ИП по-прежнему функционирует, однако несколько в

Таблица 1

Отчет ОПУ ООО «Усадьба Варшкен»

Table 1

P&L Account of LLC "Usadba Varshken"

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	619 000	178 000	347 000	1 307 000
Себестоимость продаж	726 000	0	503 000	3 123 000
Коммерческие расходы	0	0	0	0
Управленческие расходы	0	0	0	0
Прибыль (убыток) от продаж	-107 000	178 000	-156 000	-1 816 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Спарк». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

²¹ Сайт коммерческой базы данных «Спарк». URL: http://www.spark-interfax.ru/ru/about#_top (дата обращения: 22.03.2018)

²² Пансионат «Варежкино». URL: <http://www.pansion-varezhkino.ru/ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

²³ Интернет-архив. URL: <https://web.archive.org/web/20170116102608/http://berezovo-nk.ru:80/> (дата обращения: 22.03.2018)/
Internet-archive URL: <https://web.archive.org/web/20170116102608/http://berezovo-nk.ru:80/> (accessed: 22.03.2018)

Таблица 2

Отчет ОПУ АНО ДПО Ирсот

Table 2

P&L Account of ANO DPO Irsot

Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	254 560 000	267 376 000	240 770 000	176 609 000	151 973 000
Себестоимость продаж	210 742 000	202 214 000	217 501 000	146 743 000	122 706 000
Коммерческие расходы	16 060 000	17 124 000	14 211 000	9 595 000	9 772 000
Управленческие расходы	17 020 000	31 073 000	26 789 000	18 225 000	17 704 000
Прибыль (убыток) от продажи	10 738 000	16 965 000	-17 731 000	2 046 000	1 791 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

другой сфере. Новостей о предприятии, которые бы позиционировали его как социальное, обнаружено не было. Тем не менее, удалось найти, вероятно, официальный сайт школы²⁴, на котором не было обновлений с 2014 года. Школа создает впечатление бизнеса в социальной сфере, но не социального предприятия.

4. Проект «Домашние половички руками бабушек». Также функционирует в форме ИП – проект реализует индивидуальный предприниматель Светлова Екатерина Геннадьевна. На момент исследования (март 2018 года) ИП действовал, однако оценить его финансовую устойчивость, ввиду отсутствия данных, не представляется возможным. Тем не менее, сайт предприятия работает²⁵ – последняя новость, размещенная на сайте, датируется июнем 2016 года.
5. АНО ДПО Ирсот, или проект «Беби-лайф». Успешно функционирует, но не как самостоятельный социально-предпринимательский проект, а как прекрасный пример зависимого корпоративного социального проекта²⁶. Так, его владельцем является ЗАО «Ирсот». Сегодня проект развивается и расширяется в регионы, что определенно является положительным моментом в контексте развития социального предпринимательства в целом (табл. 2).
6. ООО «МПЦ «Капуста». Не имеет официального сайта – адрес, указанный в качестве

официального, не работает (по состоянию на 12.03.2018) и не работал ранее по данным взб-архива²⁷. Предприятие ведет блог в социальной сети «ВКонтакте», однако размещенные сообщения, на наш взгляд, не в полной мере отвечают тематике и направлению деятельности социального предприятия²⁸. Тем не менее, организация демонстрирует положительные финансовые результаты, оставляя определенные вопросы в отношении классификации ее как социального предприятия (табл. 3).

7. ООО «Форт Денхофф». Представляет собой прекрасный социальный проект, созданный в 2014 году, но, к сожалению, судя по финансовым результатам, не являющийся предпринимательским. Так, предприятие 3 года подряд несет убытки. Вероятно, в 2017 году результат будет лучше, поскольку первая выручка была получена лишь в 2016 году (табл. 4). Последняя новость, в которой фигурирует предприятие, датируется 2015 годом, хотя сам культурный объект успешно функционирует. Исходя из этого, есть основания для позитивных ожиданий в отношении предприятия.
8. АНО «Катаржина». Социальное предприятие, показывающее отличный финансовый результат (табл. 5). Предприятие имеет страницу в открытой энциклопедии «Википедия»²⁹, ведет свой сайт (последнее обновление – в июне

²⁴ «Школа радости» URL: <http://школарадости.рф/club> (дата обращения: 22.03.2018) / «School of Joy» URL: <http://школарадости.рф/club> (accessed: 22.03.2018)

²⁵ Ботовские половички «Домашние половички руками бабушек» URL: <https://botovopoloviki.ru/> (дата обращения: 22.03.2018) / Botovian rugs «Homemade rugs with grandmothers' hands» URL: <https://botovopoloviki.ru/> (accessed: 22.03.2018)

²⁶ Институт РОСТа URL: институт-рост.рф/6/ (дата обращения: 30.09.2018) / ROSTa institute URL: институт-рост.рф/6/ (accessed: 30.09.2018)

²⁷ Интернет-архив. URL: http://web.archive.org/web/*/http://xn--35-6kca2c5aoih.xn--p1ai/ (дата обращения: 22.03.2018)

²⁸ Медико-психологический центр «Капуста». URL: https://vk.com/mpc_kapusta (дата обращения: 22.03.2018)

²⁹ Открытая энциклопедия «Википедия». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 22.03.2018)

Отчет ОПУ ООО «Форт Денхофф»

Таблица 4

Table 4

P&L Account of LLC «Fort Denhoff»

Наименование показателя	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	0	0	1 150 000
Себестоимость продаж	0	0	0
Коммерческие расходы	0	25 000	25 000
Управленческие расходы	23 000	346 000	2 778 000
Прибыль (убыток) от продаж	-23 000	-371 000	-1 653 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

открытых источниках также выявлено не было. Тем не менее, база данных «Спарк» позволила обнаружить еще одно предприятие этого же предпринимателя – областное казенное дошкольное образовательное учреждение «Детский сад компенсирующего вида «Здоровячок». К сожалению, вероятнее всего первоначальный проект дальнейшего развития не получил.

10. ООО «СГЦ «Опека». Является в действительности не одним предприятием, а

2017 года)³⁰, а также участвует в госзакупках (имеются контракты за февраль 2018 года)³¹. Данное предприятие является одним из самых успешных и «чистых» примеров социальных предприятий в выборке.

9. «Территория здорового детства» (или индивидуальный предприниматель Сухорукова Ольга, Курская область). По-прежнему является действующим (по состоянию на февраль 2018 года), однако в качестве сферы деятельности ИП указано предоставление социальных услуг без обеспечения проживания престарелым и инвалидам. Финансовую устойчивость предприятия оценить не представляется возможным ввиду отсутствия соответствующих данных. Новостей в отношении предприятия в

целой группой, формально объединенной в 2017 году (УК «Опека-Групп»). Организация функционирует, имеет свой сайт³² и показывает стабильно высокие финансовые результаты (табл. 6). Тем не менее, мы считаем, что это предприятие является скорее бизнесом в социальной сфере, причем весьма прибыльным.

11. Камчатский туристический центр «Росомеха» (или индивидуальный предприниматель Мещанкин Александр Владимирович). Ранее имел официальный сайт³³, который до сих пор функционирует, однако не обновлялся с 2015 года. Тем не менее, говорить о закрытии компании было бы явно преждевременно, поскольку в открытых источниках присутствует информация о проведении тематическо-

Таблица 5

Отчет ОПУ АНО «Катаржина»

Table 5

P&L Account of ANO «Katarjina»

Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	51 960 000	58 468 000	67 626 000	76 835 000	81 940 000
Себестоимость продаж	39 731 000	46 568 000	56 230 000	54 001 000	55 668 000
Коммерческие расходы	3 568 000	2 930 000	3 931 000	4 384 000	5 669 000
Управленческие расходы	0	0	0	10 323 000	11 381 000
Прибыль (убыток) от продаж	8 661 000	8 970 000	7 465 000	8 127 000	9 222 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

³⁰ Официальный сайт АНО «Катаржина». URL: <http://www.katarzyna.ru/novosti> (дата обращения: 22.03.2018)

³¹ Карточка поставщика АНО «Катаржина» на сайте «ГосЗатраты». URL: <https://clearspending.ru/supplier/inn=7715549708&kpp=771501001> (дата обращения: 22.03.2018)

³² Частные пансионаты с лечением для пожилых людей «Опека». URL: <https://sgc-opesa.ru/msk/> (дата обращения: 22.03.2018)

³³ Камчатский туристический центр «Росомеха». URL: <http://ru.go2kamchatka.com> (дата обращения: 22.03.2018)

Таблица 6

Отчет ОПУ ООО «СГЦ «Опека»

Table 6

P&L Account of LLC SGC «Опека»

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	59 815 000	35 659 000	24 701 000	34 560 000
Себестоимость продаж	58 086 000	31 716 000	20 690 000	30 376 000
Коммерческие расходы	0	0	0	0
Управленческие расходы	0	0	0	0
Прибыль (убыток) от продаж	1 729 000	3 943 000	4 011 000	4 184 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

го мероприятия, посвященного доступным путешествиям на Камчатку³⁴. Предприятие по-прежнему выдерживает социальную направленность деятельности, поэтому, вероятно, имеет смысл перекалificarовать его в категорию социальных. К сожалению, финансовые показатели, ввиду его организационно-правовой формы, недоступны. База данных «Спарк» позволила обнаружить два других предприятия, тематически связанных с рассматриваемым проектом – ООО «Камчатка Дискавери» (действовало с 2001 по 2011 годы), а также зарегистрированный в середине декабря 2016 года ООО «Клуб Путешественников «Росомаха» (финансовые данные предприятия пока недоступны).

12. Фонд «Тихвинской Иконы Божией Матери». Так же, как и ИП, не показывает свои финансовые результаты. Однако сайт Фонда успешно функционирует³⁵ и содержит актуальные новости, отражающие текущую активность³⁶. С организационно-правовой точки зрения проект был выделен в отдельное юридическое лицо, ООО «Тибож» (зарегистрировано 31.03.2016), что, безусловно, также показывает серьезные предпосылки к продолжению деятельности.
13. ООО «Хостел Гуд Лак». Является практически эталонным примером социального предпри-

ятия, если смотреть на финансовые показатели – в 2014 году оно начало получать небольшую прибыль и далее поддерживало положительные показатели (табл. 7). Предприятие ведет блог в социальной сети «ВКонтакте»³⁷, однако в определенный момент исчезло из сети booking.com – последний найденный отзыв датируется 2016 годом. Сайт хостела нефункционален, он был сохранен и размещен в формате картинки (разделы сайта недоступны, ссылки неактивны)³⁸. К сожалению, есть вероятность, что проект более не существует.

14. Частное учреждение дошкольного образования «Карапуз». Деятельность осуществляется через ИП, а потому не поддается анализу ввиду отсутствия финансовых данных. Новостей, в которых бы упоминалось такое учреждение, обнаружено не было – ИП более не действует. Тем не менее, удалось обнаружить предприятие «частное учреждение дошкольная образовательная организация детский сад «Карапуз», зарегистрированное 24.03.2017, которое, вероятно, будет продолжать реализацию анализируемого проекта. Тем не менее, говорить о финансовой устойчивости предприятия представляется преждевременным.
15. Центр женского здоровья, организованный на базе ООО «Стоматология»³⁹. По состоянию на февраль 2018 года функционирует,

³⁴ МЦОТ РФ и СНГ / страница мероприятия «Доступная Камчатка в Дарвиновском музее». URL: <https://icrt-russia.ru/events/dostupnaya-kamchatka-v-darvinovskom-muzee/> (дата обращения: 22.03.2018)

³⁵ Обувная фабрика «Тибож». URL: <http://tibozh.ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

³⁶ «Вы не фабрику, вы людей спасли!» / Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/02/23/67906-vy-ne-fabriku-vy-lyudey-spasli> (дата обращения: 22.03.2018)

³⁷ Хостел в Ярославле Good Luck / страница хостела в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/goodluckhostel> (дата обращения: 22.03.2018)

³⁸ Официальный сайт сети Good Luck. URL: <https://www.goodluck-hostel.com/> (дата обращения: 22.03.2018)

³⁹ Годовой отчет 2015. Центр женского здоровья и планирования семьи. URL: <http://nb-fund.ru/otchet/rumain411/centr-zhenskogo-zdorovya-i-pla/> (дата обращения: 22.03.2018)

Таблица 7

Отчет ОПУ ООО «Хостел Гуд Лак»

Table 7

P&L Account of LLC «Hostel Good Luck»

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	424 716	992 000	1 140 000	926 000
Себестоимость продаж	443 920	990 000	1 135 000	925 000
Коммерческие расходы	0	0	0	0
Управленческие расходы	0	0	0	0
Прибыль (убыток) от продажи	-19 204	2 000	5 000	1 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

однако никаких данных о реальных направлениях деятельности предприятия в открытых источниках обнаружено не было. Данное обстоятельство вызывает соответствующие вопросы в отношении социальной миссии предприятия. Финансовые данные компании приведены в табл. 8.

16. Частное образовательное учреждение дошкольного образования Детский сад «ВундерКинд»⁴⁰. Функционирующее предприятие, относящееся к категории «бизнес в социальной сфере». Предприятий с таким названием в сфере дошкольного образования очень много, более того, их деятельность схожа. Вэб-сайт, указанный в качестве официального, не содержит подробной информации, необходимой для идентификации компании.

Тем не менее, по имеющимся финансовым показателям предприятие можно отнести к стабильным (табл. 9).

17. Центр творчества «Чудеево». Функционирует через форму ИП, таким образом, финансовые результаты деятельности предприятия оказываются недоступны. Тем не менее, судя по информации из открытых источников, предприятие продолжает свою деятельность⁴¹.
18. ООО ДОЦ «Здравствуй»⁴². Демонстрирует довольно высокий уровень активности в открытых источниках информации, однако финансовые показатели предприятия не слишком высоки (табл. 10). Так, уже на операционном уровне предприятие два года подряд показывает значительные убытки.

Таблица 8

Отчет ОПУ ООО «Стоматология»

Table 8

P&L Account of LLC «Stomatologia»

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	526 000	617 000	426 000	387 000
Себестоимость продаж	526 000	595 000	409 000	372 000
Коммерческие расходы	0	0	0	0
Управленческие расходы	0	0	0	0
Прибыль (убыток) от продажи	0	22 000	17 000	15 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

⁴⁰ Сеть развивающих центров «Сема». URL: <http://sema-ivanovo.ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

⁴¹ Сеть художественных студий для детей и взрослых «Чудеево» / Чудеево. Семейный центр культурного досуга. 2010–2018. URL: <http://чудеево.рф/index.php> (дата обращения: 22.03.2018)

⁴² Детский центр «Здравствуй!» в Долгопрудном. URL: <https://vk.com/zdravcentr> (дата обращения: 22.03.2018)

Таблица 9

Отчет ОПУ ЧОУДО «Вундеркинд»

Table 9

P&L Account of CHOUDO «Wunderkind»

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	976 000	6 307 000	9 302 000	12 379 000
Себестоимость продаж	0	0	0	0
Коммерческие расходы	0	0	0	0
Управленческие расходы	958 000	6 657 000	9 207 000	9 647 000
Прибыль (убыток) от продажи	18 000	-350 000	95 000	2 732 000

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

Таблица 10

Отчет ОПУ ООО ДОЦ «Здравствуй»

Table 10

P&L Account of LLC DOC «Zdravstvui»

Наименование показателя	2013 г.	2015 г.	2016 г.
Выручка	770 000	2 247 000	880 000
Себестоимость продаж	600 000	2 694 000	1 651 000
Коммерческие расходы	0	0	0
Управленческие расходы	0	0	0

Составлено авторами по материалам базы данных «Spark». URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 22.03.2018)

Compiled by the authors based on materials in «Spark» database. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (accessed: 22.03.2018)

проектов, 1 компания прекратила свою деятельность, еще 3 являются нестабильными/убыточными. Большая часть финансово устойчивых проектов являются скорее бизнесом в социальной сфере, чем социальным предпринимательством. Учитывая представленный анализ, можно заключить, что наиболее правильным будет проведение исследования в отношении предприятий, поддержанных в более ранних периодах, поскольку данные за 2017 год на момент исследования были недоступны, и говорить о результатах дея-

Выводы

Таким образом, из 18-ти поддержанных предприятий треть (6 компаний) функционирует через ИП, что делает невозможным финансовый анализ их деятельности. Из оставшихся 12-ти проектов не было найдено подтверждения деятельности 2-х

тельности предприятий, поддержанных в 2016 и 2017 годах, не представляется возможным. Тем не менее, будут релевантны исследования в отношении состава и направлений деятельности социальных предприятий. Ниже, в табл. 11, представлены результаты выполненного анализа в сжатом виде.

Таблица 11

Сводные результаты деятельности предприятий

Table 11

Summary results of enterprises` activity

	Проект	Наименование	ИНН	Комментарий
1	Пансионат «Варежино»	ООО «Усадьба Варшкен»	3905054713	Нестабильное
2	Пансионат «Березово»	АНО «Центр социальной защиты и поддержки пожилых людей»	4217122749	НКО ликвидирована по решению суда
3	«Школа радости»	ИП Сычугов Игорь Геннадьевич		ИП, данных нет
4	«Домашние половички»	ИП Светлова Екатерина Геннадьевна		ИП, данных нет
5	«Беби-лайф»	АНО ДПО Ирсот	7717150115	Стабильное
6	«Капуста»	ООО «МПЦ «Капуста»	3528186704	Стабильное
7	Форт «Денхофф»	ООО «Форт Денхофф»	3906327579	Нестабильное
8	«Катаржина»	АНО «Катаржина»	7715549708	Стабильное

Окончание таблицы 11

End table 11

	Проект	Наименование	ИНН	Комментарий
9	«Территория здорового детства»	ИП Сухорукова Ольга Александровна		ИП, данных нет
10	«Опека»	ООО «СГЦ «Опека»	7817321540	Стабильное, группа компаний с 2017 года
11	«Росомаха»	ИП Мещонкин Александр Владимирович		ИП, данных нет
12	«ТиБож»	Фонд «Тихвинской Иконы Божией Матери»	7807290205	Нет данных
13	«Гуд Лак»	ООО «Хостел Гуд Лак»	7617008450	Возможно, не функционирует
14	«Карапуз»	ИП Маслакова Татьяна Викторовна		ИП, данных нет
15	Центр женского здоровья	ООО «Стоматология»	3025000167	Возможно, не функционирует
16	«Вундеркинд»	ЧОУДО Детский сад «ВундерКинд»	3702951147	Стабильное
17	«Чудеево»	ИП Пятава Наталья Александровна		ИП, данных нет
18	«Здравствуй»	ООО ДОЦ «Здравствуй»	5008058234	Нестабильное

Разработано авторами.

Developed by the authors.

На наш взгляд, социальное предпринимательство является сферой возможностей для российского общества. Наиболее актуальными и острыми социальными проблемами, которые эффективно решаются социальными предпринимателями, но по-прежнему остаются востребованными для большей части регионов и населенных пунктов России, являются:

1. Проблемы маленьких и отдаленных населенных пунктов: доступность здравоохранения, медикаментов, образования; трудоустройство местного населения;
2. Проблемы больших городов: использование ранее незадействованных трудовых ресурсов – инвалидов, пожилых людей, маргинальных слоев населения, а также ранее не принятые во внимание проблемы жилищного характера;
3. Проблемы культурно-исторического и экологического плана.

Проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что поддержка социальных предприятий со стороны государства и специализированных фондов действительно необходима, при этом не только финансовая – ведь после оказания адресной помощи отдельные предприятия так и не вышли на безубыточное функционирование, а часть проектов, вероятно, прекратила свое существование. Тем не менее, успешные проекты позволяют говорить о наличии в России пусть и небольшого, но целеустремленного сегмента социальных предприятий.

Список литературы

1. Калугина Т.Г. Социальное предпринимательство как фактор регионального развития (теория и практика) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. №. 2(9). С. 92–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18247536> (дата обращения: 04.10.2018)
2. Бобина Н.В., Матющенко Н.С. Использование наследия олимпийских и паралимпийских игр для развития социального предпринимательства // Инновации. Менеджмент. Маркетинг. Туризм. 2013. №. 1. С. 17–24. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21394589> (дата обращения: 04.10.2018)
3. Блаженкова Н.М., Поаншваль Н.С. Социальное предпринимательство: эволюция понятия, современное состояние и перспективы развития // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. №. 1. С. 72–78. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22826312> (дата обращения: 04.10.2018)
4. Кучмий Т.И., Кандина П.Н. Социальное предпринимательство: развитие понятия, положение и перспективы развития // Экономика и Политика. 2015. №. 2. С. 83–87. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24056901> (дата обращения: 04.10.2018)
5. Московская А.А., Аларичева М.А., Албутова А.И., Лыткина Т.С., Мамута М.В., Попова И.П., Силаева В.Л., Сорокина О.С., Сыкалов И.А., Шлыкова О.В. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 286 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25821932> (дата обращения: 04.10.2018)

6. Арай Ю.Н. Социальное предпринимательство в начале XXI века: основные понятия и страновые особенности // Российский журнал менеджмента. 2013. № 1. С. 111–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18870211> (дата обращения: 04.10.2018)
7. Зверева Н.И. Политические эффекты социального предпринимательства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология, политология. 2014. № 1. С. 111–115. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=22475733&> (дата обращения: 04.10.2018)
8. Сабирова З.Э. О социальном предпринимательстве в республике Башкортостан // Новая наука: финансово-экономические основы. 2017. № 3. С. 218–220. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28799143> (дата обращения: 04.10.2018)
9. Логунова Е.Г., Логунова О.А. К вопросу о социальном предпринимательстве в удмуртской республике // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2. С. 56–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32502342> (дата обращения: 04.10.2018)
10. Албутова А.И. Социальное предпринимательство в России: ключевые игроки и потенциал формирования // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 109–132. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2013/08/14/1291342150/ecsoc_t14_n3.pdf#page=109; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21309659> (дата обращения: 04.10.2018)
11. Калугина Д.А., Климова Г.Г. Государственная поддержка предпринимательства и социального предпринимательства как путь преодоления проблемы социального неравенства // Вопросы политологии и социологии. 2013. № 2(5). С. 27–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21633423> (дата обращения: 04.10.2018)
12. Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6(159). С. 103–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28174301> (дата обращения: 04.10.2018)
13. Чучкалова И.Ю. К вопросу о необходимости принятия закона о социальном предпринимательстве в России // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 20–2. С. 98–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30732055> (дата обращения: 04.10.2018)
14. Московская А.А., Берендяев А.А., Москвина А.Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6(142). С. 31–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32290133> (дата обращения: 04.10.2018); DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.02
15. Emerson J., Twersky F. New Social Entrepreneurs: The Success, Challenge, and Lessons of Non-Profit Enterprise Creation / A Progress Report on the Planning and Start-up of Non-Profit Businesses from The Roberts Foundation Homeless Economic Development Fund. San Francisco: The Roberts Foundation. 1996. URL: <https://community-wealth.org/sites/clone.community-wealth.org/files/downloads/report-redf96-intro.pdf>
16. Dees J.G. The Meaning of “Social Entrepreneurship” / Duke University's Fuqua School of Business. 2001 (revised vers.). URL: <https://entrepreneurship.duke.edu/news-item/the-meaning-of-social-entrepreneurship/>
17. Johnson S. Literature Review on Social Entrepreneurship. Edmonton: Canadian Centre for Social Entrepreneurship. 2000. URL: https://www.researchgate.net/publication/246704544_Literature_Review_Of_Social_Entrepreneurship
18. Certo S., Miller T. Social entrepreneurship: Key issues and concepts // Business Horizons. 2008. № 51(4). С. 267–271. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2008.02.009>
19. Остин Дж., Стивенсон Г., Вей-Скиллерн Дж. Социальное и коммерческое предпринимательство: сходства и различия // Вестник С.-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2010. № 3. С. 115–145. URL: http://www.vestnikmanagement.spbu.ru/archive/?article_id=483
20. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and the United States: convergences and divergences // Journal of Social Entrepreneurship. 2010. № 1. P. 32–53. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19420670903442053>
21. Alter S.K. Social Enterprise Typology. Virtue Ventures LLC. 2007. URL: <http://www.4lenses.org/setypology> (дата обращения: 04.10.2018)
22. Martin R.L., Osberg S. Social Entrepreneurship: The Case for Definition // Stanford Social Innovation Review. 2007. P. 27–39. URL: http://ssir.org/articles/entry/social_entrepreneurship_the_case_for_definition (дата обращения: 04.10.2018)
23. Abu-Saifan S. Social Entrepreneurship: Definition and Boundaries // Technology Innovation Management Review. 2012. Т. 2. № 2. P. 22–27. URL: https://timreview.ca/sites/default/files/article_PDF/Saifan_TIMReview_February2012_0.pdf
24. Bacq S., Eddleston K.A. A resource-based view of social entrepreneurship: how stewardship culture benefits scale of social impact // Journal of Business Ethics. 2018, Vol. 152. Iss. 3. P. 589–611. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3317-1>
25. Мухин А.В. Эволюция понятия социального предпринимательства. Основные функции социального предпринимательства // Новые Технологии. 2011. № 2. С. 103–106. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16539586> (дата обращения: 04.10.2018)

Об авторах:

Ивашенко Наталия Павловна, заместитель декана экономического факультета по инновационной деятельности, зав. кафедрой экономики инноваций, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1), Москва, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, **Scopus ID 35111334600**, **ORCID: 0000-0002-5917-2494**, **ResearcherID: O-1754-2017**, nivashenko@mail.ru

Булыгина Наталия Ивановна, аспирант экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1), Москва, Российская Федерация, ni.bulygina@yandex.ru

Вклад соавторов:

Необходимо отметить особый вклад Ивашенко Н.П., заключающийся в научном руководстве и корректировании статьи, а также формировании концепции научного исследования и поддержке на всех этапах его проведения.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

References

1. Kalugina T.G. Social Entrepreneurial Activity as a Factor of Regional Development (Theory and Practice). *Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2012; 2(9):92–102 (in Russ.)
2. Bobina N.V., Matyushchenko N.S. The use of the legacy of the Olympic and Paralympic Games for the development of social entrepreneurship. *Innovatsii. Menedzhment. Marketing. Turizm. = Innovation. Management. Marketing. Tourism*. 2013; (1):17–24 (in Russ.)
3. Blazhenkova N.M., Poanshval N.S. Social entrepreneurship: concept evolution, current state and prospects of development. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economics: Prospects of Development and Improvement*. 2014; (1):72–78 (in Russ.)
4. Kuchmij T.I., Cantina P.N. Social Entrepreneurship: the development of concepts, status and prospects of development. *Economics and Politics*. 2015; (2):83–87 (in Russ.)
5. Moskovskaya A.A., Alaricheva M.A., Albutova A.I., Lytkina T.S., Mamuta M.V., Popova I.P., Silaeva V.L., Sorokina O.S., Sykalov I.A., Shlykova O.V. Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and research / ed. Moskovskaya. A.A. Moscow: NRU HSE. 2011. 286 p. (in Russ.)
6. Arai U.N. Social entrepreneurship at the beginning of XXI century: main definitions and country specifics. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian management magazine*. 2013; (1):111–130 (in Russ.)
7. Zvereva N.I. Political effects of social entrepreneurship. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: sotsiologiya, politologiya. = Izvestiya Saratov University. New episode. Series: sociology, political science*. 2014; (1):111–115 (in Russ.)
8. Sabirova Z.E. On social entrepreneurship in the Republic of Bashkortostan. *Novaya nauka: finansovo-ekonomicheskie osnovy = New science: financial and economic fundamentals*. 2017; (3):218–220 (in Russ.)
9. Logunova E.G., Logunova O.A. On the issue of social entrepreneurship in the Udmurt Republic. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018; (2):56–60 (in Russ.)
10. Albutova A.I. Social entrepreneurship in Russia: key actors and the development potential. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2013; 14(3):109–132 (in Russ.)
11. Kalugina D.A., Klimova G.G. Government support for business and social entrepreneurship as a method of solving the issue of social inequality. *Questions of political science and sociology*. 2013; (2(5)):27–36 (in Russ.)
12. Moskovskaya A.A., Soboleva I. V. Social entrepreneurship in the system of social policy: International experience and prospects of Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2016; (6(159)):103–111 (in Russ.)
13. Chuchkalova I.U. On the need to adopt a law on social entrepreneurship in Russia. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire = Fundamental and applied research in the modern world*. 2017; (20–2):98–101 (in Russ.)
14. Moskovskaya A.A., Berendyaev A.A., Moskvina A.Yu. Between social and economic good: conflicting projects of legitimization of social entrepreneurship in Russia. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017; 6(142):31–51. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.02> (in Russ.)
15. Emerson J., Twersky F. New Social Entrepreneurs: The Success, Challenge, and Lessons of Non-Profit Enterprise Creation / A Progress Report on the Planning and Start-up of Non-Profit Businesses from The Roberts Foundation Homeless Economic Development Fund. San Francisco: The Roberts Foundation. 1996. Available from: <https://community-wealth.org/sites/clone.community-wealth.org/files/downloads/report-redf96-intro.pdf> [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
16. Dees J.G. The Meaning of "Social Entrepreneurship" / Duke University's Fuqua School of Business. 2001 (revised vers.). Available from: <https://>

- entrepreneurship.duke.edu/news-item/the-meaning-of-social-entrepreneurship/ [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
17. Johnson S. Literature Review on Social Entrepreneurship. Edmonton: Canadian Centre for Social Entrepreneurship. 2000. Available from: https://www.researchgate.net/publication/246704544_Literature_Review_Of_Social_Entrepreneurship [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 18. Certo S., Miller T. Social entrepreneurship: Key issues and concepts. *Business Horizons*. 2008; (51(4)):267–271. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2008.02.009> [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 19. Ostin J., Stivenston G., Vei-Skillern Dzh. Social and Commercial Entrepreneurship: Similarities and Differences. *Bulletin of the St. Petersburg University. Series Management*. 2010; (3):115–145 (in Russ.)
 20. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and the United States: convergences and divergences. *Journal of Social Entrepreneurship*. 2010; (1):32–53. Available from: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19420670903442053> [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 21. Alter S.K. Social Enterprise Typology. *Virtue Ventures LLC*. 2007. Available from: <http://www.4lenses.org/setypology> [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 22. Martin R.L., Osberg S. Social Entrepreneurship: The Case for Definition. *Stanford Social Innovation Review*. 2007; P. 27–39. Available from: http://ssir.org/articles/entry/social_entrepreneurship_the_case_for_definition [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 23. Abu-Saifan S. Social Entrepreneurship: Definition and Boundaries. *Technology Innovation Management Review*. 2012; 2(2):22–27. Available from: https://timreview.ca/sites/default/files/article_PDF/Saifan_TIMReview_February2012_0.pdf [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 24. Bacq S., Eddleston K.A. A resource-based view of social entrepreneurship: how stewardship culture benefits scale of social impact. *Journal of Business Ethics*. 2018; 152(3):589–611. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-016-3317-1> [Accessed 4th October 2018] (in Eng.)
 25. Mukhin A.V. Evolution of the concept of social entrepreneurship. main functions of social entrepreneurship. *Novye Tekhnologii = New Technologies*. 2011; (2):103–106 (In Russ.)

About the authors:

Natalia P. Ivashchenko, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie gory, Moscow, 119991), Moscow, Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor, Scopus ID 35111334600, ORCID: 0000-0002-5917-2494, ResearcherID: O-1754-2017, nivashchenko@mail.ru

Natalia I. Bulygina, postgraduate, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie gory, Moscow, 119991), Moscow, Russian Federation, ni.bulygina@yandex.ru

Contribution of co-authors:

It is necessary to note the special contribution of Ivashchenko N.P., which consists in scientific guidance and correction of the article, as well as the formation of the concept of scientific research and support at all stages of its conduct.

All authors have read and approved the final manuscript.

